

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

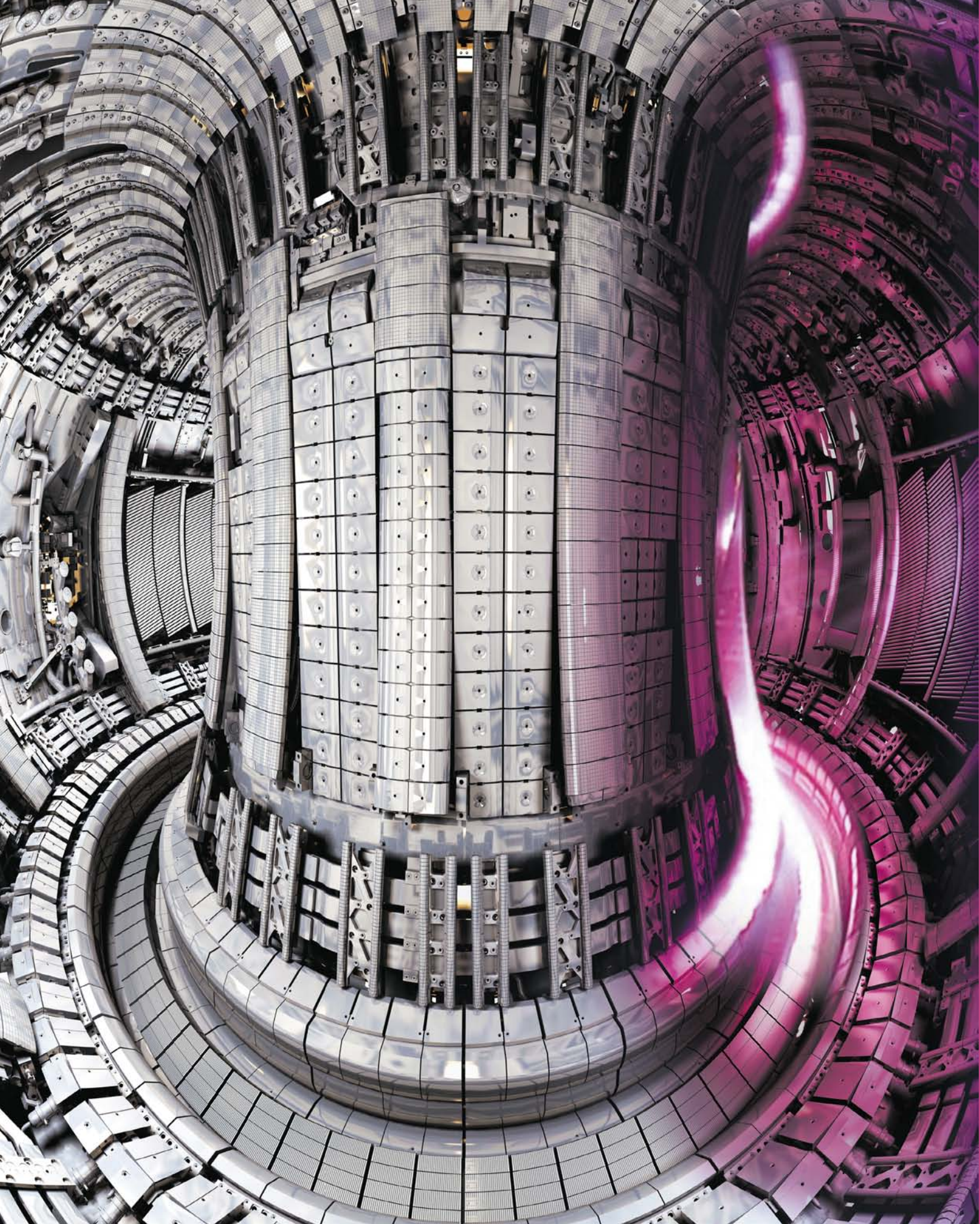
русские
стратегии

№ 4(50), 2017

Космизм-ленинизм Ленин: феноменология

*Ленин —
вектор истории*

Ленин — русский реактор

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Космизм-ленинизм
- 4** **Молния-Ленин**
(беседа с Сергеем КУРГИНЯНОМ)
- 18** **Ленин: вчера, сегодня, завтра**
(круглый стол, посвящённый вождю Великого Октября)
- 28** Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ.
Конструктор будущего
- 36** Сергей КАРА-МУРЗА.
Ленин: мышление, методология и знание
- 42** Михаил ДЕЛЯГИН.
Победитель XX века
- 48** Сергей БЕЛКИН.
Ленин и цивилизационный выбор России
- 60** Владимир ВИННИКОВ.
Путин и Ленин
- 66** Александр СУББОТИН.
Храм святой Голгофы
- 76** Андрей ФЕФЕЛОВ.
Церковное пророчество о Мавзолее
- 78** Владимир ЛИЧУТИН.
Мавзолей и Ленин
- 80** Вильям ПОХЛЁБКИН.
Инсигния, или Что нам делать с Мавзолеем?
- 86** **Русский интеграл имени Ленина**
(беседа с Львом ДАНИЛКИНЫМ)
- 94** Группа экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО.
Ленин: феноменология
(доклад Изборскому клубу)
ВЕК ЛЕНИНА (стр. 95)
ЛЕНИН И РОССИЯ (стр. 96)
ЛЕНИНСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ (стр. 99)
ЛЕНИН: ДИАЛЕКТИКА И МЕТАФИЗИКА (стр. 100)
ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ (стр. 101)
ЛЕНИН И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ (стр. 103)
ЛЕНИН И БУДУЩЕЕ (стр. 104)
- 106** **Библиотекарь**
- 107** **Хронология мероприятий клуба**
- 108** **«Живее всех живых...»**
(из поэтической «ленинианы»,
вступительное слово Георгия СУДОВЦЕВА)

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» № 4(50), 2017 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 29.06.2017

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 1023

/ Александр ПРОХАНОВ /

Иллюстрации: Александр ДЕЙНЕКА

Космизм- ленинизм

Ленин не предчувствовал русскую революцию, как Александр Блок или Андрей Белый. Не выкликал её молитвенно, как Константин Бальмонт или Максим Горький. Не сочувствовал, не сострадал ей, как Лев Толстой. Он сам был революцией, её отцом, её повивальной бабкой. Он знал, что под оболочкой трухлявой, умиравшей империи с её чванливыми камергерами и одряхлевшей династией, с лукавыми чиновниками и еврейскими банкирами, с генералами, умудрявшимися проигрывать одну войну за другой, с масонскими депутатами, сеявшими бессмысленную злую смуту, — под этой дряхлой, сгнивающей на глазах оболочкой таится огненная раскалённая плазма, плазма новой русской цивилизации.

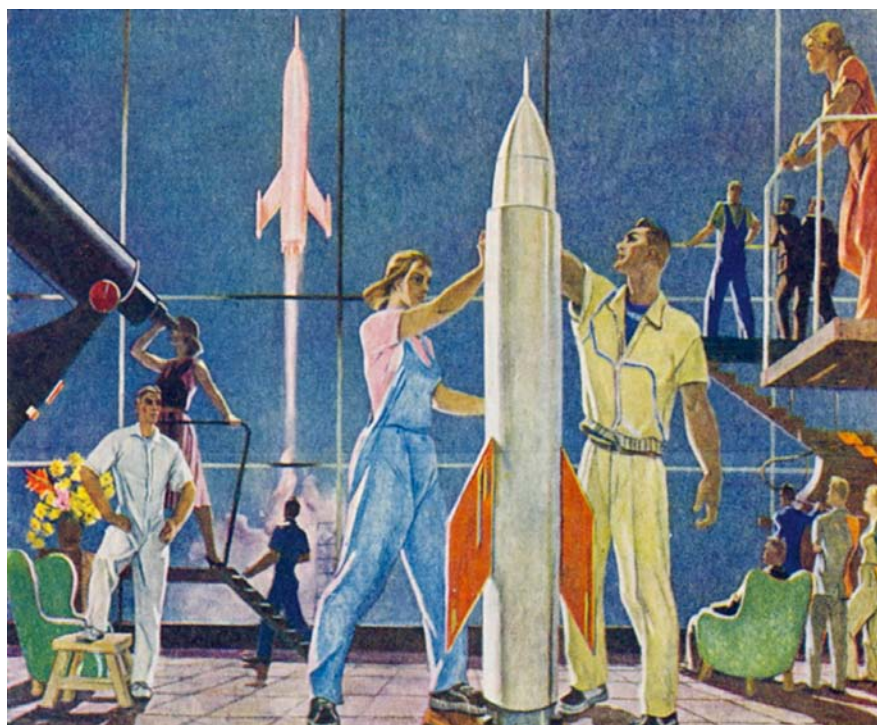
Россия вынашивала этого безымянного младенца. И Ленин прослушивал трубкой его упорное биение. Как опытный акушер, измеряя в материнском лоне этот таинственный эмбрион, готовил ему место рождения. Он, Ленин, дал революции своё имя. Он нашел инструменты, теорию и практику революции, с помощью которых рассёк омертвелый хитин романовского государства и выпустил на свободу это пылающее огненное светило.

Хлынувшую в мир расплавленную магму он сумел структурировать. Дать ей множество имён и названий. Обнаружить в ней будущую армию и будущие государственные институты, будущую науку и инженерию, будущее общество, которое затем стало называться советским. Эту структурированную, поименованную плазму он направил в развитие.

Ленин по своему значению — человек геологического масштаба. Не социального, не культурологического, а геологического — он изменил геологию планеты. Если мы говорим, что есть великие люди: скажем, Наполеон, который залил кровью Европу, но им гордится Франция, или Чингисхан, который стал кумиром всего азиатского мира, или Александр Македонский, который создал свою империю, разорив тысячу городов, — то Ленин значительнее всех этих людей, потому что он выпустил в мир такую энергетику, таких красных богов, такую красную метафизику, что она, по существу, перелопатила всё человечество, весь двадцатый век.

Всё, чем жил этот век, в том числе Победа 1945 года, выход человека в космос и освоение энергии атомного ядра — это ленинизм.

Смысл ленинизма — красный смысл, как его называют, — был позднее сокрыт в крошечных

трудах. В строительстве заводов и станций. В создании самолётов и танков. В возведении городов и каналов. Но этот смысл исходил из верования русских космистов, из теории Николая Фёдорова и Вернадского, из формул и чертежей Циолковского и Чижевского. Этот смысл — в преодолении смерти, в преодолении энтропии, в победе над вторым законом термодинамики, в создании бессмертного райского человечества.

Истоки ленинизма таятся не в политических и философских теориях девятнадцатого столетия. Они находятся в верованиях раннего катакомбного христианства, которое совершало свой подвиг не во имя родного прихода, не во славу Кесаря, а во имя инобытия и нового бессмертного человечества.

Без Ленина немыслим не только двадцатый век — немыслима вся предшествующая ему история. Схватка вселенских сил добра и зла, смерти и бессмертия, фашизма и социализма есть метафизическое наполнение ленинизма.

Ленин давно утратил плотское своё воплощение. Он превратился в чистую энергию, в неуловимую световую волну. Он вознёсся на небо и существует там в виде созвездия. И по этому созвездию, как бы ни старались мракобесы и ленинофобы, станет править свой путь человечество. Будущий Ленин опустится со звёзд на землю и повторит грандиозный опыт своего предшественника — станет создавать бессмертное человечество.

Молния- Ленин

Александр ПРОХАНОВ: Сергей Ервандович, я думаю, что у Ленина странная судьба: у этого имени и этой фигуры и в советский, и в постсоветский период. Мне кажется, что эта личность, это имя не нашло себе «гнезда». Оно всё время меняет это гнездо, оно пульсирует в контексте русской истории — как советской, так и постсоветской. Казалось бы, сегодняшняя Россия уже во многом примирилась со Сталиным. Категория «православный сталинизм» вы-

зывает всё меньше и меньше возражений. В некоторых монастырских кельях висят портреты Сталина. Победа, которая связана со Сталиным, всё больше приобретает религиозный, христианский православный характер. В этом смысле христианизируется и сам Сталин, и та часть советской эры, с которой был связан Сталин. А вот Ленин — нет, он не помещается. А может настать такое время, и настанет ли оно в принципе, когда будут говорить о «православном ленинизме»?

Сергей КУРГИНЯН: Я думаю, Александр Андреевич, что да. По ряду причин. Ведь невозможно совсем отделить Ленина от Сталина.

Я как раз не против — мне вполне достаточно Сталина, в том смысле, что советский период велик, что в нём есть ценности. Я понимаю, как это происходит, потому что Ленин — это революция, то есть отмена всех констант, а Сталин — это стабилизация, то есть постреволюционная эпоха. Это такой красный Наполеон. Но Сталин боготворил Ленина, и разорвать связь между ними и сказать, что Сталин уничтожил ленинское наследие, — невозможно. Потому что у истории есть какая-то её правда.

Это первое. Второе: всё-таки Ленин основал советское государство. Если советское государство — ценность, то это выводит на мою давнюю дискуссию с околпутинскими православными антиленинистами, которые говорят: «В Мавзолее лежит смутьян». А я говорю: «Там лежит не смутьян, а основатель советского государства».

Ну и третье, может быть, самое серьёзное, — это выяснение отношений между Российской империей и Советским Союзом. Империя, как ни крути, находилась на 5-м месте в мире, то есть была в полной зависимости: если Запад против неё объединится, то она проигрывает. Она должна была играть либо с Францией и Англией, либо с Германией, либо с кем-то ещё. Советский Союз вывел страну на 2-е место и впервые создал настоящий сверхдержавный паритет, суверенитет. Этого никогда бы не произошло, если бы не было революции. В этом смысле революция, при всех её ужасах, — а революция всегда ужасна, — была провиденциальной, она как бы выводила из некоего тупика.

Я долго разбирался с этим тупиком, потому что существует безумная путаница в цифрах. Вот, к примеру, говорят, что «при Николае II был огромный рост». Не было при Николае II роста! Рост реально был при Александре III. Вот тогда действительно изумились, и вдруг возникло ощущение, что если так будем развиваться дальше, то мы впереди всех. При Николае II в 1900-е годы было падение, был мировой кризис, и Россия была его частью. Дальше всё это стабилизировалось на 3–4 процентах, и стало ясно, что будет проиграна Русско-японская война, потом — что-нибудь ещё. И это ощущение разлитой безнадежности в царской элите — оно и породило в конечном итоге крах.

Ленин же пришёл уже по ту сторону краха, он не организовывал крах. Он, может быть,

и старался, но он был так мал, что не мог ничего сделать. Он был единственной точкой новой державности, вполне утопической, но задевавшей какие-то сущностные центры в русском народе, и в этом смысле он всё это каким-то образом в себя вобрал.

Мои знакомые, которым я по-настоящему верю (части из них уже нет), говорили следующее: «Пусть нам не рассказывают баек, мы читали первичные документы... Ленин приехал в 1917 году абсолютно здоровым человеком». Абсолютно! Потом — эта пуля и писчий спазм, то есть огромное напряжение при письме, которое дало первый инсульт, а уже дальше всё развивалось — конечно, он болел. Но приехал он абсолютно здоровым человеком. Он сгорел за несколько лет, потому что существовал в ситуации абсолютной неопределённости. А Сталин был достаточно большим человеком, и хотя он очень долго и ужасно много работал, но уже была система, он уже работал в системе.

Дело именно в этой стратегической неопределённости, в которой Ленин должен был каждую минуту крутиться.

И действительно, читаешь то, что Ленин говорит после Февраля и что говорят остальные, — и понимаешь, что стратегически только Ленин понимает, что происходит. Больше никто. Революционеры уже вернулись из ссылки, с каторги (те, кто был в России) — и сразу начали и с Временным правительством дружить, и со всеми, с кем только можно. Ленин находится далеко, но стратегически видит ситуацию каждый день. Он единственный, кто её видит по-настоящему. И, конечно, этой революции без Ленина бы не было.

А. П.: А как далеко ленинизм продвинулся в советском проекте? Ведь советский проект кончился. Нельзя же говорить, что до последней секунды существования советского проекта существовал ленинизм. В какой-то момент он либо остановился, либо замедлился, либо сменился чем-то другим, скажем, сталинизмом. Я слышал утверждение, что Сталин обожал Ленина. Конечно, это было так, он его, по-видимому, обожал.

С. К.: Он его окружение ненавидел.

А. П.: Но как можно любить человека, который создал вокруг себя мощную среду, сформировал её, и, по существу, эта среда

была истреблена, а ядро оказалось обожаемым? Или, может, какая-то часть этого ядра была обожаема, а какая-то часть была отвергнута Сталиным? Это тоже интересный момент.

С. К.: Например, Троцкого он ценил. Он чувствовал в нём какую-то силу.

А. П.: Сталин?

С. К.: Да. Он его ценил. Он его как бы и выпустил.

А. П.: Ну он его потом немножко переоценил.

С. К.: Потом он его переоценил — это другой разговор. Это политика, да. У меня есть новая пьеса, где они разговаривают: «Ты, Лёва, извини меня». — «Да что уж там, не ты — так я».

Так вот, там уже шёл мужской спор. Всех этих Бухариных, Рыковых и прочих — он их презирал. Он не верил в них по-настоящему. Какая-то часть этого революционного наследия (а он сам был революционером, но понимал, что с этим надо кончать, просто завязывать) — она не хотела завязывать. И тогда он завязал с ними.

А. П.: Ты говоришь о стихии, об энергии этих людей, может быть, о безумии революции, которая протянулась за горизонт. Мы говорим о ленинизме. Это не психология, это теория, это концепт, это, по существу, модель мироздания, это другое человечество — вот что такое ленинизм.

И как далеко этот ленинизм прошёл в советское время после 1924 года? 1925 год был годом ленинизма?

С. К.: Нет, уже нет. Был вторичный, суррогатный, уничтоживший Ленина «ленинизм» Хрущёва. Когда они начали от Сталина отказываться, а от партии нет, то они как бы возвращались к Ленину. Но что они под этим понимали, при чём там был Ленин? Они цеплялись за разные вещи: то за НЭП, то за что-то ещё. Ленин находился между двумя группами: между группой (условно) Богданова, Горького, Луначарского и прочих, которые говорили, что надо довести коммунизм до религии (и я считаю, что так и надо было сделать), религии человека, человека как строящегося Бога — «богостроительство» это называлось.

И группой чисто атеистической, которая говорила, что всё это ерунда, что нужно вернуться к абсолютно чистому атеизму. Ленин был вначале ближе к этому атеизму. Но уже где-то к 1920 году он сильно задумался и создал Общество друзей гегелевской философии (он называл их «материалистическими друзьями»). Но как только произносишь имя Гегеля, то о каком материализме можно говорить? Ленин начал двигаться через Гегеля, он понимал, что на чистом атеизме государство в России не построишь. А Гегель — это что? Это религия истории и Духа вместо религии личного Бога — там же всё очень близко.

Поэтому ленинизм настоящий, поздний — он, конечно, связан с этим, и он связан с твёрдым намерением Ленина не огосударствить партию. Любой ценой добиться неогосударствления партии. В этом смысле Ленин повторял то, что сейчас делает (как ни странно это прозвучит) Иран. Когда есть священный город Кум как религиозный традиционалистский центр, и муллы, и стражи Исламской революции — вместе. Между прочим, с тяжёлым вооружением — вот это всё иранский религиозный кулак. А есть светский Тегеран.

Так вот — Ленин никогда не хотел, чтобы партия огосударствилась, он понимал, что в этой ситуации место конфликта между буржуазией и пролетариатом займёт конфликт между управлением и пролетариатом. Не между капиталом и трудом, а между управлением и трудом. Он этот конфликт чувствовал, чувствовал, что это будет реставрацией буржуазии. «Как нам реорганизовать рабкрин», «О нашей революции» — все его последние статьи о том, как не огосударствить партию. А это очень далеко идущая вещь. Если партию не огосударствлять, и вместе с тем она — власть, то она — только церковь, она ничем другим быть не может.

А. П.: А зачем огосударствлять партию, когда Ленин отрицал государство? Я и хочу понять, в чём ленинизм? Значит, ленинизм в его представлениях о государстве был описан в работе «Государство и революция», где на государстве ставился крест. Значит, можно организовать социум помимо государства, можно организовать социум вне страт, можно организовать социум вне семьи, и это всё кончилось с момента Красного террора. Для реализации Красного террора потребовалось суперцентрализованное, мощное, военизированное

государство. Значит, ленинизм кончился именно на этом? Есть Ленин до революции, есть Ленин в момент революции, есть Ленин сразу после революции, есть Ленин победившего революционного процесса — и где же ленинизм? Все эти четыре формы — это есть ленинизм?

С. К.: Они все колебались. Марксу шли одно за другим письма от Бисмарка, где он пишет: возвращайся, мы сделаем немецкий социализм, а ты мне очень нужен как консультант. Приезжали посредники. Но Маркс отказался. Он сказал: «Нет, не буду, государственный националистический марксизм не будет существовать». А соблазн был велик. Ленин безумно ценил государство, хотя всё время говорил о его отмирании, отрицании. Он внутренне очень понимал, как оно устроено, и ему его очень хотелось. Одновременно с этим он декларативно говорил: «Нет-нет, его не будет». Когда они его получили, все вместе, — они в него просто влюбились.

Один мой дальний родственник, который был вполне, если говорить по-коммунистически, реакционно настроен (но он строил тогда Красную армию), он говорил: «Великим князьям и всем прочим Россия не нужна, они готовы её на что угодно разменять, а Троцкому — нужна. Я не знаю, что он

такое говорит, какая-то «коммунистическая мировая революция». Да какая разница — ему нужна армия! Давайте сделаем армию». Дальше делал паузу и говорил: «А когда мы сделаем армию, не будет Троцкого». Это был «символ веры» той части консервативной аристократической элиты, которая пришла к Ленину. Они почувствовали в нём жажду (которую перенял Сталин, конечно) большой государственности при полном риторическом отрицании её. В этом смысле, с одной стороны, человек всё это наследует — державность и всё остальное, с другой стороны, он её как бы отрицает. Ну а потом возникло главное — можно было ещё отрицать эту государственность и всё прочее, пока существовала марксистская надежда на то, что сейчас начнётся революция в Германии, дальше во Франции, в Англии — и всё. Что победивший в тех странах пролетариат окажет нам помощь и всё прочее. Но как только выяснилось, что мы живём в полном окружении — это уже другой Ленин.

Все параллели, конечно, очень странны, но вот Путин. Он — западник. Он чего хотел: чтобы мы вошли в НАТО, чтобы были западной державой, но сильной западной державой, глядишь (шёпотом) — первой, а там, глядишь, и Америка подвинется. А когда ты вдруг видишь, что Запад тебя просто отторгает безумно, то что-то происходит сущностно, ты

начинаешь что-то пересматривать внутри своей идеологии.

Когда Ленин понял, что, по сути, его любимый Маркс провалился (а он никогда до конца марксистом не был, и Плеханов его обвинял в этом, он говорил «бланкизм», «бланкизм», «бланкизм»), — он поменялся, это уже другой Ленин. И когда он схватился за Гегеля — он же схватился за него потому, что ему нужно было обосновать эту государственность, ему надо было начать её строить. При этом, будучи противником государства на словах и надеясь на мировую революцию, как они все (но не так, как Троцкий, — он был в этом смысле посередине между Сталиным и Троцким), он же фанатически верил в развитие. В момент, когда идёт эсеровский мятеж и всё поставлено на карту, он посылает отдельные военные части и средства на то, чтобы строить электростанции. Это может сделать только фанатик, человек, который в развитие России верил фанатически. А как её можно развивать без государства? Это же невозможно! Поэтому, как только он понял, что его «кинули», что все марксистские прогнозы на мировую революцию отменены, в нём проснулся русский националист. Соответственно, имперский, который всегда мессианский, и все эти коды... Он любил Некрасова. Так прочитаем Некрасова — там много и про Бога. Вроде он был атеистом (он был ближе к атеизму, чем Сталин), но не до конца.

Он и с индийскими какими-то вещами отчасти заигрывал, но больше всего — с Гегелем. И его роман с Гегелем, который был на фоне уже и болезни, два инсульта — это плохо...

А. П.: Потому что Ленин был чрезвычайно русским человеком, он был интегрально русским человеком, и в этом интеграле ленинском уместился весь русский идеологический генезис, со всем...

С. К.: ...с анархизмом, государственностью, со всем вместе — этакий микс...

А. П.: Там были волшебные сказки: там была сказка о ковре-самолёте, была сказка о скатерти-самобранке, сказка о молодильных яблоках, о живой воде. Я даже думаю, там была сказка о сером волке, в которого можно было обратиться, перевернувшись через плечо. То есть вся мифология древнеязыческая, этическая религиозная мифология России в нём была. Интересно было бы посмотреть, проследить, как она реализовывалась Лениным на практике. Конечно, в нём жил русский аристократизм, абсолютная рафинированность, абсолютная неподкупность служения своей идее, он был человек чести. Конечно, в нём жила русская интеллигенция и русская литература.

«Лев Толстой как зеркало русской революции» — он прекрасно знал эту гигантскую мощь зеркала, которым является русская словесность, в котором отражается и небо, и земля, и преисподняя даже. Я повторяю: то, что Ленин уцелел в этот период и возглавил всю эту стихию, — это результат его интегральной русскости, конечно. И то, что он всё время лавировал между этими чудовищными потоками истории, как в виндсерфинге, и овладевал потоками, — это результат его синтетичности. В нём было всё, даже то, чего мы, может быть, не знаем. В Сталине этого было гораздо меньше. Та часть ленинизма, которой не было в Сталине, была Сталиным отвергнута. И поэтому вернуть сегодня Ленина в контекст современной русской истории — это гигантская метаисторическая задача. Те, кто его выдавил и опять не хочет его впускать, — они совершают преступление перед русской матрицей. И конечно, для русских интеллектуалов очень важно вернуть его, как мы это сделали со Сталиным. Сталин возвращён.

С. К.: Я только сейчас наиболее серьёзно занялся двумя моментами. Первый — это, как ни парадоксально звучит, мы всё-таки говорим о русскости Ленина. Все копают у него другие корни... Я всегда говорил, что русскость — явление не этническое. Но даже если встать на точку зрения тех, кто ищет русскую этничность, то что такое Николай II? Да это, может быть, одна сто двадцать восьмая русской крови, а может — меньше.

Вспомнилась знаменитая фраза Александра III (а он был человек с юмором, да и вообще, наверное, умнейший русский царь). Когда ему сказали, что, наверное, всё-таки Екатерина согрешила с Салтыковым, он перекрестился и сказал: «Слава богу, мы русские». А когда ему сказали: «Да нет, это всё-таки миф и на самом деле это Пётр III», — он перекрестился и сказал: «Слава богу, мы законные».

Так вот, эти бесконечные дискуссии царей с Долгорукими, Оболенскими, Мещерскими, то есть с теми, в ком была эта русскость (а это была небольшая группа внутри той элиты), — это огромная трагедия, что какие-нибудь обрусевшие немцы России вроде бы тоже поклонялись, но там не было этого нутряного чувства. В Ленине этого русского — очень много: той же Волги, ощущения разинского мятежа, одновременно и интеллигентности,

и бунтарства — всё это вместе создаёт, конечно, фантастический сплав. И в этом смысле, конечно, когда он кричал на Дзержинского, Сталина: «Что вы ведёте себя как обрусевшие инородцы, которые хотят быть более русскими, чем...» — он как бы говорил от себя. В нём проснулась ответственность за государство.

Никто не понимает силу пережитого им удара, когда выяснилось, что эти холёные европейские страны, которые твердили: «Россия — слабое звено, порвите его, и мы сразу же сами сделаем революцию», — когда они «кинули». Когда оказалось, что они отказываются от коммунизма. И тогда Ленин сказал: «А русские приняли коммунизм. Так значит — это русский коммунизм». И это момент глубочайшей внутренней ревизии на фоне человеческой трагедии: всё, во что он верил и на что надеялся, — кинуло, обмануло. И с этого момента мы видим другого Ленина.

А. П.: Может быть, даже раньше. Вот мой личный опыт: когда кончился Советский Союз, когда рухнул красный идеологический монолит, оказались распечатаны гигантские энергии, которые в нём сберегались или, наоборот, замуровывались; кончилась пора, пробирка разбилась, и штаммы превратились в эпидемии. То же самое, мне кажется, было с Лениным. Революция в нём, в Ленине, распечатала все русские стихии, включая декабризм Пестеля (брат был повешен), и, как ты говоришь, разинщину, пугачёвщину, булавинщину, и эти сказки, аристократизм, и толстовское народничество, и в каком-то смысле Серебряный век с его исканием живой веры, живого православия. Ведь Серебряный век чаял революции, он взывал к революции, и он ждал Ленина. В нём, в Ленине, и махатма. То есть была распечатана в Ленине вся эта огромная накопленная русской историей масса, массив. И он встал.

Ты же занимаешься левым проектом. А как ты считаешь, Ленин — это историческое явление? Или Ленин по-прежнему актуален? Он актуален как великая историческая память и эмблематика нашей страны, нашей Родины? Или ленинизм с его представлениями о революциях, о классах, о методологии революционной — актуален?

С. К.: Я считаю, что левый проект без Ленина бессмыслен абсолютно. Но вся проблема заключается в том, чтобы угадать этого Ленина.

Вопрос не в том, чтобы от него отказаться. А угадать метаморфозу, которая там происходила. Есть достаточно банальный Ленин, может быть, хороший аналитик, экономист или юрист, который что-то видит. А есть человек, в которого вошла история. Когда в человека входит история, его личностный замес начинает играть...

Вошедший в человека Дух Истории — он щупает там самые глубинные пласты его личности. Вот здесь, как ты говоришь, — брат, а вот здесь — Разин, а вот здесь ещё что-то, а вот здесь — вот это. И это всё начинает, внутри, крутиться. Это колоссальное преобразование человека. Потому что в этот момент человек становится вместилищем Истории и какой-то колоссальной ответственности. Люди страшно меняются, когда они вдруг берут это всё в руки. А они брали это в руки именно в условиях революции. Значит, первое — это История, второе — Революция. Всё клубится.

Идут постоянные разговоры, что убиты царские дети... Мы всегда говорили: «Опомнитесь, ну зачем ему это? Ему это не нужно». И вообще, на этих бескрайних просторах, где всё клубится, кто за что может отвечать? Теперь уже Следственный комитет говорит, если переводить его коротко, что вообще его отряды легли мёртвыми ради того, чтобы царя довести. А потом уже пришли эти екатеринбургцы. Которые, между прочим, там его родственника убили. Двоюродного брата, кажется. Там вообще клубилось бог знает что. Он, видимо, хотел волочь эту царскую семью в Москву и устроить нечто, как с Марией-Антуанеттой и Людовиком...

Взять с этого политические дивиденды. Что ему оттого, что они где-то лежат? Он в этом смысле всегда сохранял абсолютную стратегическую накалённость и прагматизм — это ужасно трудно делать. И он в этом смысле был прагматиком. Поэтому его отношения с царём, с семьёй и со всем прочим могли строиться только на основе высшего прагматизма, который заключался в том, что — да, может, убьём, но на Лобном месте, казним за народ. Перед этим будет суд, народ всё узнает. А чего там, где-то на задворках? Ну как сейчас бы сказали, какая пиар-цена продукта? Никакая. С него же можно какую капитализацию получить! А он её всё время считал. И вообще, это соединение мозга, который каждый момент считает практику, и абсолютной внутренней исторической накалённости, которая только мечтой движет, — достаточно разорвать эти

два компонента сплава... Почему я считаю, что он важен: либо просто залезть в мечту и говорить, что у нас такие-то идеи, либо, наоборот, сесть в нишу прагматизма и сказать, что никуда из неё не выйдем, — чтобы историческое движение России на сегодняшний момент оказалось оборвано.

А мы сегодня переживаем эпоху такого же разочарования в Западе, какое было у Ленина. Ленин, разочарованный в Западе, и сегодняшняя разочарованность в Западе очень сходны. Уж как верили, уж как мечтали, уж как хотели «туда, туда, туда!» Тогда хотели в пролетарский Запад, а сейчас хотели в обычный Запад. И вдруг оказалось, что есть такое отторжение! И за этим вдруг угадывается не то лицо этого Запада, лицо, скажем прямо, Антихриста или чего-нибудь такого. И вдруг личность, которая вроде тянулась туда, она — раз! — получает отказ и начинает заново себя трансформировать. И если этот момент трансформации в русской истории сейчас не произойдёт, то мы либо натолкнёмся на какую-нибудь горячую войну, либо начнётся ломка государства.

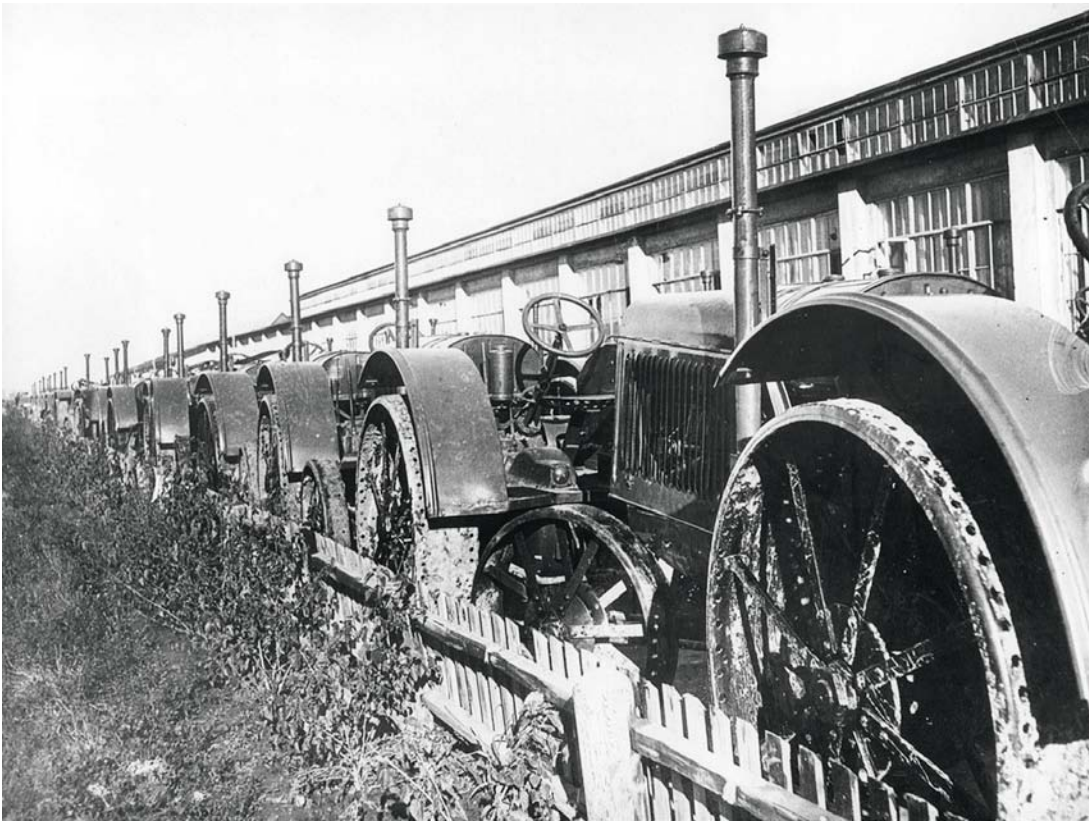
Поэтому это безумно важно — смелость. Вроде бы я — марксист-марксист, а когда надо — то всё к черту, все догмы вылетают. И этот до конца неопознанный интерес к Гегелю, с его мечтами, и эти его выяснения отношений с Богдановым и Горьким по каким-то пунктам — всё это принадлежит сегодняшнему дню. Потому что никакого возвращения к ленинизму с Хрущёвым не было. Ленин, сделанный Хрущёвым («Идут ходочки к Ленину». Евтушенко), — это карлик, сделанный под Хрущёва. С тем, чтобы два лысых человека как бы смешались и ими можно было по Сталину бить, — сумасшедшая затея. А на самом деле большой-то Ленин так и не раскрыт.

А. П.: По сей день.

С. К.: По сей день. Где этот масштаб?

А. П.: А интересно, сохранились какие-нибудь, хотя бы малые, свидетельства того, как Ленин сам себя ощущал? Потому что у него же не было автобиографии. Были его биографы, но они были все мелкотравчатые. Вот посмотрим, если Ленин — гегельянец, а если гегельянец — это теоретик духа в истории...

С. К.: Да.

А. П.: ...а если духом в истории России конца XIX — начала XX веков была революция, то, значит, революция сделала Ленина, а не Ленин сделал революцию.

С. К.: Конечно.

А. П.: Значит, революция искала, в кого бы вселиться...

С. К.: Конечно.

А. П.: Она рыскала. Рыскала, выбирала многих людей, в кого-то она вселялась на секунду, в кого-то на месяц, а в Ленина она вселилась тотально, она свила в Ленине своё гнездо.

С. К.: Она делала ставку, как птица или женщина. Такая, блоковская: «и медленно пройдя меж пьяными». Она думала: «А в кого мне залезть, от кого мне родить? От этого, от этого, от этого?»

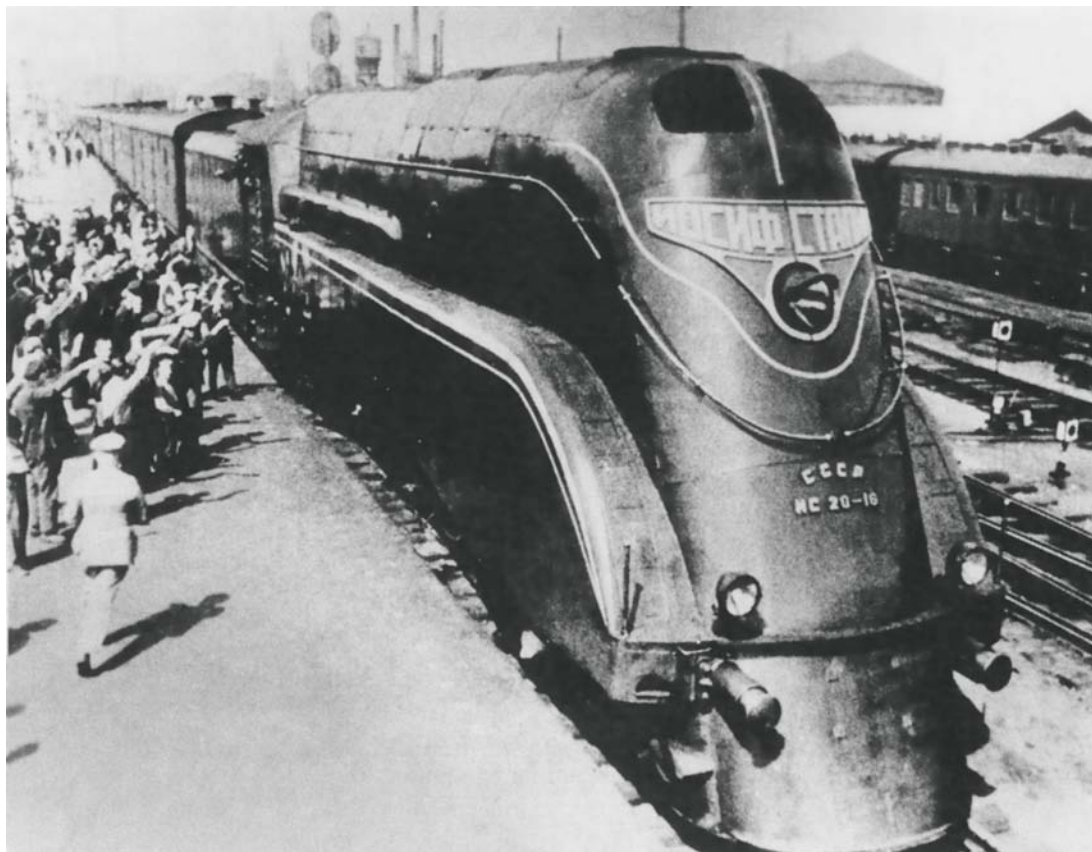
А. П.: И она вселилась в него. Причём она вселилась в него в своей сумасшедшей полноте, потому что, мне кажется, русская революция как раз и подняла со дна русской истории все остатки, которые

в ней были. Те, о которых мы говорили: там были и сказки, и пугачёвщина, и старообрядцы...

С. К.: Хлысты...

А. П.: ...хлысты, молокане — там все были. И конечно, были суперумы: и Чаадаев, и Данилевский... Значит, она ворвалась в него со всеми этими могучими тенденциями. И евреи туда же подключились, евреев захватил этот гигантский русский поток, потому что их нельзя было не захватить — они плавали уже на поверхности русской истории.

И мне кажется, что по мере того, как история СССР развивалась и цементировалась, Ленина в ней становилось всё меньше и меньше, Сталин отсекал из этого стихийного революционного Ленина элементы, которые не помещались в его красный империализм. И интересно, что осталось от Ленина? К 1941 году что осталось: только его мумифицированное тело или что-то ещё? Вообще, что на сегодняшний день от Ленина осталось? Ведь вы говорите, что есть аналогия с сегодняшними днями. Являются ли сегодняшние дни предтечей русской революции? Или,

несмотря на все смуты, на все неурядицы, на отсутствие развития, русская революция ещё дремлет, она не наступила? Если она не наступила, если ей не суждено взрыхлить всю эту почву, то нет и Ленина.

С. К.: Мне кажется, что русская революция всегда очень сильно связана с русским отчаянием. Непонятно, кто вселился в Ленина: Революция — эта отчаявшаяся Россия, как метафизическое явление, как великая странница. Как бы она внутри себя оказывается беременной этой революцией и новым проектом, потому что понимает, что прежний исчерпан. Она хочет жить, а в пределах определённых парадигм, моделей или схем она уже жить не может.

И это русское отчаяние, что жизнь кончается, а хочется её продолжить, — оно как бы и начинает бродить. Причём русские улавливают это раньше, чем это происходит. Вроде всё ничего, но японская война, что-нибудь ещё — симптомы. И какой-то дух в русских понимает, что уже смертью пахнет, пахнет смертью. Всё вроде хорошо: и дороги строятся, и что-то развивается, и сам он пишет «Развитие капитализма в России», и сам же он пишет, что если Столыпин пойдёт путем Бисмарка, то мы ни-

какой революции не увидим, ещё сто лет тут будет старая Россия. А внутри — чувство смерти. Ощущение живого, чувствующего смерть.

Я же помню: «Эти мерзавцы — Ленин, Троцкий, Сталин». И мне уже в 1992-м сущностно, внутренне — всё равно. Потому что непонятно, будет ли Россия вообще жить или нет — тут не до частных, не до отдельных личностей. Я лечу, уже не помню куда, и в самолёте начинают документально показывать этих людей. Я просто смотрю документальную съёмку. Может быть, они все очень милые, хорошие люди, в том числе Алиса Гессенская (хотя мои родственники считали иначе, говорили, что она масонка). Может быть, Николай — порядочный человек, да и все остальные очень милые. Но на этой документальной съёмке отчётливо видно, что это люди средние — со средним темпераментом, со средним пониманием. А потом ты видишь, как он начинает говорить — Ленин. И всё! Ты понимаешь, что это человек другого масштаба, не как они все.

С евреями — опять-таки запрещённая, идиотски запрещённая тема. Почти «Кто это сделал, лорды?». Фраза из «Макбета», когда Макбет видит призрак Банко. Он не верит, что это призрак, и говорит «Кто это сделал?», то есть кто это надел простыню и ко мне при-

шёл под видом призрака. Здесь то же самое: кто это сделал? Сидели они в своих местечках, и многие считали, что им там и место. Сидели бы они там и сидели, и никаких проблем бы не было. Нет, их начали ассимилировать. Ну ассимилировали бы, как во Франции, опять бы никаких проблем не было. Но их ассимилировали как? Только самых лучших и не полностью. Значит, если еврей поступает в университет, он должен сдать всё на пятерки (только самые энергичные там были), а потом ему говорят: «Батенька, врачом не будешь, будешь фельдшером». То есть из них делали специально подготовленный взрывной элемент. Так кто это делал? Ну не Зубатов же это делал и не какой-нибудь дядя царя. Это кто делал? Исторический дух? Кто это такую штуку, такой замес-то создавал? Ну сидели бы они в местечках или, наоборот, вошли бы они, как во Франции, в элиту — ничего бы не было этого. А это было.

А. П.: Значит, это делали не люди, это делала история.

С. К.: Да.

А. П.: Потому что у евреев тоже огромная история.

С. К.: Конечно.

А. П.: Мы рассматриваем евреев, которые вошли в революцию как элемент революции. А революцию мировую можно рассматривать как элемент еврейской истории, это тоже определённый взгляд.

С. К.: Ну да. Но если говорить о Хомякове, то он-то рассматривал в связке зороастризм, иудео-пророков и русское православие. Вроде бы почвенный такой товарищ, да? Когда говорят «мессианство», когда говорят «стрела Истории», то начинают с зороастризма, и потом иудаизм, конечно, и... православие. Эти три силы, двигающие просто из круга в линию, в какое-то историческое напряжение, ожидание.

А. П.: Это и есть человечность.

С. К.: Да, это и есть человечность. Поэтому как выглядел этот замес, как он сам с ним работал? Он же в чём-то был близок к Сталину, а в чём-то нет.

Теперь — что сделал Сталин, с моей точки зрения. Сталин понял, что ему нужно делать линейный мобилизационный проект. Ему надо за 10–15 лет подготовить страну к войне. Он взял и всю ленинскую сложность отсек, с тем, чтобы быстро сделать этот линейный проект. Кто его может за это упрекать? Мы выиграли войну, и ничего другого быть не могло.

Я всегда предлагал альтернативную схему рассмотрения. Говорят, что он убил Кирова. А за что он убил Кирова? Мне отец говорил (он был достаточно крупный историк): «Слушай, Киров Сталину всех сдал, он ему всё рассказал про то, как его хотели делать, он сам за него выступил. Зачем ему трогать Кирова?» А теперь представим себе альтернативную схему, что Сталин не знает точно, кто это сделал с Кировым, — оставим все эти сказки бытовые, и он не понимает, что происходит. Он единственное понимает, что он — следующий. И тогда, при всём его стиле, что он всегда спокоен, он бьёт в физиономию, выскочив из вагона, местных энкавэдэшников. Он просто стреляет куда угодно подряд, чтобы что-нибудь там убрать. И начинается вот это самое безумие — 1937–1938 годы, которое потом он сам же осуждает.

Значит, смысл заключается в том, что он начинает безумную ротацию кадров, переходит на совершенно новые проектные рельсы. И весь этот ленинизм, такой круглый или какой-то клубящийся, превращает в квадрат. И этот квадрат побеждает в войне. А дальше он сам не понимает, что с ним делать.

Все говорят, что это глупая работа — «Марксизм и вопросы языкознания». Какая она глупая работа? Это очень глубокое произведение. Все эти пометки на его книгах, которые он читает. И на ленинских «Философских тетрадях»...

Был вопрос, по каким вещам нужно изучать биографию. А постоянный интерес его к Лафаргу, включая то, что дочь Маркса и Лафарг покончили жизнь самоубийством, — он всё время об этом думает. И одновременно он думает, прав ли Лафарг, который говорит о Прометее совершенно особенным образом. Просто — увы и ах! — первый инсульт Сталина это, видимо, 1943-й год, и как он потом волок государство на себе — это вообще отдельная загадка.

А Ленин начала 20-х годов — это уже Ленин, который продирается сквозь какие-то болезни, сквозь колоссальный груз текущих дел, которые надо делать, поскольку каждую минуту всё может рухнуть. И при этом всё время думает о том, как выйти на абсолютно новый

качественный рубеж. И казалось бы, либо смерть Сталина, либо победа в войне должны были дать импульс опять туда, на новый качественный рубеж. Но Сталин-то (и я думаю, что не без неких оснований), очень уважая Ленина, ценя и восхищаясь им, сложно относился к партии. Он видел в этой партии что-то не то. И никто из нас не знает, какие он имел к этому основания. Видимо, глубокие. Но он же её не ликвидировал — он её отодвинул. А ленинская-то идея — действительное превращение партии в орден. Это Ленин хотел превратить партию в орден, а не Сталин. Что Сталин говорил об ордене меченосцев — это отдельный вопрос. А где религия меченосцев? А вот что Ленин хотел — это понятно: он хотел её посадить на гору, дать ей огромные полномочия. Там внизу, в долине, клубится жизнь, а на вершине сидит партия. Когда они видят, что жизнь не такая, они садятся на коней, спускаются вниз и — вешают, расстреливают, читают проповеди и так далее — меняют жизнь и снова уходят на гору. Только не огосударствить партию, только не огосударствить!

Сталин её, естественно, огосударствил. Поскольку людей вообще не было, он их взял и расставил по местам. Кто был не способен — расстрелял или отодвинул. Остальных засунул, и они сакрализировали каждый гвоздь и каждую машину. Если Сталин сам расписывал каждую смену на особо сложных станках, то можно представить, какая картина? Они все ушли туда. Как их за это осудить? А если бы они туда не ушли, если бы не было Кагановича и разруха на транспорте длилась бы дальше, то что бы мы делали в войну?

А. П.: Конечно.

С. К.: Они всё это сделали. Но они сделали это за счёт огромного упрощения системы. Они сделали её способной к рывку за счёт огромного упрощения. А оставив её в этом упрощённом состоянии, Сталин в каком-то смысле — не выведя её из этого в последние годы — обрек её на дальнейшую деградацию. На нём вся слава великой победы, на нём вся слава индустриализации, но на нём и то, что... Хрущёв — это чей человек? Он оставил команду, которая если его и не убила (а я думаю, что она его убила), так, по крайней мере, она стала на него гадить — ещё и труп не остыл. Это тоже вопрос преемственности власти. Как мне китайцы говорили: Сталин сделал всё, кроме преемственности власти. Преемственность власти — это

огромная сила. А что такое преемственность власти? Это либо масоны, либо какой-то другой орден, не важно — православный либо красный, но это что-то, не зависящее от личности.

А. П.: Как от конечной жизни.

С. К.: Да, да, вот оно длится дальше — куда, куда? И Сталин, конечно, гораздо больше связан с жёсткими энергиями кавказского духа. Он обожает Россию, но он вносит в неё вот этот замес. А Ленин — это, конечно, другое.

А. П.: Просто Ленин имел дело с русской стихией в основном.

С. К.: Да.

А. П.: А Сталин имел дело с мировой стихией. Он принёс русскую стихию в жертву мировым стихиям, поэтому он выиграл Победу. Это исторический политический лидер. И Чемберлен, и Запад, и Гитлер — вся эта огромная масса, с которой ему пришлось сражаться и одолевать её.

А ты считаешь себя творцом нового левого проекта?

С. К.: Я-то считаю, а время покажет. Это мои амбиции.

А. П.: Я тебя считаю творцом нового левого проекта, единственным человеком, который в сегодняшней левой России, а может, не только в России — в левой Европе, занимается реальным левым проектом. Ты его теоретизируешь, проектируешь, ищешь носителей, создаёшь Лонжюмо своё...

С. К.: Ищу традицию...

А. П.: В твоей деятельности Ленин — кто? Ты обращаешься к нему? Он для тебя опора? Он для тебя вдохновение? Или он для тебя предупреждение? Или он для тебя талисман? Кто он для тебя?

С. К.: Для меня Ленин — это трагическая фигура, обнаружившая тщету Запада. Трагически обнаружившая, как какую-то часть себя. Для меня Ленин — это человек, который изменялся при обнаружении того, что вот кинули, предали. Для меня Ленин — это человек, который, свято веря в Маркса, вдруг начинал менять себя и эту веру. Я не знаю, с кем это сравнить

в истории, потому что там даже Савлу-Павлу приходил свет на пути в Дамаск. А Ленин это делал сам. И конечно, для меня Ленин — это человек, который на «ты» с Историей. «Только двое стоят у подъезда, только двое — он и она», — почему-то я вспомнил эту советскую песню. Двое у подъезда, где вход в новую эру — он и она. Он её видит по-настоящему. Сколько бы Бухарин ни говорил, что он слышит шаги истории, — это всё метафоры. А Ленин их действительно слышал. Для меня Ленин — это прямая мистика и визионерство истории. Он эту историю и Россию как историю — видит. Он её видит, как Блок.

А. П.: Ленин возник, существовал и действовал в момент, когда русская государственность, проявляя свой очередной синусоидальный цикл, падала в тьму, в пропасть. И его левый проект рождался, по существу, на пустоте, когда весь предшествующий проект был израсходован. Отсюда была гарантия того, что его проект будет реализован. Он не сталкивался с неким новым проектом, у России в ту пору не было ни одного другого проекта. Ленинский левый проект был единственным.

А теперь, согласно моим представлениям, русская история вынырнула из тьмы 90-х и начинает возрастание. Если верить,

что история и государство больше, чем личность и что она имеет имманентные свойства в русской истории и русском времени, то сегодняшнее государство, каким бы оно иногда ни было ущербным, порочным и остановившимся, — оно всё равно находится на фазе возрастания. Так как заниматься левым проектом на фазе возрастания государства? Левый проект будет ломать это государство? Либо можно встроить этот левый проект в эту возрастающую синусоиду?

С. К.: Я считаю, что будущее за левоконсервативным альянсом. Впервые в истории! Никогда этого не было. Всегда левые хотели с либералами, поближе к демократам... Нас же сейчас интересует левоконсервативный альянс. Потому что, во-первых, левые — те, которые сейчас существуют на Западе, — это либо безумно беспомощные осколки сталинизма, ну совсем маленькие, либо гомики...

А. П.: Инфернальное что-то.

С. К.: Что-то инфернальное такое, клубящееся — в этом смысле. А нас интересует роль Сталина, и классическое левое движение с его моральностью, и Ленин.

Вот все говорят про «стакан воды», про Коллонтай... Да он им по рукам как дал! Уже он

дал, я не говорю о Сталине. Они как только заговорили о какой-то свободе — «Молчать! В консервативной России сейчас вы мне тут будете говорить о какой-то свободе! Цыц!» И они замолчали. Потому что он понимал, что ему-то надо этот семейлюбивый народ каким-то способом брать, с ним связь строить. А зачем ему эти бабы с их сумасшедшими идеями о свободной любви, лесбиянстве и о чём-то ещё?

Значит, во-первых, эта левая классика должна быть отделена, освобождена от полной ортодоксии и от этого извращения. Есть левый постмодернизм, есть левый контрмодернизм, а нужен, скажем, сверхмодернизм.

Во-вторых, какие-то совершенно другие константы состоят в том, что если взыскующие — это Россия, а место России в мире — это целостность, то русские — это и есть гарант того, что будет какая-то целостность, что не будет это всё дробиться на части («музыку я разъял как труп»), а будет целостность, всё время будет искаться внутри. Это грёзы Гёте, Гумбольдта, очень многих. Но это русский дух. Немецкий ушёл, а русский остался.

Если сейчас — эпоха целостности, то эта целостность должна проявляться, предположим, целостностью науки и культуры, образа

и понятия, то есть возникает какой-то колоссальный новый интеллектуальный синтез. Есть люди из левого проекта, о которых вообще никто не говорит, например, Вальтер Беньямин. Он быстро умер, он отказался от своих друзей, Шолема и других, которые с Израилем начали дружить. Он всё время говорил, что исторический материализм Ленина прав, но он прав потому, что под столом сидит карлик по имени Теология и дёргает этот исторический материализм за ниточки, поэтому он безошибочно делает шаги на шахматной доске. Если мы этого карлика-Теологию не увидим, говорит Беньямин, то весь исторический материализм бессмыслен. И это тоже марксизм. Это не гомики, не постмодерн, не какие-то полулиберальные бредни — это сильная страсть, которая меняет состояние исторического материализма.

А. П.: То есть, грубо говоря, справедливость, но божественная, сталинизм-ленинизм, но православные.

С. К.: Если говорить об этом, то да. Теперь о том, к чему ближе большевики. Большевики ближе, если говорить о твоей модели, к Святой Руси и московскому проекту, чем к питерскому. Как ни странно. Ведь они

все вроде бы ориентированы на Запад, «хотим туда», но по внутреннему духу... Большевики ведь что сделали? Никакой император, даже Пётр, не мог ответить: «Да, мы будем очень большими, а чем мы другие?» Да, есть завещание Петра Великого (фальшивка или нет — неизвестно), где были какие-то слова, что мы потом повернёмся к Западу задницей. Но так и не сумели! Всё это как бы было вроде и другим, но тем же самым Западом. А Московское царство понимало, что оно другое, что оно — Византия. И большевики твёрдо понимали, что никакого отношения к буржуазному Западу они не имеют. Они сначала считали, что он беременен Красной революцией. Но как только они увидели, что этого нет, сказали: «Ты — чужой».

Настоящее фундаментальное антизападничество и холодная война возникли только на основе большевистской идеологии и не могли возникнуть на основе идеологии Российской империи, потому что только при большевиках возникло 2-е место и настоящая сверхдержавность. Все эти компоненты надо вернуть.

Я без всякой вражды отношусь к романовскому проекту и к Петербургской империи, в ней тоже можно увидеть много интересного, она не так проста: и Таганрог, и Николай I, и Пушкин — там что-то есть, там что-то внутри этого клубится, настороженно-антизападное. И конечно, для меня сейчас безумно много значит Ломоносов. Потому что Ломоносов в своей дискуссии с норманнской теорией выдвинул совершенно потрясающие концепции русского генезиса. Но эти концепции потом замолчали. И даже вроде антинорманны — Татищев и прочие — это всё мелочь. Единственная по-настоящему крупная фигура — Ломоносов, ближайший сподвижник Елизаветы. Есть ещё русская романовская нитка.

Ломоносов там говорит, что мы-то от Антенора, мы не Эней, который создал Рим, а мы от Антенора, который ушёл в Падую, из Падуи в Балтику и далее. Это оправдание Рюриков не как варягов, а как чего-то другого. Это очень большие древности истории. Вообще, Ломоносов сказал впервые, что у русских — мировая древнейшая история, которая тоже должна быть включена в этот контекст.

А. П.: Московское царство, московский проект связаны с тем, что перенесли топонимику Святой земли под Москву и создали Новый Иерусалим. В этом квинтэссенция московского периода. Мы отняли у Запада,

да и у Византии право называться колыбелью христиан, православия, христианства — вот что сделал московский период.

А что сделал романовский период? Он, по существу, провозгласил теорию русского глобализма. И вот то, что ты говоришь: Ломоносов, который сказал, что нет, история является не норманнской, а русской, и этрусски — это русские, по существу, — это создание русского глобализма. И большевики тем же самым занимались.

С. К.: Конечно. Там даже не этрусски, но эне-ты — точно. Эне-ты, Пафлагония, этот Антенор, Падуя. Кстати, был такой Ларуш, который нас во всём этом упрекал. А Ломоносов фактически говорил: «Смотрите, вот оно». И никто после него не осмелился. Либо совсем сумасшедшие, либо никто. Все отъехали от этого. Но всё-таки мы же должны понимать, что Ломоносов — гений, и что так просто, на пустом месте, он говорить всё это не будет.

Значит, у этого всего есть русская тайна, уходящая ещё глубже. И с моей точки зрения, здесь говорить надо о том, что классический Запад — это Великая Мать хтоническая, в конечном итоге уходящая в Змея, а Запад русский — это Великая Мать светлая, солнечная. Но именно Мать, Родина-мать и всё прочее. А соответственно, это кузнечный миф, это миф змееборческий. И там, и там это уходит в колоссальные пласты древности, которые ещё не изучены. И сейчас, в отличие от большевиков, которые «прыгали» в утопию, мы говорим: «Дудки, пока мы всю эту нить не соединим (в этом огромное значение твоей «Пятой империи») — пока мы её дальше не продлим и сюда не продлим, мы вперёд не двинемся. Мы так просто «прыгать» не будем. Мы всю свою традицию возьмём, синтез её нащупаем.

А. П.: Что и сделал Ильич.

С. К.: Да.

А. П.: Кстати, у Рериха картина — Гималаи, или Тибетские холмы, или горы, и из-за этой цветомузыки гор поднимается огромное малиновое светило. Когда ты вглядываешься в него, видишь, что это — Ленин. То есть, по существу, он тогда написал «Восход Ленина». Я думаю, что мы переживаем время, когда из-за холмов этого Междарствия будет восходить Ленин. Давайте дождёмся с тобой восхода Ленина.

Ленин: вчера, сегодня, завтра

*Круглый стол, посвящённый
вождю Великого Октября*

Александр НАГОРНЫЙ,
*заместитель председателя
Изборского клуба:*

— Уважаемые коллеги! Друзья!

Сегодня у нас неординарная повестка дня — феномен Ленина в его историческом развитии, как видится нам его прошлое, настоящее и будущее в год столетия Октябрьской революции. Никаких ограничений и табу не предполагается, кроме того, что и негативные, и позитивные мнения должны быть основаны на фактах, а мнения — аргументированы.

Михаил ХАЗИН,
*экономист, президент
компании экспертного
консультирования «Неокон»:*

— Есть одно обстоятельство, по которому я, возможно, имею право начать обсуждение, поскольку у меня с Лениным был общий знакомый, который сыграл достаточно важную, хотя и техническую роль в Октябрьской революции 1917 года. Это был мой сосед по даче, звали его Карл Густавович Рянни, именно он в ночь с 24 на 25 октября 1917 года, будучи главным телеграфистом Смольного, передавал декреты «О мире» и «О земле». Умер он в 1994 году, через три месяца после того, как ему стукнуло 100 лет. Надо отдать Карлу Густавовичу должное — это был удивительно умный человек, и до XX съезда КПСС, то есть до 1956 года, молчал о том, что был знаком с Владимиром Ильичом, — от греха подалее.

Так вот, что произошло в России в 1917 году и какова в этом роль Ленина, а также партии большевиков, во главе которой он стоял?

В феврале 1917 года состоялся заговор крупной компрадорской буржуазии, генералитета и чиновничества, поддержанный государствами Антанты, — практически полный аналог тех историй, которые произошли в Германской,

Австро-Венгерской и Османской империях, то есть это было уничтожение транснациональным финансовым капиталом традиционных монархий, которые этому капиталу ставили какие-то препятствия. Эту тему и Маркс, и Ленин описали подробнейшим образом, поэтому я её повторять не буду. Интересно лишь то, что Февраль 1917 года повторился в нашей стране — один к одному! — почти через три четверти века в августе-декабре 1991-го, но с куда большим успехом для наших отечественных компрадоров. Так сказать, производственные отношения наконец-то дали догнать себя производительным силам, а те, образно говоря, устроили им «тёмную».

В реальности Советский Союз уже примерно с 1928 года полностью перешёл на ту же модель экономического развития, что была при капитализме, то есть на модель углубления разделения труда. Для внешнего мира СССР выступал как единое государство-корпорация, а весь его социализм был внутри, поскольку каждый гражданин этого государства-корпорации был его акционером, получая свои дивиденды по невероятно сложной системе. Октябрьская революция, Ленин и его соратники-большевики изначально не к тому стремились и не того ожидали. Но так сложилось по одной очень простой причине: необходимо было провести ускоренную модернизацию, иначе бы СССР исчез с карты мира на 60 с лишним лет раньше, чем это произошло в действительности, когда аналогичная задача модернизации не была решена за эпоху, именуемую «застоем».

При Сталине, который считал себя учеником Ленина, эта задача модернизации была решена — да, ценой невероятных жертв и крови, но в противном случае и жертв, и крови могло оказаться на по-

рядок больше, и никто бы о них даже не вспоминал.

На мой взгляд, главная заслуга Ленина состояла в том, что он создал реальную идеологическую и политическую базу для следующей, вненациональной модели объединения людей, которая на деле была лишь частично востребована и реализована в Советском Союзе. Сталин от неё, по сути, отказался — опять-таки, я думаю, по узкопрагматическим причинам, оставив её как некий флаг, но в реальности начал решать задачу противостояния капитализму через расширение советской национальной экономической зоны.

Только сейчас, в условиях нынешнего глобального кризиса и смены технологического уклада, ситуация начинает меняться, обогнавшие своё время идеи Ленина получают опору в реальной жизни. И по этой причине я считаю, что значение и признание феномена Ленина будут стремительно возрастать.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ,
*доктор физико-
математических наук:*

— Я бы взял только один аспект деятельности Владимира Ильича — его отношение к науке. Уже в 1901 году он писал: «Электричество позволит нам донести сокровища науки, искусства до каждого гражданина России». То же самое, уже с политической точки зрения, он повторил в 1920 году, когда уже началась реализация знаменитого плана ГОЭЛРО: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». То есть сначала определялась цель, затем — пути её достижения. Сначала — теория, потом — практика. Мне кажется, что идея государственного планирования, которая выросла из того же плана ГОЭЛРО, — это, безусловно, пророческая идея. На ней выросли все японские технологии,

там огромная роль государства, которое каждые пять лет планирует на 30 лет вперёд, потом делит их на отрезки по пять лет и разбирается: что в эти пять лет должно быть сделано, по-ленински разбирается: кто это будет делать, как, когда — всё совершенно конкретно. И такой подход придаёт огромную устойчивость японской промышленности, японской экономике, японскому государству, в конце концов.

Более того, Ленин абсолютно чётко говорил: «Мы должны производить конечный продукт», — ему в страшном сне не могла присниться гайдаровщина, когда мы будем торговать сырьём, а ведь Гайдара вспомните: «Не надо ничего перерабатывать, сырьём будем торговать». Даже масштабы, не говоря уже про векторы мышления Ленина, сравнивать с гайдаровскими нельзя!

И когда Владимиру Ильичу, уже главе государства, приносили планы упразднения Академии наук, он что говорил? «Ни в коем случае нельзя озоровать с академией. А что надо делать? Надо их привлечь к живому конкретному делу». Отсюда и его «Набросок плана научно-технических работ» — это апрель 1918 года! — где первым пунктом значится: «рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта». Вот оно, это самое «живое конкретное дело».

А что сейчас? Даже близко не допускают какого-то вмешательства научного сообщества в реальные экономические процессы, обходятся одними «эффективными менеджерами», способными «оптимизировать финансовые потоки». Правда, временно и очень недолго...

России, на мой взгляд, очень повезло в начале XX века, потому что Ленин, устремлённый к будущему, в своих действиях всегда опирался на серьёзный научный фундамент, на передовую науку своего времени, включая политическую экономию и философию, которым придавал очень большое значение. Он даже вник в проблемы физики начала XX века, аргументированно спорил с Махом, Авенариусом, отстаивая реальность, материальность, бесконечность и познаваемость окружающего нас мира. То есть он всерьёз относился к мировоззренческому, философскому фундаменту человеческого познания, человеческой деятельности. Спрашивается, какое сегодня мировоззрение у нас? Сколько долларов напечатает Федеральная резервная система США, и сколько из них придётся на нашу долю?

Ленин-то действительно занимался мировоззрением, а сейчас эта традиция нашей властью утрачена. Есть фраза, которую якобы сказал Шарль де Голль: «Сталин не ушёл в прошлое, а растворился в будущем». Я думаю, к Ленину она относится в ещё большей степени.

Во всяком случае, Ленин обеспечил будущее нашей науки, дав стране, в которой в 1913 году 80% населения было неграмотным, элитарную, по сути своей, систему всеобщего и бесплатного образования. Поэтому, на мой взгляд, если нам удастся прорваться в будущее, то, конечно же, множество факторов, которые были реализованы и заложены в начале XX века, продуманные и спланированные Лениным, — они, безусловно, сыграют в этом прорыве свою роль. Хотя сегодня их активно пытаются уничтожить: и систему образования, и систему научно-исследовательских учреждений, и всю мировоззренческую систему.

Михаил ДЕЛЯГИН,
доктор экономических наук, директор Института проблем глобализации:

— Лично меня в фигуре Ленина поражает абсолютная гибкость, изменчивость тактики, которая сочетается с жёстким достижением стратегических целей. Эти цели не менялись: политическая власть пролетариата и власть народа в целом, а в условиях такой власти — ускоренное развитие производительных сил страны. У него есть потрясающая фраза, которая успешно была забыта, что социализм от капитализма отличается не материально-технической базой и не формой собственности, потому что даже стопроцентная государственная собственность в принципе возможна при капитализме, — нет, социализм от капитализма отличается только одним: властью трудящихся. Знаменитый ленинский лозунг: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны», — именно об этом. Он всё время требовал слушать массы и опираться на массы, потому что это был революционный процесс, это был процесс постоянного возбуждения народной волны и постоянного вслушивания: «Не забежали ли мы слишком далеко от них? Не отстаём ли мы от них слишком сильно?» И этот процесс постоянного взаимодействия с революционными массами, это нечто невообразимое даже для нынешней эпохи Интернета, когда всё это можно делать без курьеров, без связанных, без митингов и без резолюций.

И такая жёсткая ориентация на интересы трудящихся масс России и всего мира делала Ленина не просто политиком или государственным деятелем — она делала его вождём развития всей человеческой цивилизации. Не только мирового пролетариата, а человечества в целом. Нам сегодня трудно

подобное представить, но ведь его похороны — это были пять минут молчания по всей планете. Их можно назвать первым глобальным флеш-мобом, хотя такое определение будет постмодернистской пошлостью. То есть настолько мощный импульс был воплощён в фигуре Ленина, что люди жертвовали собой — совершенно осмысленно, в значительной степени безысходно и безнадежно. Жертвовали ради светлого будущего, ради счастья человечества: даже не своих детей, которых у них зачастую и не было, — а просто чувствуя всех как собственных детей, своё продолжение и воплощение. Нам это состояние незнакомо, мы его можем считать сумасшествием или фанатизмом, но тогда оно было достаточно массовым, и этот «заряд» был связан именно с Лениным.

При этом он не был каким-то «гуру» в привычном смысле этого слова — он как раз всегда апеллировал к каким-то рациональным моментам, не «давил» на инстинкты и архетипы, на «коллективное бессознательное» и чётко понимал значение технологий. Речь не только о ГОЭЛРО — речь вообще о том, как знания превратить в умения и использовать во благо всего человечества.

Ленин жил в период загнивания монополий, когда загнивание монополизма не оставило людям нормального человеческого выхода. Тогда монополизм зашёл в тупик на государственном уровне, сейчас монополизм зашёл в тупик на глобальном уровне. И мы сейчас стоим перед той же самой угрозой вплоть до фразеологии о тотальном доминировании монополии, которая стояла в конце нулевых годов того века. Я напомню, что роман «Железная пята», о котором сейчас много говорят применительно к глобальным монополиям и трансформации человечества, был написан Джеком Лондоном ещё в 1909 году.

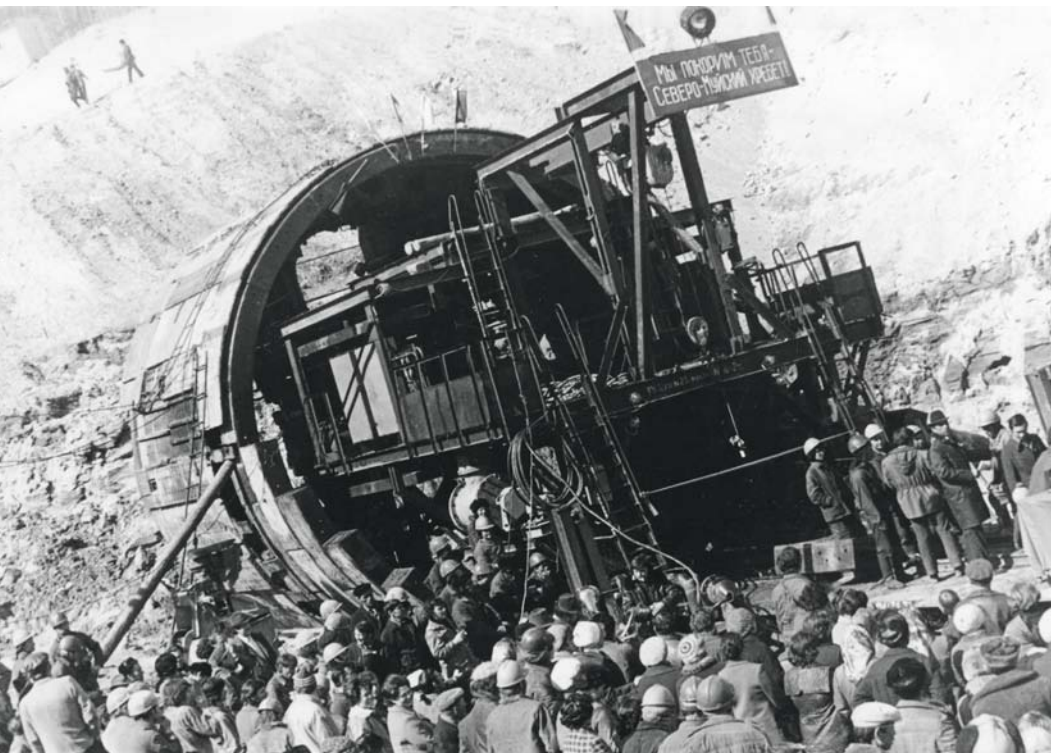
Как сказал один очень хороший марксист молдавский, Марк Ткачук, он сказал, что «люди обращаются к коммунизму, когда все остальные пути уже перепробованы. Человеческая природа такова, что человек обращается к коммунизму от отчаяния». Понимаете, я не могу говорить, что Ленин будет востребован, потому что я прочитал несколько его жизнеописаний, я понимаю, что он востребован уже сегодня. Просто мы пока не умеем воспользоваться ленинскими уроками.

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
доктор политических наук,
профессор МГУ:

— Третий век назад, ещё в советские времена, я написал дипломную работу под названием «Ленинский конспект науки и логики Гегеля как теоретический источник для изучения категорий социализма». Ленин, безусловно, блестящий диалектик, поэтому все сторонники формальной логики пытаются ловить его «на противоречиях»: мол, вот тогда-то он говорил и делал одно, а тогда-то —

совсем другое, прямо противоположное.

Но, во-первых, диалектическая логика, разработанная Гегелем, — она не прямолинейна, а спиралевидна, и если от каждой её точки выстраивать дальше прямую линию, то можно уйти очень далеко в сторону. Вы можете обратить внимание, если мы возьмём хотя бы термин «социализм», то в ленинских работах он встречается тысячи раз и примерно в 200 смыслах, с нюансами, различиями и так далее. Понятно, что таким формально-логическое определение быть не может, тогда почему это? Да потому, что спираль разворачивается, и если мы посмотрим с точки зрения этого декодирования через гегелевскую логику, то увидим, во-вторых, что для Ленина в идеологии, политике и экономике существуют два фундаментальных и взаимодействующих начала: производительные силы и производственные отношения, определяющие внутренние и внешние особенности любой общественной формации. Вот в этом главном он неизменен,

это его «нить Ариадны» в лабиринтах истории, всё остальное может изменяться в зависимости от обстоятельств места и времени.

И что было сделано Лениным в результате? В результате он смог предложить линию, в известной степени более националистическую в смысле классического национализма, то есть решение национальных задач развития России, чем предлагали русские националисты, которые не смогли стать до конца в этом смысле националистами. Он, вопреки ортодоксальным марксистам в лице меньшевиков, доказал, что в России последовательное применение марксизма изменяет определённые положения самого Маркса, и в этом отношении он оказался большим марксистом, чем ревнители «Капитала». Он в каком-то смысле оказался большим государственным, чем противостоящие ему консерваторы-государственники. Он оказался большим народником, чем эсеры, и он оказался большим революционером, чем самые заядлые революционеры, но в то же

время — большим консерватором, чем русские традиционалисты.

Парадокс, но это так, и без ленинской диалектики подобное было бы невозможным.

Кстати, на месте РПЦ я бы вообще сказал о том, что церковь с начала XX века находилась в состоянии, когда она в массе своей отвергла заповеди Христа, и Господь, который не может второй раз на крест Сына посылать, посредством Святого Духа привёл к власти в России большевиков, которые выгнали торгашей из храмов.

В этом отношении есть ещё и такой важный момент. Сейчас весьма распространено следующее видение истории: была великая русская империя, потом Ленин и большевики её разрушили, потом пришёл Сталин, большевиков-ленинцев перестрелял и эту великую империю восстановил.

Я не говорю сейчас об исторических неточностях этой модели, явно «зеркалящей» хрущёвскую модель «культы личности», — я полностью согласен с тезисом Александра Андреевича Прохано-

ва, что история у нас одна, и рвать её на части, противопоставляя одну из них какой-либо другой, — значит помогать разрушению русской цивилизации, Русского мира. Нельзя противопоставлять Ленина и Сталина, поскольку мы видим в их действиях единую диалектическую логику и общую цель. Да, «Ленин ходил в туфлях, а Сталин в сапогах, поэтому Ленин лужи обходил, а Сталин шёл напрямую», но шли-то они к одной цели. Которая для меня объясняет и сущность коммунизма, и феномен Ленина: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Это формирование и максимально полное раскрытие творческого потенциала человека в интересах общества и его собственных. Ленин — не просто гениальный человек, но человек, стремящийся развить творческие начала каждого человека и человечества в целом.

Шамиль СУЛТАНОВ,
*руководитель
исследовательского центра
«Восток—Запад»:*

— Именно Ленин, которого многие обвиняют в том, что он был антипатриотом, врагом России и так далее, сохранил единство страны. Давайте зададимся простым вопросом: была ли тогда в России альтернативная фигура, которая могла это сделать? Керенский, Колчак или кто-то ещё? Нет, никто другой этого сделать бы не мог, потому что Россия в 1917 году, после отречения Николая II, оказалась расколота на десятки частей, и никакой другой основы для её воссоединения, кроме ленинской, не существовало, что и показала история Гражданской войны. Без него судьба России повторила бы судьбу Австро-Венгрии или Османской империи. Это первый момент.

Второй момент. Почему Стивен Бэннон, главный политический стратег Трампа, называет себя «ленинцем»? Не ради красного словца говорит, не просто так — у него есть собрание сочинений Ленина на английском языке. При этом Бэннон — далеко не коммунист и не левак. Потому что идеи Ленина — единственная реальная альтернатива тому цивилизационному загниванию, которое в полной мере проявилось уже в ходе Первой мировой войны, а затем — и во Второй и достигло предела сегодня, после четвертьвекового господства «однополярного мира».

Уже в начале XX века «мировому рынку» стало некуда развиваться в пространственном отношении, в начале XXI века оказался использованным весь потенциал системного расширения, в том числе — временного, что проявилось в кризисе финансовой системы, основанной на «долговой экономике».

То, что мы называем социализмом, — это условное название творчества масс, творчества миллионов и миллиардов людей, низведённых сегодня до положения «прекариата», экономических унтерменшей. То есть сегодня проблема перехода к новой цивилизации стала ещё более острой и безвыходной, чем она была столетиями назад. Поэтому-то Бэннон, которого называют демиургом победы Трампа, хочет сделать Америку снова великой — по-ленински.

Третий момент, с моей точки зрения, — самый существенный. Дело в том, что Ленин поставил вопрос о власти как о действии народных масс и каждого человека в отдельности, о преодолении отчуждения человека от государственной власти, от общества, от своей семьи, от самого себя. Это вопрос обретения смысла собственной жизни.

Вообще, если читать Ленина, то можно выделить четыре стадии политического осознания челове-

ком своих интересов, осознания своей борьбы. Это, во-первых, классовые осознания, когда свои собственные коренные интересы и ценности осознаются полностью. Это, во-вторых, классовый инстинкт, когда осознание этих интересов и ценностей, в силу разных причин, отсутствует, но есть инстинктивное следование им. Это, в-третьих, классовая толерантность, когда человек становится объектом манипуляций. И, наконец, в-четвёртых, это — классовый идиотизм, когда массы людей идут против своих собственных коренных интересов и ценностей. Например, известные нам «цветные революции» происходят либо из-за отсутствия классового сознания и классового инстинкта, либо из-за классового идиотизма.

Ленин же действительно работал на уровне полного политического осознания, что показывают, например, истории заключения Брестского мира или перехода от «военного коммунизма» к НЭПу. Причём у Ленина, по сути, было всего лишь пять лет для реализации своего политического потенциала: с апреля 1917-го по май 1922-го — в условиях Гражданской войны, иностранной интервенции и разрухи. В мировой истории последнего тысячелетия трудно найти какой-либо пример, сопоставимый по своей интенсивности, эффективности и «долгодействию» с политической деятельностью Ленина.

Юрий ТАВРОВСКИЙ,
востоковед, профессор РУДН:

— Когда слышишь о том, что «красный проект» потерпел крах и ушёл в прошлое, хочется возразить: позвольте, в КНР пятая часть современного человечества живёт при социализме, реализуя как раз «красный проект» — пусть с китайской спецификой, а 80 миллионов людей — коммунисты. Рядом — Вьетнам, 100 миллионов

человек. Тоже социализм, тоже миллионы членов партии. Поэтому ясно, что «красный проект» существует и развивается. Но вот какова в этом развитии роль Ленина?

В отличие от вас я почти не задавался таким вопросом, потому что я — страновед, я Китаем занимаюсь, а Ленина в Китае, могу сказать с полной уверенностью, сегодня нет. Один бюст Владимира Ильича на всю КНР — и тот установлен в музейном комплексе советского генконсульства в Кульдже, это Синьцзян, там, в общем, долгое время была зона советского влияния. Да, во многих музеях есть местные документы, связанные с Лениным, есть деньги освобождённых районов коммунистических в 20–30-е годы с Лениным. Есть того же времени переводы ленинских работ, изданные в полевых условиях на плохой бумаге. Есть и более поздние издания: в шикарных переплётах, два раза переводили ПСС, и так далее.

В Академии общественных наук тоже есть музей, где можно видеть несколько ленинских портретов. Есть картина с Лениным в Национальном музее КНР — традиционная советская картина, где он выступает, кажется, на II съезде Советов. И всё, больше Ленина в Китае я не видел, хотя бываю там часто и в очень разных местах.

Почему так? Когда я задал этот вопрос своим китайским знакомым, занимающим достаточно высокие места в государственной и партийной иерархии, то получил примерно следующие ответы: «КПК специально не рассматривает и не рассматривала вопрос об отношении к Ленину. В её уставе сохраняется положение о том, что Маркс, Энгельс, Ленин — это компас для партии. Маркс, Ленин (это тоже в уставе сказано) указали человечеству правильный путь развития общества, основные принципы, которые

до сих пор обладают большой жизненной силой. КПК придерживается основных принципов марксизма-ленинизма и следует избранному китайским народом пути марксизма-ленинизма в соответствии с китайскими условиями». Главное здесь — это последние слова, то есть «китайские условия».

А условия эти таковы, что, когда я предлагал совместно с Изборским клубом как-то отметить столетие Великой Октябрьской Социалистической Революции, то мне отвечали: «А почему вы, собственно, считаете, что мы намерены эту дату отмечать? Это ваша история, для нас она большого значения не имеет».

Тут я призадумался, в чём же дело? И у меня родилась идея — надеюсь, достаточно безумная для того, чтобы иметь отношение к действительности. Ведь китайская компартия родилась только в 1921 году, и произошло это следующим образом. В Китае были уже марксистские кружки, всякие профессора-студенты изучали Маркса и так далее. Но компартии, «партии нового типа», не было. Из Советского Союза, из Владивостока, в Шанхай приехали агенты Коминтерна, собрали этих китайских марксистов, объяснили, как делается партия, погрузили их на лодку, завезли в центр озера, чтобы никто не подслушивал, и там провозгласили создание КПК. В том же Национальном музее висят портреты участников этого Первого съезда: наряду с профессором Ли Дачжао, заведующим библиотекой Пекинского университета, Мао Цзэдуном и другими китайскими товарищами там налицо два человека совершенно не китайской внешности — те самые агенты Коминтерна.

Но Ленина-то китайцы уже практически не застали, зато знали, что все лидеры Советского Союза, от Сталина до Горбачёва,

называли себя «верными ленинцами», при этом совершенно по-разному строя отношения и с Китаем, и с компартией Китая. А когда не стало ни КПСС, ни самого Советского Союза, то китайцы укрепились во мнении, что именно они идут верным путём, от успеха к успеху, но страшно боятся того, что случившийся крах Советского Союза генетически заложен в основу их собственной модели, а значит — и КПК не гарантирована от повторения судьбы КПСС. Поэтому они буквально под микроскопом изучают историю КПСС последних лет перестройки, этот период загнивания, и выясняют, что это: инфекция или всё-таки генетический сбой? И если всё-таки инфекция, то насколько она заразна? Там не до Ленина сейчас, Ленин для них — часть советской истории, которая плохо закончилась.

Саид ГАФУРОВ,

политолог, экономист:

— Мне доводится общаться в большей степени с представителями китайской науки, чем политики, — и в этой среде Ленин, НЭП обсуждаются очень активно. В Индии, например, где марксисты контролируют почти треть территории страны, Ленин — один из самых популярных политических «брендов». Как и Сталин. В штате Тамил-Наду, это 72 миллиона человек, премьер-министром чуть было не стал коммунист, фамилию которого я не могу произнести и даже запомнить, настолько она сложная, но зовут его Сталин. Президентом Эквадора недавно стал Ленин Морено, и Израэль Шамир правильно отмечает, что никого в мире не называют Столыпиным или Николаем II. А Лениным, Сталиным и Гагариным — называют.

К Седьмому ноября каждый год я получаю поздравления из-за границы. Это разные люди: в Латинской Америке, в Греции, в Индии, в Сан-Франциско,

во Франции, в Англии, на Балканах, — и у меня совершенно чёткое ощущение, что день Великого Октября — это уже не наш, а всемирный праздник. Для нас это часть нашей истории, но на самом деле они отмечают Седьмое ноября как «день надежды всех обездоленных». Именно так — «день надежды всех обездоленных».

И точно так же Ленин — уже не наш. Он принадлежит всему миру. Мы можем его осуждать, мы можем сносить памятники и даже мавзолей на Красной площади — это уже ничего не изменит: Ленин реально принадлежит всему миру. И десятки миллионов индийцев голосуют за коммунистическую партию, которая называет себя «марксистско-ленинской»... Да, это всего 10% населения Индии, но ведь сегодня почти весь мир выглядит антикоммунистическим. Но сейчас буквально у нас на глазах начинается новый подъём левого движения, для которого имя Ленина носит почти религиозный характер, это безусловный авторитет, даже если его не понимают и даже не читали. Братья-мусульмане в Египте с самого начала говорили, что коммунистов убивать не нужно — их нужно сажать в тюрьму и там проводить разъяснительные беседы, чтобы они осознали пагубность атеизма. И только атеизма. Вся остальная ленинская теория для братьев-мусульман, оказывается, вполне приемлема, и тех, кто искренне осознал пагубность безбожия, можно сразу выпускать из тюрем, потому что они — конструктивные люди, которые будут строить большой и великий Египет.

Или вот человек, про которого Запад клеветает неизмеримо больше, чем про Россию и Путина, даже больше, чем про КНДР и династию Кимов, — человек очень умный, очень острый марксист-ленинец. Это Роберт Мугабе, президент Зимбабве. У него была задача — провести аграрную ре-

форму, потому что известно: если ты раздѣешь землю крестьянам, ты на три поколения получаешь голоса их семьи, на третьем ты уже должен бороться, а два — гарантированно твои. Но провести её так, чтобы избежать гражданской войны и по возможности сохранить страну демократичной, где есть оппозиция, оппозиционные телеканалы. Для этого нужно было выбить главное оружие из рук оппозиционеров, богатых белых «хозяев жизни», — деньги. И Мугабе сознательно пошёл на гиперинфляцию, но при этом Зимбабве очень хорошо экономически развивается, те же китайцы инвестировали туда гигантские деньги, и там теперь производятся редкоземельные металлы плюс самый лучший в мире табак. Так вот, Мугабе, по сути, повторил опыт Ленина периода «военного коммунизма», когда тоже стоял вопрос жизни и смерти: больше 90% земель России, как сейчас говорят, сельскохозяйственного назначения, к 1917 году были заложены в банках, а поэтому национализация земли означала крах всей финансовой системы страны. Для Временного правительства и Чернова, который, в общем-то, являлся идеологом аграрной реформы, это было обстоятельством непреодолимой силы. А Ленин его преодолел, решившись на гиперинфляцию «совдензнаков».

И наконец, самое главное, что я хочу сказать: с моей точки зрения, Ленин — не столько идеолог, сколько «орговик». Он создал массовую политическую партию нового типа, «орден меченосцев», по выражению Сталина. Весной 1917 года в РСДРП (б) было 80 тысяч членов, а к октябрю — уже 300 тысяч! Потом ленинский опыт по-своему повторяли и Муссолини, и Гитлер, и Мао Цзэдун, и многие другие политики XX века. Но первым сделал это 33-летний Ленин.

Владимир ВИННИКОВ,
культуролог:

— Здесь уже прозвучали ноты своеобразной «религии ленинизма», и это весьма показательный момент, который лично для меня связан с тем бесспорным фактом, что Владимир Ильич Ульянов почему-то действовал в такой ценностной системе координат или, если угодно, матрице, которая носит именно религиозный характер с приоритетом этических категорий должного и недолжного над категориями добра и зла и далее по нисходящей. В этом смысле коммунист Ленин придерживался иерархии, близкой к абсолюту.

Например, «классические» марксисты считали и продолжают считать, что в основе бытия человеческой цивилизации лежат объективные материальные процессы, производительные силы, что экономика порождает и политику, и идеологию. Ленин всегда придерживался прямо противоположной точки зрения,

согласно которой приоритет отдавался идеологии, а не экономике, которая рассматривалась им как достаточно пластичная и хорошо поддающаяся идейно точному политическому воздействию среда. Он даже мог уступать святое для каждого политика — власть — своим соратникам, достоинства и недостатки которых очень хорошо видел, но посягательств на идеологию не терпел, поскольку или интуитивно, или сознательно следовал принципам «небесной иерархии», которые были сформулированы ещё Дионисием Ареопагитом: господства выше сил, а силы выше властей. Вот это своё идеологическое господство он берёт как зеницу ока.

Созданный им политический инструмент, партия большевиков, «партия нового типа», о которой здесь также упоминалось, — она же тоже была построена по образцам религиозной общины, причём общины христианской, в неё даже был введён институт кандидатов в члены партии — прямой ана-

лог христианских «оглашенных». И Сталин, когда говорил о партии как «ордене меченосцев», хорошо этот момент понимал, хотя действовал, возможно, не с уровня господств, как Ленин, а с уровня сил, тоже долгое время не занимая формально никаких властных государственных постов.

Подобных параллелей можно провести ещё множество, и есть основания полагать, что они будут проводиться со всё большим энтузиазмом. Ленин не был распят и не воскрес, как Иисус Христос, он не был удостоен Корана свыше, как пророк Мухаммед, но те цивилизационные преобразования, у истоков которых стоит Ленин, вполне сопоставимы с великими религиями человечества, при всём внешнем ленинском атеизме. Именно поэтому Ленин даже сейчас, почти через сто лет после своей смерти, вызывает такие ожесточённые споры и конфликты. Уже к 1915 году никаких споров о Наполеоне Бонапарте даже

во Франции не было — он занял своё место в Пантеоне и в истории, с его наследием и ролью всё уже стало ясно.

Памятник Оливеру Кромвелю был поставлен у Вестминстерского дворца только в самом конце XIX века, но никаких споров по поводу его диктатуры не велось уже лет через пятьдесят после кончины вождя «железнобоких».

То есть феномен Ленина выходит далеко за пределы государственного деятеля или даже «исторической фигуры» — он намного более многомерен и значим. Поэтому любая «критика снизу» здесь бессмысленна.

Алексей АНПИЛОВ,
*президент фонда
«Основание»:*

— У нас есть возможность сравнительно-исторического анализа на материале уже упоминавшихся здесь трёх великих революций: английской, французской и русской, — даже с учётом огромной разницы

между эпохами и обстоятельствами, в которых они происходили. Сейчас Октябрьской революции 1917 года пытаются отказать в определении «великая», исключить её из этого ряда великих революций в истории человечества.

Но давайте посмотрим на то, что происходило в Англии, что происходило во Франции. В Англии реставрация монархии произошла буквально через одиннадцать лет после казни Карла I, причём диктатура Кромвеля была провозглашена через три года после этой казни. Да, что-то поменяли, что-то изменили, но потом случилось опять-таки всё, что мы знаем из истории, — это и огораживание, и голод в Ирландии, и Ост-Индская кампания. Всё пошло ровно по тому же пути, который был заложен и до этого.

Великая французская революция — ещё более трагичный вариант. Если не ошибаюсь, там всё просто утопало в крови, плюс походы Наполеона, плюс новые революции каждые 15–20 лет: 1830-й, 1848-й, 1870-й, когда была провозглашена Парижская коммуна. Было несколько реставраций монархии и разных республиканских форм правления. Сегодня Франция именует себя Пятой республикой, то есть эти колебания шли достаточно долго.

А что мы видим после Великой Октябрьской революции? Мы видим 70-летний период стабильного и успешного развития страны. То есть практически стопроцентное попадание; Россия благодаря Ленину успешно оседлала историческую волну. Да, можно обсуждать, как происходили процессы в коммунистической партии, как она разлагалась и как она деградировала. Опять-таки на основании личного опыта могу сказать, что я родился и вырос в совершенно иной социальной формации, нежели та, которая существовала в Российской империи до Великой Октябрьской

Социалистической Революции. До этой революции у моей семьи и у меня лично никаких вообще социальных лифтов не было и быть не могло. Моя бабушка была из крестьянок, а дедушка — телеграфистом на железнодорожной станции, и это был предел в рамках той индустриализации, которая закладывалась в развитие железных дорог Российской империи. Железные дороги строились в военных целях и для вывоза малороссийского хлеба в порты Чёрного моря. Всё.

Соответственно, когда мы говорим о Ленине, мы всё время говорим о том, что была предложена новая социальная модель, новая научная модель, новая технологическая модель. И это даже сейчас определяет ситуацию в России. Мы сейчас живём в наследии плана ГОЭЛРО, в наследии всех тех идей, которые связаны с ленинской революцией — вплоть до замечательного советского искусства, значение которого будет расти по мере развития всего человечества. В науке это не год и не десятилетие, а век русской советской науки, причём именно так: и русской, и советской, — поскольку у Ленина получился синтез, с одной стороны, всех национальных моментов, а с другой стороны — всех социальных моментов.

Если смотреть на другие революции — и победившие, и тем более те, которые не достигли своих целей и даже не называются сегодня революциями, — то мы увидим у этой ленинской революции совершенно другой, намного более высокий качественный уровень. И на этом, я считаю, сейчас нужно сосредотачиваться, создавая положительный образ русской истории. Сколько сейчас ни пытаются создать такой образ из «России, которую мы потеряли» — из Петра I, из Екатерины II, не говоря уже о Николае II, — ничего не получается,

картинка не складывается. А вот из Октябрьской революции, из Победы 1945 года, из космического и ядерного прорыва советской эпохи — тут никаких мифов создавать не надо, не надо переkreщивать порося в караса, всё очевидно и понятно. Это реальная история, которая хорошо прослеживается в истории любого жителя нашей страны. Посмотрите, сколько сейчас собирает «Бессмертный полк». Я могу сказать, что сейчас на теме репрессий, на теме какой-то вины за события Октября и последующие события паразитируют те люди, которые в общем-то не знают часто историю своей семьи или, наоборот, слишком хорошо её знают.

У меня, например, один из родственников оказался репрессирован, но репрессирован он оказался после того, как на оккупированной территории пошёл в полицаи. В общем-то я считаю, что гордиться таким родственником мне не приходится. С другой стороны, два моих деда, один из которых погиб в первые дни войны, а второй дошёл до Берлина и до Вены и скончался уже после победы от последствий тяжёлого ранения, — несомненные герои и пример для подражания. Капитализм уже умер в мире, не говоря уже о такой северной стране, как Россия. Здесь он умер давным-давно, его сейчас пытаются реанимировать, но в итоге получается только то, что страна, несмотря на свои богатейшие природные ресурсы, в том числе — энергетические, продолжает скатываться в ещё большую нищету.

Поэтому фигура Ленина в любом случае остаётся центральной, ключевой, поскольку в ней — та точка поворота, вокруг которой будут выстраиваться и XXI, и XXII века в России, да и во всём мире.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Думаю, в рамках нашего круглого стола состоялось достаточно

содержательное и плодотворное обсуждение ленинской темы, за что я искренне благодарю всех его участников. Конечно, здесь собрались в основном те, кто к Ленину относится положительно, какой-то существенной критики в его адрес не прозвучало. Но её не прозвучало и за все девяносто с лишним лет после окончания жизни Владимира Ильича. Его противники не только ничего не забыли и ничему не научились — они в своих концепциях изначально опираются на двойные стандарты, обвиняя Ленина в том, что заранее даже не оправдывают, а вообще исключают из рассмотрения применительно к «своим». Что позволено Юпитеру, не позволено быку.

Но мы видим, что история, несмотря на всё это, идёт своим путём, а не ленинским. Что гигантский импульс, который был придан нашей стране Великой Октябрьской революцией 1917 года, не то чтобы утрачен полностью, но сильно рассеялся и изменил своё направление чуть ли не на противоположное, идёт, как парусный корабль против ветра. Да, Ленин — не бог, он не мог смотреть на сто лет вперёд и даже не ставил перед собой такой цели: у него были куда более важные и насущные проблемы, которые он успешно решал.

Но есть ли сегодня политические или иные фигуры, способные столь же успешно решать современные проблемы? Годится ли для этого ленинская методология, или же она исчерпала свой потенциал? Что делать с близящейся «точкой перехода» в глобальной энергетике, экологии, демографии, информации? Они находятся внутри «ленинской матрицы» или уже за её пределами? Думаю, все эти моменты и вопросы требуют дальнейшего изучения и обсуждения как с нашей стороны, так и на других уровнях, включая государственный и международный.

/ Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ /

Конструктор будущего

В осмыслении личности Ленина существует как минимум два формата. Первый — оценка масштаба фигуры. Второй — оценка сделанного им плюс, как правило, личная эмоциональная оценка.

Масштабность определить довольно просто — и мало кто будет спорить с мировой значимостью данной фигуры: согласно данным каталога Библиотеки Конгресса США, по числу посвящённых ему монографий Ленина опережают лишь Маркс, лидирующий в этом списке, и Кант.

В апреле 1917 года Николай Суханов так сформулировал свои впечатления от Ленина: «Мне не забыть этой громоподобной речи, потрясшей и изумившей не одного меня, случайно забредшего еретика, но и всех правоверных. Я утверждаю, что никто не ожидал ничего подобного. Казалось, из своих логовищ поднялись все стихии, и дух всеокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений, ни людских трудностей, ни людских расчётов, носится по зале Кшесинской над головами зачарованных учеников... После Ленина, кажется, уже никто не выступал. Во всяком случае, никто не возражал, не оспаривал, и никаких прений по докладу не возникло... Я вышел на улицу. Ощущение было такое, будто бы в эту ночь меня колотили по голове цепями...» Троцкого тогда воспринимали как «Демона Революции», Ленина — как её «Великого Магистра».

В начале 2017 года Левада-центр представил данные о современном отношении к Ленину в России. Получилось, что среди определившихся в своём отношении (таких оказалось 54%) положительные чувства (восхищение, уважение, симпатия) Ленин сегодня вызывает у 81% опрошенных, отрицательные (неприязнь/раздражение, страх, отвращение/ненависть) — у 19%.

В опросе ВЦИОМа, проведённом в апреле 2016 года, оценки выглядят так.

На вопрос «больше пользы или больше вреда принесла деятельность Ленина России» 31% дал ответ «больше пользы», 23% — «больше вреда», а 35% — «пользы и вреда примерно поровну». Остальные не определились.

На вопрос «совпадают ли взгляды реципиента со взглядами Ленина» 35% сочли, что совпадают по большинству вопросов полностью — причём интересно, что среди лиц с высокими доходами они совпали у 34%, с доходами выше среднего — у 32%, а среди лиц со средними доходами — у 37%. Сочли свои взгляды, частично совпадающими с ленинскими, — 22%, ни в коей мере не совпадающими — 23%.

При ответе на вопрос: «Ленин, на Ваш взгляд, действовал в интересах всего российского обще-

ства или в интересах небольшой группы лиц?» — 65% считают, что Ленин действовал в интересах большинства либо даже в интересах всего общества, причем в возрастной группе от 18 до 24 лет так считают уже 70%. Что он действовал в интересах меньшинства либо вообще лишь узкой группы лиц — считают всё те же 23% (в группе 18–24 года — всего 14%).

Отвечая на вопрос о личном отношении к личности Ленина, 63% признались в симпатии, а 24% — в неприязни, причем в возрастной группе 18–24 года таких чуть меньше — 60%. Неприязнь в той или иной степени испытывают 24%, в группе 18–24 года — 22%.

И это — в нынешнюю эпоху, когда ни одной памятной даты не проходит без того, чтобы медиапространство не заполняли негативные оценки личности Ленина и его роли в истории.

Истоки преклонений и симпатий понятны. Истоки неприязни и ненависти — тоже.

Можно говорить, что Ленин вломился в этот мир из будущего, чтобы, подобно Петру I, поднять на дыбы не только Россию, но и всё человечество. Можно — с не меньшим основанием — утверждать, что сам этот мир, столкнувшись с собственной неспособностью разрешить свои проблемы, породил и призвал Ленина, чтобы с его помощью подняться на новую ступень развития.

Ненависть и неприязнь частью ясны: они у тех людей, которым этот новый мир был не нужен — им больше нравился старый: в конце концов, в России сегодня есть 8% граждан, которые хотели бы вернуться к наследственной монархии дореволюционной России. Но есть еще и 11%, которые жалеют, что, низложив монархию, 1917 год не привел к превращению России в нечто подобное современным странам Запада и не распустил свою идентичность под коллективным правлением тех либо иных транснациональных центров силы.

Расхождение в точках отсчета тех, кто Ленину симпатизирует, и тех, кому он, как минимум неприятен, таково, что дискуссия между ними малопродуктивна. Просто то, что одни считают злом — другие считают благом. Враги Ленина называют преступлениями всё, что сторонники считают его подвигом.

Сторонников — в несколько раз больше: и в массах, и в элите. Но они практически неорганизованы и не до конца верят в то, что общество давно созрело для того, чтобы услышать их голос. И ещё — они много слабее представлены в крупных СМИ. Врагов — в несколько раз меньше, но они громче, злее, организованнее и ещё доминируют в СМИ.

В чем противники упрекают Ленина?

В том, что он вёл борьбу с самодержавием.

В том, что выступил против Мировой войны и сделал всё, чтобы вывести из неё Россию.

В том, что взял власть в октябре 1917 года.

В том, что был готов применить и применил силу для защиты того, чему служил: Революции.

В том, что разделил помещичью землю между крестьянами.

В том, что провёл национализацию промышленности и банков и отдал заводы под управление рабочих.

В том, что заключил Брестский мир.

В том, что признал право наций на самоопределение вплоть до отделения. В том, что посмел на белый террор ответить красным террором.

В том, что подавил Белое движение.

В том, что отказался платить долги прежнего правительства.

В том, что решительно подавлял недовольство и сопротивление представителей прежних привилегированных сословий.

В том, что не отступил.

В том, что победил.

В том, что создал основанный на централизованно-федеративных началах единый СССР, а не восстановил старую империю.

С точки зрения тех, кто не любит Ленина, — всё это нанесло стране вред и являлось злом.

Но с точки зрения тех, кто на него ориентируется, — всё это принесло пользу, было добром и благом.

Два самых распространённых обвинения в его адрес: первое — немецкий шпион, второе — разрушитель русского традиционного уклада.

Первое — не только ничем внятным не подтверждено и остаётся на уровне сентенций в духе НТВ и «Эха Москвы», но вызывает оскомины и нелепо: роль шпиона слишком не соответствует масштабности и того, что было Лениным разрушено, и того, что было Лениным создано. Мелкотравчатость этого обвинения доказывает лишь то, что у ненавидящих Ленина нет смелости сказать, за что именно они его ненавидят, — и нет доводов, сопоставимых с масштабом личности человека, предопределившего ход истории мира в XX и, скорее всего, в XXI веке.

Для одних он — народный вождь и крупнейший политический теоретик. Для других — ненавидимый злодей.

В функциональном отношении Ленин — безусловно, самый успешный политический деятель и XX века, и едва ли не всей мировой истории. Он уловил и осознал тенденции, действовавшие в его эпоху. Взял власть в огромной стране, удержал её

при ожесточённом сопротивлении тех, кого принято называть «свергнутыми классами», создал новую государственность, заложил основы новой экономики, нового общенационального и мирового проекта. Всё это — за четыре с небольшим года реальной власти.

Ленин действительно изменил мир — потому что после Октября 1917 года всё уже не могло быть таким, как раньше. Он разрушил старое и явно изжившее себя устройство современного ему мира, открыв путь поиску и строительству нового. Не только в России — во всём мире.

Ленин создал политическую организацию, столь эффективную и столь профессиональную, что она смогла стать костяком новой государственности после того, как старая практически распалась.

Причём после взятия власти основным центром и основным акцентом деятельности стало — в противоположность ныне утверждаемым мифам — не подавление и раздел, а строительство: строительство общественного самоуправления, строительство государства, строительство производства.

План ГОЭЛРО был принят в 1920 году, — но ещё в 1918 году Ленин принимает план «Графтио» по строительству Волховской ГЭС, в 1919-м начинают строить Каширскую электростанцию. Весной 1919 года Ленин возобновляет заброшенное строительство Шатурской ГРЭС. Простое перечисление того, что начали создавать и строить сразу после Октября 1917 года, в условиях Гражданской войны, могло бы занять весь объём этой работы.

Вопросы организации производства — вот что стояло в центре внимания Ленина, и на это была направлена его деятельность. Организовать новое производство — сделать Россию технической передовой страной мира. Не говоря уже и о том, что одновременно с работой по решению этих задач удалось сначала отразить внешнее военное вмешательство (агрессию) полтора десятка держав, включая самые могущественные, и затем заставить лидеров западного мира, победивших в Мировой войне, принять условия, продиктованные лидером русской революции. Не многовато ли для «немецкого шпиона»?

Почему это удалось, в чём была его сила? В колоссальной эмпатии — и социальной, и исторической, и политической.

В интеллектуальном отношении Ленин оказался намного сильнее русских либералов-западников, сумев найти те силы и тот путь, которые могли решить модернизационные задачи, не разрушая базовые ценностные особенности страны и сумев

сохранить традиционный для России приоритет справедливости над рациональностью.

Он оказался интеллектуально сильнее славянофилов, сумев понять, что невозможно обеспечить сохранение приоритета справедливости, не соединив его с рациональностью и технократизмом.

Он оказался интеллектуально сильнее догматических марксистов, отечественных и зарубежных, считавших, что социалистическая революция невозможна в России, поскольку её базовый класс — рабочие — составляет меньшинство и что русское крестьянство представляет собой единую «реакционную массу». Ленин сумел понять революционный и созидательный потенциал русского крестьянства — и его главную заботу: заботу о земле.

Вопрос о земле вообще должна решать не социалистическая, а буржуазная революция. Во Франции наделение крестьян землёй осуществили ещё революция 1789–1793 года и Наполеон. Теоретически, будь императорская власть ответственной и адекватной, она задолго до 1917 года могла и должна была решить эту задачу. Тем более эту задачу должно было решать уже первое Временное министерство после Февраля. И тем более должно было решить его правительство Керенского — потому что решение аграрного вопроса было главным требованием его же партии эсеров.

Как скажет потом, в Октябре, Ленин: «Что это за партия, которую пришлось свергнуть, чтобы выполнить её же программу?»

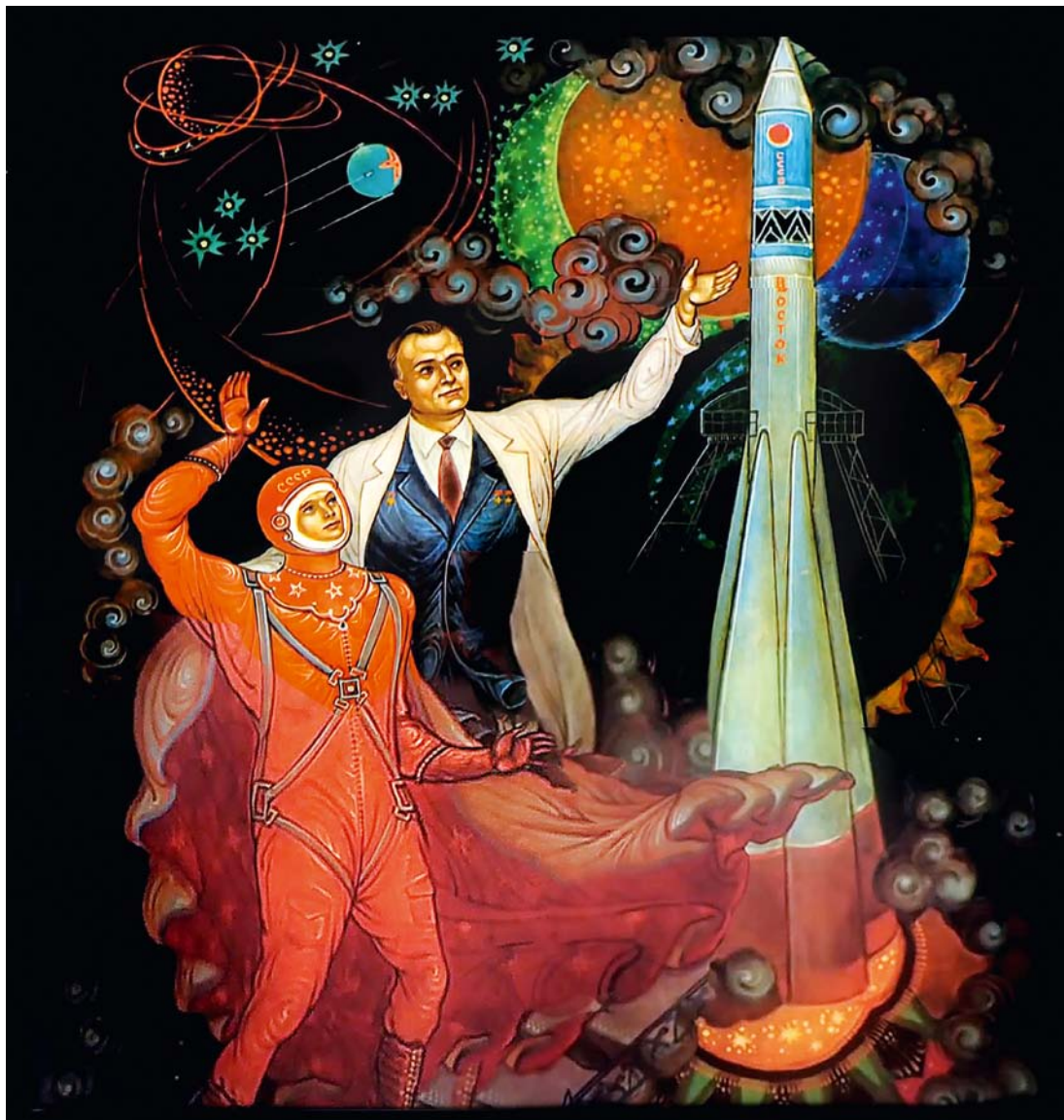
Он побеждал — потому что чувствовал, чего хотят миллионы. Он знал, что раздача земли крестьянам — это не социалистическая революция, а наиболее радикальное развитие капитализма в деревне. Но он знал, что русские крестьяне этого хотят, а поэтому это нужно делать, поскольку главная сила — в их поддержке и поскольку это куда более прогрессивно, чем то, что было в России раньше. Кстати, даже Столыпина, модного ныне, он упрекал не столько в направлении его действий — а в их непоследовательности. И писал, что тот ведет Россию по прогрессивному пути. Но самым реакционным способом.

Почему эсеры и Керенский решить вопрос о земле и выполнить собственную программу не смогли, а Ленин и большевики смогли? Потому что эсеры предлагали ждать: пока пройдут выборы в Учредительное собрание (которые они же сами и максимально затягивали), которое затем примет необходимые законы, пока будет составлен земельный кадастр, пока будут подготовлены в необходимом количестве кадры землемеров...

Ленин знал, что вести себя так по отношению к крестьянам — значит издеваться над ними и вызывать их ненависть. И он сделал проще — принял декрет, в котором провозгласил: «Земля — ваша, в бессрочном пользовании. Выкупы отменяются. Организуйтесь — и берите землю в свои руки». Да, и первую Конституцию народу и стране дал в 1918 году тоже Ленин.

И вот здесь мы переходим ко второму «главному обвинению» в адрес Ленина. Те, кто обвиняет его во вражде ко всему русскому и в разрушении «традиционного русского образа жизни», как правило, не могут сформулировать, что именно подразумевает это понятие, — если только не сводят «традиционный русский образ жизни» к образу жизни имущих сословий империи Романовых («Балы, красавицы, лакеи, юнкера, и вальсы Шуберта, и хруст французской булки...»).

Хотя именно в тех условиях, которыми восхищаются «булкохрусты», к 1917 году было уже минимум русского — Русский мир, русский образ жизни и русская ментальность жили в тех, кто работал: в крестьянах, рабочих, русских инженерах. И у этих работников данные «традиции» висели ярмом на шее.

Собственно, Ленин был вождём русской национальной революции, вождём восстания русского народа против утратившего национальные корни имущего класса. И поэтому он сегодня должен бы являться кумиром не только коммунистов, но и последовательных националистов — в не меньшей степени.

Иммануил Валлерстайн, например, считает, что к середине XXI века именно она станет объединяющей и культовой фигурой нового русского национализма: «Ленин будет представляться великим национальным деятелем и патрио-

том, который спас Россию от полного распада, вызванного хронической некомпетентностью старого режима по всем направлениям — военной, социальной, политической некомпетентности. О Ленине будут говорить, что он удержал единство страны перед лицом иностранных интервентов и местных сепаратистов, что именно он сделал возможным восстановление вооружённой мощи государства.

То, что сам Ленин будет переворачиваться в своём саркофаге от чудовищности подобных националистических восхвалений, не имеет ровным счётом никакого значения. В 2050 году никому дела уже не будет до того, что на самом деле думал Ленин о себе и своей исторической роли. За него к тому времени решат, какова была его историческая роль.

Во-вторых, думаю, Ленина будут почитать как великого продолжателя реформ графа

С. Ю. Витте, которые тому не удалось завершить из-за политических препятствий. Напомню самый ленинский из лозунгов: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны!» К 2050 году внимание будет на той части лозунга, где говорится об электрификации, то есть великой модернизации.

Реформы Витте и Ленина, напишут будущие историки, положили начало российской индустриализации и тем самым послужили отправной точкой как серьёзного подъёма обороноспособности и науки, так и роста ВВП на душу населения...»

Тем не менее русские националисты в вину Ленину ставят его интернационализм и тезис о «самоопределении наций вплоть до отделения», который якобы «подложил бомбу замедленного действия» под единое российское государство и именно с ним в значительной степени связывается трагедия уничтожения СССР.

Однако, во-первых, Ленин постулировал совсем иное. Он говорил о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения». Он одновременно говорил о том, что это право регулируется вопросом целесообразности подобного отделения, отмечая, что «мы всегда были, при прочих равных, за более крупное государство». Более того, писал, что «при прочих равных мы всегда против федерации, мы за унитарное государство». Поэтому вопрос стоит только о том, насколько адекватно оценивал Ленин национальный вопрос в России.

С одной стороны, абсолютно ясно, что наличие того или иного права предполагает его ограничения на реализацию в правах и интересах других субъектов («моё право протянуть руку заканчивается там, где начинается нос другого человека»). В этом отношении право любой нации на выделение из некоего государства заканчивается там, где начинаются права и интересы других народов того же государства. Если его реализация означает разрушение их государства, право одного народа на создание своего государства не может быть выше права других народов на обладание своим. Иначе уже они будут лишены того же самого права.

И тогда это вряд ли можно считать интернационализмом — ведь последний предполагает равенство прав разных наций. Тогда это означает признание превосходства одного народа над другими, то есть оборачивается тем же самым национализмом — только с другим вектором.

С другой стороны, реализация любого права предполагает ограничения разумностью его использования в данной ситуации. Право курить вовсе не означает права зажигать спички на бензозаправке. Право любого дееспособного

человека вступать в брак не означает его обязанности на следующий день после обретения дееспособности бежать в ЗАГС с первым встречным партнёром. Его же право на развод не означает необходимости разводиться на следующий день после бракосочетания.

Во-вторых, речь шла не о «праве на отделение», а о «праве на самоопределение вплоть до отделения». То есть отделение — лишь один из вариантов самоопределения. Стало быть, реализация его предполагает осуществление определённого выбора. Который должен быть осознан. То есть наличия выявленной воли нации. Однако нации неоднородны. В большинстве случаев право говорить от имени нации присваивают себе элита и правящий класс нации. С точки зрения интернационализма классовые идентификации действительно выше национальных.

Поэтому что, собственно, имело место в период ленинского правления, когда все провинции Империи, желавшие отделения, получили возможность такой реализации своего права? Но когда значительная часть их населения выступила против такого отделения, им была оказана необходимая помощь, как это было в случае с Украиной, Белоруссией, Грузией, Арменией, Азербайджаном и т.д., что позволило большинству народа настаивать на такой форме своего самоопределения, которая отделения не предполагала.

Не говоря уже о том, что наличие воли на выделение должно ещё быть реально и процедурно выявлено, а не являться исключительно продуктом декларации узурпировавшей власть элиты.

В-третьих, речь идёт о праве именно «наций», а не любых иных общностей. Никто никогда не постулировал право на отделение этносов, народностей, племён или даже просто местного населения. То есть субъект, проявивший волю к отделению, должен быть либо уже нацией, достигшей конкретного исторического уровня развития; либо ещё нацией, то есть ещё не интегрироваться в более крупную нацию. В противном случае пришлось бы признавать право любого населённого пункта на выделение из состава государства.

Здесь вообще возможны две абсолютно разные ситуации: ситуация существования многонационального государства и ситуация существования полиэтнической нации.

В первом случае мы имеем страну, где реально существуют различные части со своим национальным компактным населением. То есть в разных частях этой страны люди не только различаются этнически, но обладают разной историей, говорят на разных языках, имеют различную культуру

и обычаи, обладают разным экономическим укладом и относительно самодостаточной экономикой. То есть разные области мало интегрированы и относительно чужды друг другу.

Примерно это и было налицо в начале XX века в ряде старых империй, в частности — в Австро-Венгрии и России. И ленинский принцип, включающий в себя, как вариант, и право на отделение, относился именно к этой ситуации. Речь шла о реально существующих разных нациях в одном государственно-политическом пространстве. Здесь нации, как правило, обладали собственной территорией, на которой и было возможным создание национального государства.

Во втором случае мы имеем страну, где проживает много этносов, но в национальном плане они интегрированы друг с другом, обладают в целом общей культурой, связаны крупными вехами истории, говорят в основном на одном языке, тесно связаны между собой межэтническими родственными связями, существуют в едином экономическом пространстве. То есть либо сложилась, либо складывается новая, полиэтническая нация. Эта ситуация, в частности, характерна для Советского Союза конца XX века. Здесь интегрированные бывшие нации в основном рассеяны по всей территории и в равной степени имеют право на всю территорию страны.

Выделение некоторой территории в отдельное государство не означает здесь осуществления права нации на «самоопределение вплоть до отделения» по двум основным причинам.

Во-первых, самоотделение некоторой территории, как бы она формально ни называлась, в самостоятельное государство означает не создание собственно национального либо даже этнического государства, а разделение на разорванные части некоего этноса, являющегося по традиции титульным для данной части страны, но в значительной части рассеянного и по другим территориям, родственно и культурно интегрированного с другими народами. То есть здесь мы имеем не осуществление, а ущемление «национального права».

Во-вторых, поскольку проживающие на территории страны этносы в основном (или полностью) интегрированы в новую полиэтническую нацию, правом на государственное самоопределение обладает именно она. Причём обладает на всей территории своего проживания.

Если даже предположить, что не все старые нации полностью прошли весь путь такой интеграции, что одновременно существует новая полиэтническая нация и некоторое количество остатков старых атрофирующихся наций, эти

остаточные общества не могут обладать преимуществом ни перед своими наиболее развитыми интегрированными частями, ни перед всей новой нацией. Во-первых, потому, что часть нации не может обладать правом, имеющимся у целой нации, во-вторых, потому, что реализация подобного спорного права противоречила бы как национальным интересам интегрированных частей, так и национальному интересу всей полиэтнической нации.

В данной ситуации осуществление «права нации на самоопределение вплоть до отделения» может означать только одно: право полиэтнической нации на обладание своим государством на всей территории своего проживания. И оно не может ущемляться остаточными частями старых наций, таковыми уже не являющимися. Если же в результате произвольных действий региональной элиты единое государство расчленено, а новая нация разделена, она имеет не меньше оснований на свое воссоединение, нежели в середине XIX века имели итальянцы или немцы.

То есть интернационализм как постулат, предполагающий наднациональное объединение конкретных субъектов и равные права наций в этом процессе, предполагает не выделение частей страны в самостоятельные государства, не увековечивание раздробленности, прикрываемое псевдонациональными знамёнами, а создание более крупного государства на основе уже достигнутой национальной интеграции.

Дэниэл Белл в одном из предисловий к своему «Грядущему постиндустриальному обществу» отмечает, что в основе всего его анализа лежит марксистский подход, но несколько нетрадиционно реализованный. Белл пишет о наличии в «Капитале» Маркса не одной, а двух моделей развития капиталистического общества. Первая, классическая, дана в первом томе «Капитала» и предполагает максимальное обострение отношений между классами и развития их борьбы до взрыва, уничтожающего капиталистическое общество. Вторая — в третьем томе, и предполагает модификацию капитализма — с отделением собственности от контроля в управлении предприятиями, с возникновением «административного класса «белых воротничков», число которых может стать непропорционально большим по сравнению с рабочим классом». Белл отмечает, что по основной схеме Маркса на первый план должны были выйти общественные отношения и привести к бескомпромиссной классовой борьбе. «Однако, — пишет Белл, — в реальности такая поляризация не произошла, а наиболее важным стал

упор на технику и индустриализацию», что Белл рассматривает как подтверждение Марксовой теории развития производительных сил.

То есть, строго говоря, Белл подметил, и мы можем об этом всерьёз говорить, что Маркс видел два варианта развития капитализма. Первый, основной, наиболее естественный, связанный с обострением всех его противоречий и гибелью в катастрофе. Второй, «запасной», — путь модификации, вступления на путь длительного перерождения и исторического ухода, который не вытекал напрямую из его логики, но мог быть осуществлен при наличии совокупности определённых условий.

По сути, этот второй путь, «запасная модель» капитализма, означал максимально возможное в его рамках развитие производительных сил и предельно возможную социализацию экономических отношений.

То есть первый путь — это путь гибели капитализма в прямом столкновении с силами нарождающегося социалистического общества. Второй путь — это путь его медленного исторического отступления с рубежа на рубеж под давлением наступающих новых социальных сил — отступления, в котором он сохраняется постольку, поскольку позволяет и способствует обществу продвигаться вперед по пути исторического прогресса.

Собственно говоря, Ленин — в плане рубежа мировой модернизации — это как раз тот удар по старому миру, который, покончив на тот момент с не вполне развитым капитализмом в России и открыв путь её исторической трансформации (удачной или неудачной — это отдельный вопрос, хотя всё же в целом скорее удачной) — заставил старую капиталистическую индустриальную систему начать меняться. И не просто начать меняться — а менять модель развития с основной на запасную, значительно более эффективную и социальную.

То есть Октябрьская революция — это в известном смысле действительно не только российская, но и мировая революция. Революция, как минимум сменившая для капитализма модель развития: в экономике — обернувшаяся отказом от собственно рыночной экономики с переходом на пострыночную (плановую, если под этим термином иметь в виду не сугубо произвольное административное, а собственно производственно-экономическое планирование); в развитии производства — подтолкнувшая его к переходу от индустриальной к постиндустриальной фазе; в политике в значительной степени поспособствовавшая утверждению формально демократической организации, противостоящей тенденциям

олигархизации и авторитаризации; наконец, в плане социальности — не только открывшая возможность создания в России социально-ответственного государства, но и практически заставившая остальной мир с той или иной скоростью пойти по пути создания государств с сильными социально защитными функциями.

Нынешнее состояние мира — во всяком случае наиболее благополучной его части — есть прямой результат Октябрьской революции 1917 года как в значительной мере продукта ленинской мысли, и в этом плане, несмотря на поражение (или временное поражение) прямого октябрьского проекта в России, мы с полной основательностью можем утверждать, что «дело Ленина живёт и побеждает!».

/ Сергей КАРА-МУРЗА /

Ленин: мышление, методология и знание

Весь XX век Россия жила в поле мировоззренческой системы *русского коммунизма*. Это сплетение разных течений, взаимно необходимых, но в какие-то моменты и враждебных друг другу. В грубой форме его можно представить как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905–1907 гг. и стали единым целым перед Великой Отечественной войной. Первый блок — это то, что Макс Вебер назвал *«крестьянский общинный коммунизм»*. Вторым блоком — русская социалистическая мысль, которая к началу XX века приняла в качестве своей идеологии марксизм. Результатом их синтеза стали важные изобретения и открытия, многие из которых основаны на идеях Ленина.

Макс Вебер, изучая роль Реформации в становлении капитализма, внимательно следил за началом русской революции. Он ввёл понятие *инновация* как возникновение новых общественных форм и институтов — *общества в состоянии становления*. Условие для неё — состояние неустойчивого равновесия: «всё старое начинает раскачиваться, а всё новое, ещё неопределённое, заявляет о себе и становится возможным». Но не менее важно состояние духовной сферы группы первопроходцев.

Изобретение инновации, порождающей новую структуру, требует взаимодействия (синергизма) *рационального усилия* и *внерационального импульса*. Другими словами, он считал, что нельзя описать общество только экономическими измерениями — социальное и психическое неразрывно связаны. Инновация — когнитивный бунт, проект изменения картины мира. Это обобщённый вывод из истории больших инноваций в сознании и практике людей.

Так у нас и было. После революции 1905 г. произошёл уже необратимый раскол у марксистов: меньшевики и их «более русская» часть пошли на смычку с общинным коммунизмом. Отсюда и выросла концепция «союза рабочего класса и крестьянства», ересь для марксизма. Возник *большевизм*, первый эшелон русского коммунизма.

Соединение в русском коммунизме двух блоков, двух мировоззренческих матриц было уникальным. Ни одно другое политическое направление не имело такой структуры. В то же время большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданской войны видные кадры каждого из них включились в советское строительство (монархисты, либералы и др.).

Синтез модерна (индустриализма) с общинной аграрной традицией почти на целый век закрыл раскол в интеллигенции. Ю. В. Ключников (редактор «Смены вех») объяснял в эмиграции (1921), что большевики — «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества».

Большевизм закрыл разрыв непрерывности в развитии России и смягчил конфликт традиционного общества с модерном, мировой культурой. Для этого требовалось понять природу той катастрофы, в которую втягивал мир общий кризис капитализма. Картина мира Просвещения и его социальные учения (либерализм и марксизм) устарели. Они были механистичны, представляли общество как равновесную машину движения масс. Начало XX в. — кризис этой картины мира. Новые познавательные методы неклассической картины мира *для общества* освоил именно русский коммунизм. Подходы большевиков отличались от подходов их союзников и врагов. Этим во многом и обусловлена эффективность решений и действий большевиков.

Марксизм, как и либерализм, исходил из принципов *«науки бытия»* — науки XIX века. История была в ней чередой состояний *равновесия* (истмат). В XX в. наука обратила внимание на явления слома равновесий, кризисы, катастрофы, превращение порядка в хаос и зарождение нового порядка. Это — *«наука становления»*.

Ленин во время революции 1905 г. углубился в проблемы кризиса классической науки и ввёл в мышление большевиков принципы *«науки становления»*. В ней история — это кризисы, срывы и катастрофы. Ленин исходил, говоря нашим языком, из общественного процесса как перехода *«порядок–хаос–порядок»* и как большой системы. Поэтому в революции с её высокой неопределённостью решения Ленина были «прозорливыми» — важную роль играла их *своевременность* и *синергичность*, что придавало этим решениям необычайно высокую динамику и адаптивность.

Неявное знание крестьян о нестабильности и катастрофах помогло нейтрализовать давление истмата. Помогла и русская наука, свободная от механицизма, который довлел в Европе (см. работы И. Пригожина). Очень важным фактором была принадлежность Ленина и лидеров большевиков к новому поколению. Лидеры меньшевиков входили

в когорту рождения 1840–1850-х гг., а у большевиков — 1870–1890-х гг. Оба поколения пережили смену картины мира, но поколение Плеханова могло только *принять* новую парадигму, а Ленин и его соратники, выросшие в атмосфере кризиса позитивистской науки, — оказались способны *освоить* её.

Именно Ленин сделал главную работу по созданию и продвижению методологической системы русского коммунизма. Но также очевидно, что без того культурного контекста, в котором выросли будущие большевики, и без того конфликтного жизненного опыта, который стал механизмом отбора людей, создавших эту общность, методологические разработки Ленина не были бы восприняты, доработаны и внедрены в повседневную практику мысли, слова и дела массового политического движения. Говоря о Ленине, надо это иметь в виду.

Прежде всего, Ленин — мыслитель, конструктор будущего и виртуозный политик. В каждом плане у него есть чему учиться, он был творец-технолог, мастер. Он создавал прочные мыслительные конструкции, и потому был свободен от доктринёрства. Он брал главные, массивные процессы и явления, взвешивал их верными гириями. Анализируя в уме свои модели, он так быстро «проигрывал» множество вероятных ситуаций, что мог точно нащупать грань возможного и допустимого. Он не влюблялся в свои идеи и доводил сканирование реальности до отыскания всех скрытых ресурсов. Поэтому главные решения Ленина были нетривиальными и поначалу вызвали сопротивление партийной верхушки, но находили поддержку снизу.

Ленин умел работать с *неопределённостью*, препарировал её, взвешивал риски. Предвидения Ленина сбывались с высокой точностью (в отличие от пророчеств Маркса о пролетарской революции на Западе). Читая рабочие материалы Ленина, приходишь к выводу, что дело тут не в даре прорицания, а в методе работы и в типе мыслительных моделей. Он остро чувствовал пороговые явления и синергетические, «резонансные» эффекты. Исходя из трезвой оценки динамики настоящего он «проектировал» будущее и в моменты острой нестабильности подталкивал события в нужный коридор. Во владении этим арсеналом он обогнал время почти на целый век.

Так, в анализе динамики процессов после Февральской революции 1917 года он сделал вывод, что силы, пришедшие к власти

в результате революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести распределение собственности, кадровые перестановки и создать армию. Так новая власть получает социальную опору, кредит доверия, и уже вскоре контратака «с ходу» оказывается невозможной или будет стоить многих жертв. Исходя из этого Ленин точно определил тот короткий момент времени, когда лишиться власти Временное правительство будет возможным почти без крови. Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока всё было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но когда угасли надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян.

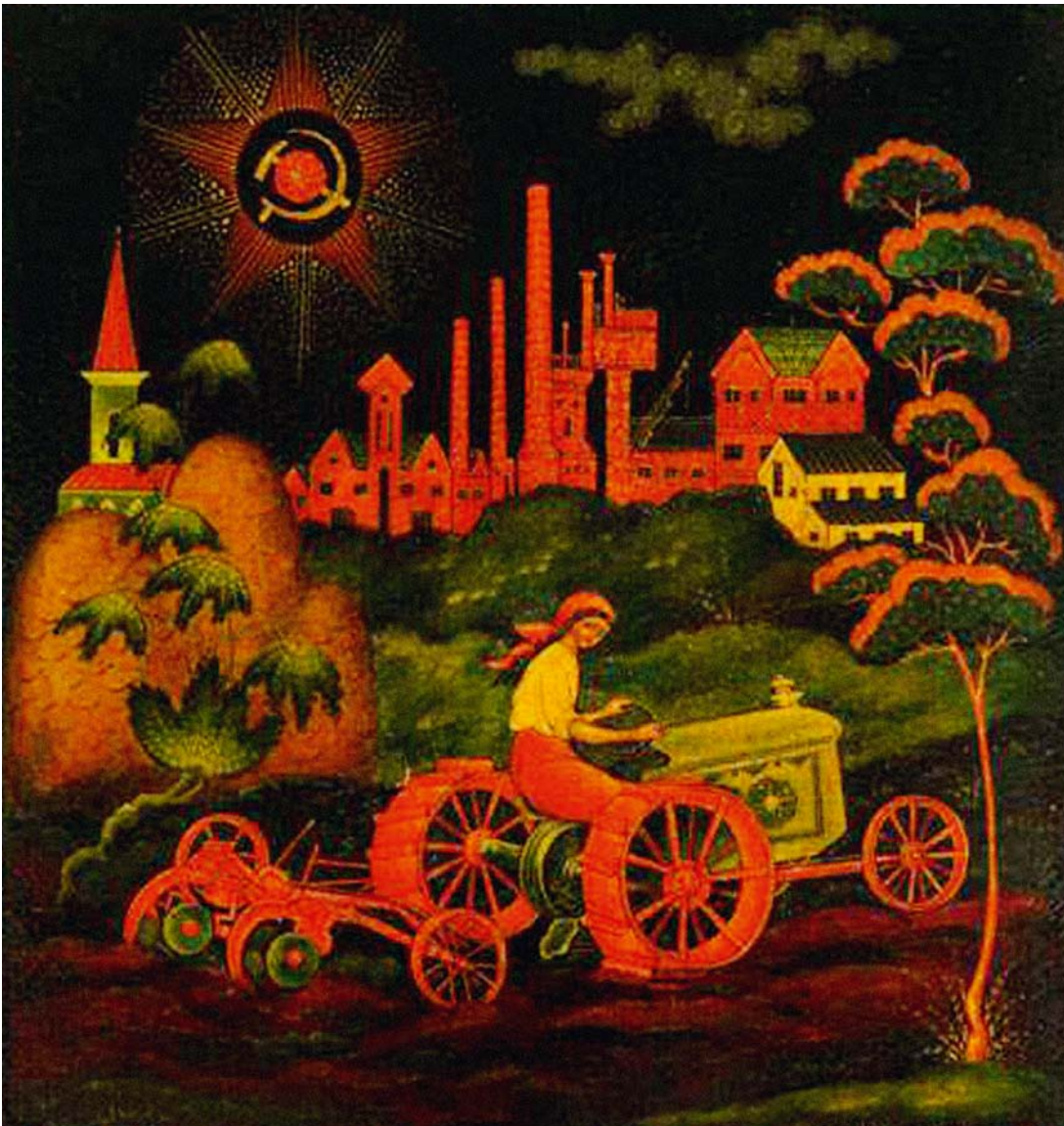
В этом смысле Октябрьская революция прорвалась на плечах Февральской. Это блестящая операция. Керенский и кадеты спровоцировали провальный мятеж Корнилова, как будто все они были агентами большевиков. И эти расчёты Ленина делались в тот момент, когда кадеты, социалисты (меньшевики и эсеры) и иностранные эксперты были уверены, что красные не продержатся дольше нескольких недель.

А. Грамши писал (5 января 1918 г.): «Факты вызвали взрыв, который разнёс на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось».

Кадеты, меньшевики и эсеры следовали канонам истмата.

Важное качество Ленина — умение хладнокровно увидеть расстановку и движение всех главных сил, взглянуть в глаза реальности и объяснить её людям, не пытаясь никого обмануть. Тексты Ленина, из которых тщательно изгонялись мифы и фантазии, стали нормами рационального рассуждения большевиков. Для политика важны логика, ясные выводы и предвидение последствий. Ленин первый включил в политику научный тип мышления и убеждения. А читаешь материалы кадетов и меньшевиков — совершенно не научный стиль. Патетика, недомолвки, мистика — красиво! Но в их текстах кишат все «идолы» Бэкона: *рынка, площади и театра*.

Сложность доктрины революции была в том, что России была необходима модер-

низация, надо было одновременно догонять капитализм и убежать от него. Поэтому сама идея революции союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* капитализма казалась и либералам, и социалистам еретической. А когда Ленин в «Апрельских тезисах» объявил, что власть в государстве будет у Советов, Плеханов воскликнул: «Бред сумасшедшего!» Урок Ленина — в том, что он верно представлял Россию, преодолев давление устаревших понятий и теорий.

Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский коммунизм» и принимая неочевидные решения, обходя догмы марксизма, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с партией. Ему приходилось скрывать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т. п.

Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу.

Ленин нашел такой язык и такую логику, что стал не пророком-изгоем, а создателем и вождём набирающего силу массового движения. Не вступая в конфликт с марксизмом, он преобразовал его в учение, дающее ключ к пониманию процессов в *незападных* обществах. Он не просто понял чаяния крестьянства и молодого рабочего класса России, но и дал им язык, облёк в сильную теорию.

Ленин делал ошибки, но даже они у него были *плодотворными*, потому что, проверяя свои выводы реальностью, он отказывался от своих прежних выводов, как это нормально делает учёный. Он убедительно показал, что капитализм в фазе империализма несёт России не прогресс, а одичание. Союз рабочего

класса и крестьянства произведёт революцию нового типа, не предсказанную Марксом, но спасающую от капитализма. Что и привело к разрыву с меньшевиками и либералами.

Это редкое качество — следуя новому знанию, отказываться от своих вчерашних взглядов, которые как раз создали тебе авторитет и собрали единомышленников. Ленин вышел на важнейшие общие закономерности,

отвечающие на критические вопросы многих стран и целых цивилизаций. Это те страны, которые переживали кризис модернизации, находясь на периферии капитализма. Так началось крушение колониальной системы, а Ленин стал для народов Востока учителем и символом.

Маркс в «Капитале» принял модель равномерного распространения капитализма

по всему свету, согласно которой развитие производительных сил приведёт к мировой пролетарской революции. В ленинской концепции эта абстракция была преодолена. Мир не был изотропным, в зоне капитализма возникли *центр и периферия*, которую центр эксплуатировал. Значит, на периферии возникал потенциал революций иного типа, нежели в метрополии. Движущей силой в них становится не только пролетариат, но и широкие межклассовые союзы. Догма марксизма, что революция начнётся в странах самого развитого капитализма, устарела. Менялось и понятие «мировая революция», именно русская революция положила начало *мировой* революции. Она прокатилась по крестьянским странам, где проживает большинство человечества.

Определяет успех политика и вождя умение понять чаяния народные и отделить их от расхожих мнений. Это качество было в высшей степени присуще мышлению Ленина. Он улавливал чаяния, скрытые под неустойчивостью мнений. Таким моментом был летом 1917 г. лозунг немедленного мира, и он был связан с вопросом о земле — чаянием крестьян (85% населения). А лозунг «война до победного конца» включили в свои программы кадеты, меньшевики и даже эсеры.

Другой случай — отказ от идеи госкапитализма, на который делал ставку Ленин в начале 1918 г. Большевики не хотели национализации промышленности, но это было чаяние рабочих, они знали, что госкапитализм — утопия, хозяева его не хотят и продают сырьё. Ленин признал правоту рабочих. Бертольд Брехт назвал это: «ведомые ведут ведущих».

Ленин выдвинул и частью разработал ряд фундаментальных концепций, которые задали стратегию советской революции и первого этапа строительства социализма, а также мирового левого движения. Здесь отметим лишь те, которые советская история оставила в тени.

1. Ленин добился «права русских на самоопределение» в революции, то есть на автономии от главных догм марксизма и от II Интернационала. Это обеспечило поддержку или нейтралитет мировой социал-демократии.

2. Создавая Коминтерн, Ленин поднял проблему «несоизмеримости России и Запада», проблему взаимного «перевода» понятий языка и теорий этих двух цивилизаций. Эта проблема осталась неразработанной, но она была поставлена. Мы почти полвека могли объясняться с Западом.

3. Ленин поднял и, в общем, успешно решил проблему *выхода из революции* (её обуздания) после 1917 года. В этом деле были важны системность мышления и чувство динамики нелинейных процессов (*наука становления*). Здесь требовалась череда инноваций для становления новых институтов (как государственность Советов, военный коммунизм или НЭП), о которых и не думали до 1917 года.

4. Ленин предложил способ «пересобрать» русский народ после революции, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе — СССР. Способ этот был настолько эффективным и новаторским, что приводит современных этнологов в восхищение — известно, какой мощью обладает этнический национализм.

В нашем обществоведении изучали *политическую* сторону работ Ленина, хотя молодёжи нужна была *методология* решений. А ей почти не уделялось внимания, хотя каждому поколению придётся разрешать не прошлые, а собственные, актуальные проблемы выживания.

Советское общество 1920–1955 гг. было скреплено *механической* солидарностью, т.е. большинство населения по мировоззрению было близко, население было в состоянии «надклассового единства трудящихся». Они строили СССР, воевали за него и на опыте знали, что и почему они делали.

В ходе индустриализации, урбанизации и смены поколений изначальный «крестьянский коммунизм» терял силу, и к 60-м годам исчерпал свой потенциал, хотя многое сохранилось в сфере бессознательного. Но возникло множество разных профессий, субкультур, сплочённых своими ценностями, нормами и авторитетами. Механическая солидарность ослабла, возникла задача создать сеть органической солидарности — выработать новую матрицу для консолидации множества сообществ, которые расходились по множеству дорожек.

Поколения 1970–1980-х гг. не знали массовых бедствий, а государство говорило с ними на языке, которого они не понимали и стали посмеиваться. Неявное знание стариков не было переведено на язык новых поколений, а формальное знание было неадекватно реальности. Для крушения советского строя было условие «мы не знаем общества, в котором живём».

Этот провал надо закрыть в новых тяжёлых условиях.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Победитель XX века

Не календарный — настоящий XX век был открыт фигурой Ленина, прошёл под знаком поклонения ему доброй половины человечества и завершён беспрецедентной хулой в его адрес.

Так бывает. Как сказал продолжатель его дела: «После смерти на мою могилу нанесут горы мусора, но ветер истории развеет их». И мы видим, что уже развеивает.

Разочарование людей, обнаруживающих под маской «самого человеческого» бога вроде бы вполне обычного человека, с романами, болячками и ошибками, безмерно — и понятно. Не зря ведь сказано «Не сотвори себе кумира». И я совершенно не готов оспаривать конкретные обвинения, выдвигаемые в его

адрес, — начиная с того, что в свободное время он возился не с абы какими детьми, а с детьми высокопоставленных коммунистов, и кончая тем, что он якобы отдавал приказы об убийствах детей. На фоне чудовищных спецопераций недавнего прошлого и настоящего (вроде фальсификации документов при Горбачёве и Яковлеве, позволивших обвинить Советский Союз в Катинском расстреле, или обвинения России в уничтожении малайзийского «Боинга» над Донбассом) самая оголтелая антиленинская клевета выглядит детским лепетом.

Однако все, даже самые оголтелые обвинения в адрес Ленина не важны. Просто потому, что для истории, как это ни печально, важен результат.

ВЕЛИКИЙ ПРАГМАТИК

Первое, что бросается в глаза в фигуре Ленина, — тактическая гениальность. Способность быстро, почти мгновенно оценить ситуацию, расставить приоритеты, с железной волей следовать им, продавливая через все и всяческие препятствия, — а потом, увидев, что положение изменилось, резко и беспощадно к мешкающим и не понимающим развернуться хоть на 180 градусов и решительно двинуться в новом направлении.

«Решительно» в ленинском стиле означает: с железной последовательностью, стремительностью и изобретательностью, позволяющей за счёт тактической гибкости опережать более мощных противников и обтекать казавшиеся вроде бы непреодолимыми препятствия. Именно за эту беспощадную и всепоглощающую последовательность, не останавливающуюся ни перед какими внутренними или внешними препятствиями, его называли «мыслящей гильотиной».

Как писал Р. Рождественский: «Повороты бывали всякие, пробирающие, как озноб. Даже самых сильных пошатывало, слабых — вовсе валило с ног».

Однако даже слабые, за редким исключением, не бросали его и не отбрасывались им, получали возможность оправиться и вернуться в строй — и в результате качественно усиливали ленинскую организацию. Причина этого — в ленинском характере, в хрестоматийном «он к товарищу милел людскою лаской», во внимании к своим соратникам и часто трогательной заботе о них.

Ленин далеко не всегда поддерживался ими, часто был в меньшинстве, а часто вызывал насмешки — достаточно вспомнить реакцию руководства партии на кажущиеся сегодня хрестоматийными «Апрельские тезисы». Однако не свойственная времени и среде человечность, проявляемая им, качественно усиливала его политический ресурс, создавала дополнительный, невидимый ни друзьям, ни врагам «запас прочности».

А «не отступать и не сдаваться», через любые препятствия и любыми маршрутами идти к сияющей путеводной звезде, не теряя её из виду, помогала колоссальная личная энергетика.

Один из очевидцев событий 1917 года вспоминал, как пришёл на митинг с участием Ленина, который проходил в цирке. Автор мемуаров сидел на верхних рядах, а внизу, на арене, что-то кричал, почти бегая по ней кругами, маленький рыжеватый и лысоватый

мужчина. Микрофонов не было, акустика была плохой, и не только слов Ленина, но и общего смысла произносимого им невозможно было разобрать. Но человек запомнил это выступление на всю жизнь не потому, что выступал Ленин, — в то время отношение к нему было значительно проще, чем в фильме «Ленин в Октябре», и обычные люди часто не выделяли его особо из общего ряда большевистских вождей. Он запомнил Ленина потому, что был потрясён колоссальной позитивной энергией, буквально распиравшей этого маленького человека, — энергией, которая заполнила и воодушевила всех — даже тех, кто просто не слышал ленинских слов.

Жестокие и часто внезапные тактические повороты Ленина никогда не были, как это кажется иногда при чтении по диагонали учебников враждебно настроенных к нему авторов, беспорядочными, суетливыми метаниями. Они были всецело подчинены, как движение парусного судна галсами в условиях встречного ветра, достижению стратегической цели, которую он понимал на всём протяжении своей сознательной жизни чётко и однозначно.

Уникальность Ленина — именно в сочетании тактика и стратега. В этом отношении он был универсалистом, обычным в эпоху Возрождения и столь редким для специализированного XX века.

Не потерять из виду стратегическую цель на протяжении всей жизни он смог только потому, что помимо политика был ещё и разносторонним учёным-политэкономом, круг интересов которого простирался от экономической статистики до философии.

Наука имела в ленинской системе ценностей, безусловно, второстепенное значение и была, как и всё остальное в его жизни, подчинена цели построения нового, более справедливого общества. Именно это обусловило пламенную односторонность ряда его исследований, — но никакой практический интерес не убивал в нём учёного, не отвлекал от поиска и нахождения истины. Ветер века дул в его паруса: научная истина открывала перед ним дорогу в будущее.

Мышление Ленина, в отличие от мышления многих тогдашних и сегодняшних профессиональных кликуш от политики, было осознанно-диалектичным. Рассматривая значимые явления (речь, конечно, не идёт о публицистике «на злобу дня»), он последовательно проводил свою мысль через отрицание отрицания, не останавливаясь вплоть до фиксации перехо-

да количества в качество и не стесняясь (когда это, естественно, не противоречило текущим политическим нуждам) признавать единство борющихся противоположностей.

Именно сознательное следование «по диалектическому маршруту» вкупе со стремлением максимально полно и всесторонне рассмотреть изучаемое явление обусловило знаменитое спиральное движение ленинской мысли, вбивающее студентов, конспектирующих его работы, в глухое отчаяние.

Именно потрясающая дисциплина мысли наделила Ленина и его последователей «пугающим интеллектуальным превосходством» над своими противниками, которое вынуждены были признавать даже последние.

И отнюдь не личная трагедия, но научное изучение своего общества показало Ленину, что царизм неререформируем, что его невозможно улучшить «изнутри», — и, следовательно, ему невозможно помочь: его можно только победить.

Он укреплялся в понимании этого, видя, с какой неизбежностью, а порой и жестокостью избавлялся царизм от всех профессионалов, способных повисить его эффективность, — включая самых верных и близких вроде Плеве, Дурново и Столыпина.

И это — в сочетании с колоссальной энергетикой буквально kloкочущих масс — вселяло в него веру в неизбежность революции.

Конечно, руки опускались, и отчаяние брало за горло, и вырывалось, что революция в России будет не при его жизни.

Что с того? — как и все великие люди, он работал на будущее, а не на поздний вечер текущего дня.

Он видел цель не для себя — для всей страны, а в конечном счёте — и для всего мира, и только это позволило ему дойти до этой цели.

Согласитесь: в настоящее время, находясь в заложниках у безысходно временного либерального правительства Медведева, здоровые силы России находятся в пугающе похожем положении.

УПРЯЖКА ИЗ ДВУХ ЗАЙЦЕВ

Россию называют страной с самой непредсказуемой историей. Она фантастически открыта для общемировых тенденций. Никакой «железный занавес», никакая гордость, никакие победы над Западом не могут помешать тенденциям общеевропейского (а теперь уже и глобального развития) проявляться в нашей

общественной жизни — часто раньше и более ярко, чем в остальном мире.

В результате этой открытости развитие России определяется двумя в долгосрочной перспективе равнозначными факторами: внешним влиянием и внутренними процессами собственного развития.

Поэтому идеологизация — профессиональное заболевание большинства историков — позволяет им видеть лишь половину общественного развития. «Почвенникам» униженно признаваться, что проклятый гнивающий Запад влияет на Россию столь же глубоко и серьёзно, сколь и сам «народ-богоносец», а «западники» точно так же не в состоянии принять, что «холопы» и «быдло» способны определять, и, более того, определяют свою судьбу ничуть не в меньшей степени, чем блистательные ясновельможные паны и просвещённые масоны.

Ленин виртуозно использовал оба фактора развития России, за что его порицают усиленно и с моральной точки зрения вполне справедливо.

Не будем лишь забывать реалий того времени. Так, во время Русско-японской войны японская армия, по некоторым сообщениям, покупала лучшие в то время винтовки — трёхлинейки Мосина, производимые даже не на казённых заводах, а на заводах, находившихся в собственности царской семьи. Да, покупки осуществлялись, разумеется, через третьи руки, но для заинтересованных лиц были секретом Полишинеля; и чудовищность этого была такова, что даже большевики после прихода к власти просто застеснялись (при всей своей легендарной беспардонности) предавать огласке соответствующие факты. Таким образом, получая деньги от японцев, некоторые революционеры из числа крайних эсеров, вероятно, просто следовали примеру царской семьи.

На этом фоне ленинское полное неприятие каких бы то ни было контактов не только с Парвусом, но и всяким, кого хотя бы теоретически можно было посчитать представителем властей Германии, выглядело невероятной щепетильностью.

С другой стороны, практически ничем не подтверждённые рассуждения о том, что партия большевиков пользовалась-де неким покровительством царской охранки, как правило, не сопровождаются объяснением вероятных причин поведения последней (если это поведение действительно соответствовало рискованным версиям). А её мотивы могли быть просты: большевики не вели, в отличие

от эсеров, террора против государства, — и уже поэтому воспринимались как относительно конструктивная группа, являющаяся вполне приемлемой альтернативой оголтелым террористам.

Сегодня мы просто не можем себе представить ожесточения революционного террора. Общее число его жертв в 1901–1911 годах составляет 17 тысяч человек. С февраля 1905-го по май 1906 года, согласно официальным данным, было убито 8 губернаторов и градоначальников, 5 вице-губернаторов и советников губернских правлений, 4 генерала и 7 офицеров армии, 8 жандармских офицеров, 21 полицмейстер, уездный начальник и исправник, 57 урядников, 79 приставов и их помощников, 125 околоточных надзирателей, 346 городских, 18 агентов охраны, 85 гражданских чиновников, 12 священников, 52 представителя сельских властей, 51 землевладелец, 54 фабриканта и старших служащих на фабриках, 29 банкиров и крупных торговцев. А в 1907 году, после окончательного провала попыток вооружённых восстаний, в среднем убивалось до 18 человек в день.

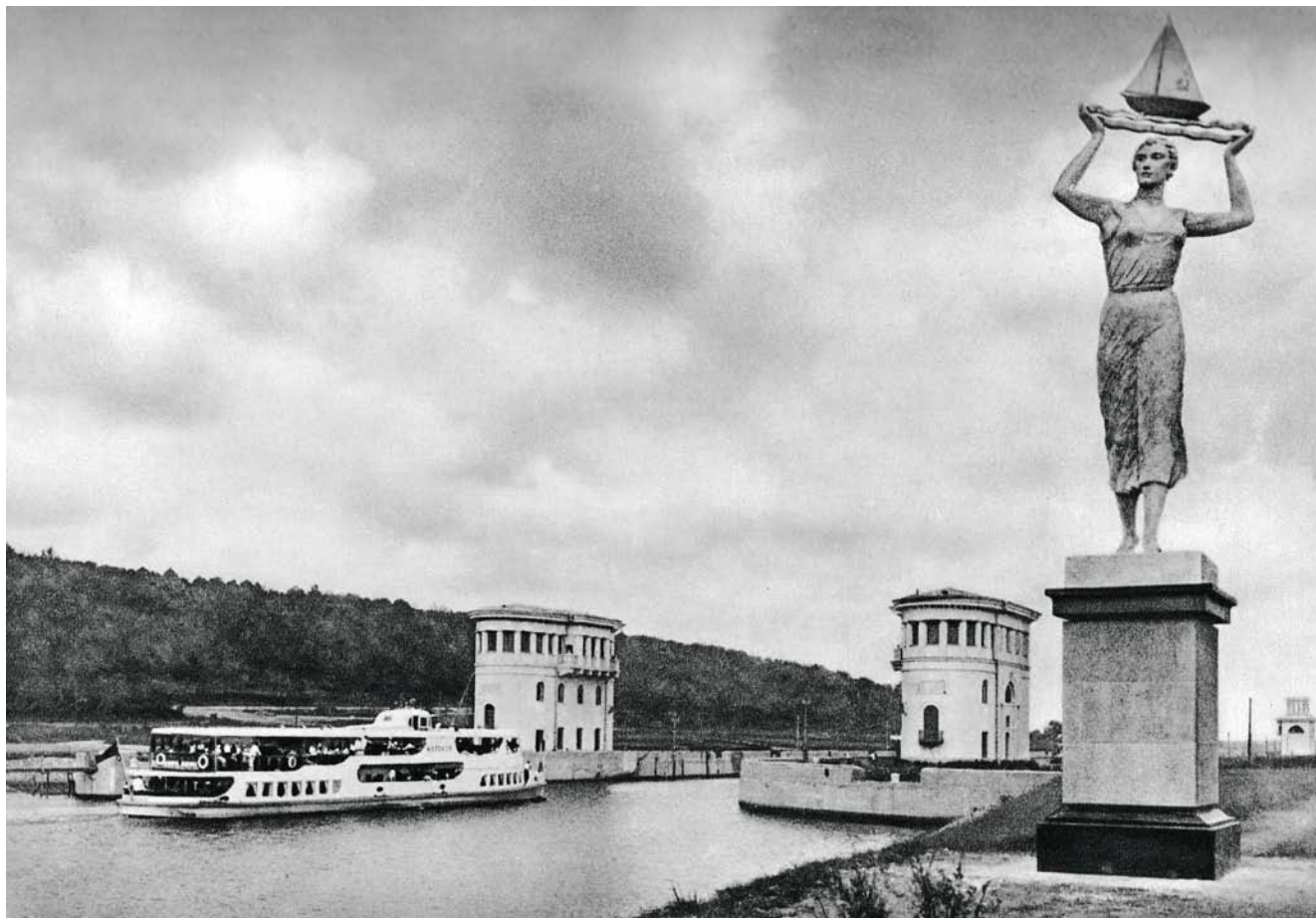
Власть, выстоявшая под этим кровавым смерчем, была твёрдой и во многом самоотверженной, но её представителям было по-человечески страшно, и большевики (если и шедшие на преступления, то на грабеж ради пополнения партийной кассы) были если и не «социально близкими», то, во всяком случае, более приемлемыми.

ТРАГЕДИЯ ВЫБОРА

Ключевой момент жизни каждого политика — приход к власти.

Для Ленина это 1917 год: между Февральской революцией и роспуском Учредительного собрания.

Февральская революция была демократической революцией в полном смысле этого слова. Объединённые лидеры буржуазии, интеллигенции и военных, направленные с помощью Запада (представителям которого нужно было разрушение империй для расширения рынков сбыта; процесс закончился лишь с распадом Британской империи), свалили самодержавие,

принудили слабовольного царя к отречению в пользу младшего брата, который заведомо не хотел царствовать и отдал им власть, и...

И позорнейшим образом провалились во всех сферах общественной жизни. Они сумели только развалить: армию, государство и саму повседневную жизнь, смытую не столько митинговой стихией, сколько начинавшейся разрухой. Это ничего не напоминает вам, друзья мои, пережившие демократическую власть в начале 90-х и наблюдающие очередное либеральное информационное наступление сейчас, в середине 2010-х?

Временное правительство, состоявшее из исключительно умных, цепких и талантливых по отдельности людей, оказалось коллективным ничтожеством. По очень простой причине: оно не имело никакой содержательной позитивной программы. Его члены хотели политических свобод — и взяли их, и дали их народу, — но оказались в полном недоумении перед тем простым фактом, что народ хотел не столько свободы бесплодной болтовни, сколько хлеба, работы и мира.

А обеспечить всё это Временное правительство не могло, ибо обслуживало интересы

в первую очередь враждебного России Запада и помещичьего землевладения, совместно блокировавших индустриальное развитие страны.

А развитие требовалось категорически — на уровне не болтовни о «модернизации», «инновациях», «борьбе с терроризмом» и «войне до победного конца», а решения конкретных проблем за счёт реализации стратегических модернизационных программ. Именно это и сделали потом якобы «тоталитарные» большевики, чья вина заключалась только в том, что они не путали демократию с импотенцией.

А ведь для своего времени именно Ленин был главным демократом — человеком, обеспечивающим максимальное участие в управлении максимально широкому кругу людей. И диктатура пролетариата, при всех зверствах и жестокостях, с точки зрения учёта властью интересов и мнений большинства людей была демократией по сравнению с устройством царской России, да и практически всех тогдашних развитых стран (чего стоит фактическая диктатура Клемансо во Франции!). Другое дело, что все, искренне считающие «людьми» только социальную верхушку любого общества, заметить это, по понятным причинам, не в силах.

Коммунизм охватил полмира и стремительно распространился во всём человечестве не из-за подкупа, лжи и спецопераций, но в силу своей идеологии освобождения и раскрепощения человека — идеологии реальной, а не «западной» или «сувенирной» демократии. Не случайно США, разглагольствуя о свободе, в своей внешней политике последовательно поддерживали диктаторов и «давили» демократов вплоть до самого президентства Картера, когда Советский Союз, разрушенный гниющей бюрократией, уже перестал быть глобальным фактором раскрепощения человека.

Но при Ленине, при большевиках наша страна была не только одной из самых жестоких и страдающих, но и одной из самых демократичных в мире, если, конечно, понимать под демократией не соответствие формальным правилам, а реальный учёт власти интересов и мнений населения. Классическим проявлением этого стал поворот к НЭПу: да, всецело вынужденный крестьянскими восстаниями, но и демократичный по своей сути.

Сколько режимов рухнуло именно из-за своей недемократичности, из-за неспособности встать на сторону народа против самих себя вчерашних?

Второй кульминационный момент взятия власти большевиками (если не брать, конечно, непосредственно сам Октябрь) — роспуск Учредительного собрания, завершивший этот процесс.

Мы хорошо помним, что оно было избрано демократически — примерно так же, как последние Верховные Советы СССР и РСФСР, разорвавшие нашу страну. Мы хорошо помним, что большевики, которым де-факто принадлежала власть, были в нём в меньшинстве (так как выборы в условиях стремительно развивавшейся революции отражали уже несуществующую реальность). Однако мы практически ничего не знаем о наказах, с которыми ехали на Учредительное собрание его депутаты.

А наказания эти были страшными.

Страна изнемогла в ужасе Первой мировой войны, демократического безвластия и начинавшейся разрухи, она умывалась кровью, теряла силы и впадала в отчаяние.

Верить центральным властям уже не было сил, и не только практически все «национальные окраины», включая Украину, но и значительные регионы Сибири дали своим избранникам однозначный наказ добиваться выхода из состава России.

И те, как честные демократы, добились бы этого, уничтожив Россию, как уничтожили три

четверти века спустя Советский Союз, — без всякой гражданской войны.

Да, большевики распустили Учредительное собрание не за это, — но их презрение к нормам умершего на тот момент права, как ни печально это для любого юриста, было вполне оправдано с точки зрения национальных интересов России.

Целью Ленина было построение — в условиях уже более чем столетней давности — более свободного, более справедливого, более гуманистического общества.

И, несмотря на весь ужас, грязь и кровь революционной деятельности и Гражданской войны, несмотря на то, что основная часть созидательной работы была сделана уже после его смерти, а во многом и помимо его непосредственных замыслов, — она была сделана его людьми и его организацией, любовно собранной и свинченной им буквально вручную: по человечку, по кремешку.

И потому он — победитель.

Сегодня мы вновь, уже на глобальном уровне, стоим в том же тупике загнивания монополий, перед которым во времена Ленина стояли на уровне крупнейших и наиболее развитых государств.

Выходов из этого тупика, как и сто лет назад, только два: в дичайшие Тёмные века «нового Средневековья», которое очень недолго останется компьютерным (напомню, Джек Лондон написал сверхактуальную сегодня и узнаваемую до боли «Железную пята» в 1909 году), или в социализм.

Благодаря Ленину сто лет назад человечество смогло выбрать цивилизованный и гуманистичный путь.

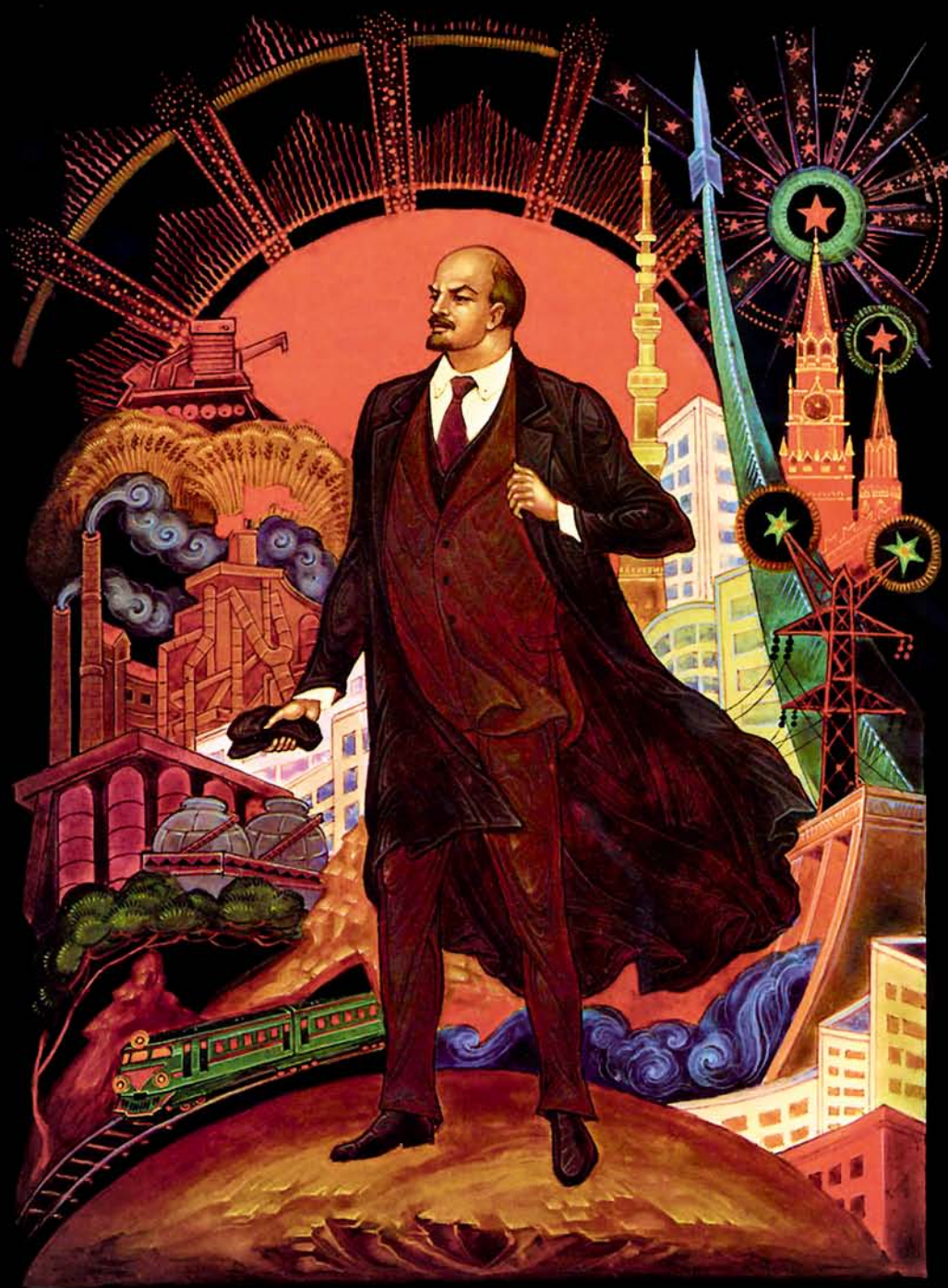
Он не уставал подчёркивать, что социализм отличается от капитализма не технологическим базисом и даже не госсобственностью, но исключительно служением власти трудящимся. Перерождение власти вернуло нас в капитализм и поставило перед тем же выбором, но на более высоком и сложном, общепланетарном уровне.

Сегодняшняя технологическая база, в отличие от времён Ленина, уже не просто позволяет, но и прямо-таки требует построения уже не социализма, но коммунизма (огромные массы «лишних людей», для которых нет работы в развитых странах, — это уже сейчас означает потребление по потребностям, пусть пока и искусственно редуцируемым, а не по труду), и эту задачу, как бы мы ни отворачивались от неё в страхе, предстоит решать именно нам.

/ Сергей БЕЛКИН /

Ленин и цивилизационный выбор России

1.

В XX веке Россия прошла через несколько крупных исторических поворотов. Среди них были те, которые устремляли страну к изменению не только государственного строя или экономической модели, но и самой ценностной матрицы народа, определяющей смысл и цели его жизнедеятельности. Такие повороты могут приводить к формированию новой цивилизации — и тогда о них говорят как о цивилизационном выборе. Цивилизационный выбор — распространённое, но плохо определённое понятие. Выбор чего-либо может иметь место только тогда, когда есть субъект, обладающий возможностью производить выбор, и есть набор возможностей, из которых этот выбор производится. Важной особенностью, отличающей цивилизации от государств, является бессубъектность: у цивилизаций нет каких-либо органов и персон, действующих от её имени и в её интересах. Чаще всего исторический процесс приводит страну к тем или иным цивилизационным состояниям под воздействием суперпозиции многих факторов, порой далеко отстоящих между собой во времени и пространстве, а осознание этой суперпозиции как «цивилизационного выбора», как правило, возникает ещё через какое-то достаточно длительное время.

В связи с этим говорить об осознанном цивилизационном выборе, осуществляемом теми или иными историческими субъектами, нельзя: они ставят перед собой иные цели и оценивают их в ином — отнюдь не цивилизационном — измерении.

Как оценивать фигуру Ленина в цивилизационной «системе координат»? На мой взгляд, такая оценка должна исходить из следующих тезисов:

- проведённая под руководством Ленина Октябрьская революция 1917 года являлась: а) революцией и б) цивилизационным поворотом (под «цивилизационным поворотом» здесь понимается начавшийся, но ещё не завершённый цивилизационный выбор, в том числе — создание условий для такого выбора);
- роль Ленина в данном процессе была исключительной, осознанной и целенаправленной;
- политические цели Ленина определили базис новой цивилизации — советской;
- Ленин как миф также являлся важным фактором становления и существования советской цивилизации.

Фактология деятельности Ленина известна, вероятно, полностью: здесь вряд ли может обнаружиться что-то существенно новое. Политический анализ и оценка этой фактологии выполнены со всех мыслимых идеологических точек зрения. Образы Ленина созданы во всевозможных формах художественного творчества, и каждый желающий найдёт себе множество вариантов «хорошего» и столько же вариантов «плохого» Ленина. Эмоциональный раскол общества на тех, кто положительно относится к нему, и тех, кто относится отрицательно, весьма устойчив. Нейтрально к Ленину в России относятся очень немногие — наверное, лишь те, кто ухитрился ничего или почти ничего не знать о его существовании. Поэтому политически нейтральный, «объективный» анализ деятельности Ленина и его самого как политика и человека практически неосуществим: эмоция предшествует попыткам исследования. Те историки, философы, политики, публицисты и так далее, кто к Ленину относится «плохо», будут опираться на имеющуюся в достатке «аргументацию», а те, кто Ильича «любит», в изобилии привлекут иные имеющиеся факты и свидетельства, подтверждающие их взгляд. Таков, увы, удел так называемых гуманитарных наук: субъективизм как метод познания.

Субъективизм, однако, обязан формироваться на достоверных, твёрдо установленных фактах. Ежели это не так, — а это часто бывает не так, — то это уже не «нормальный» субъективизм, а пропагандистское промывание мозгов. Поэтому автор, трезво оценивая собственные возможности «быть объективным», предупреждает читателя, что «в целом положительно» относится к Ленину. Кроме того: эта статья не научная, а публицистическая. Публицистика же не только имеет право на эмоцию, но и обязана её проявлять. Публицистика — жанр литературы.

Та точка зрения, с которой я хочу рассмотреть Октябрьскую революцию 1917 года и роль Ленина, называется цивилизационным подходом. Поэтому необходимо сказать несколько слов о сути данного подхода.

2.

При описании событий отечественной истории до сих пор преобладает взгляд на исторический процесс как на следствие развития материальных производительных сил и классовой борьбы. В сказанном мы узнаём язык марксизма,

но те же самые причины и факторы исторического развития (экономика и социальные противоречия) лежат в основе совершенно иного взгляда: современного либерализма, считающего себя антитезой марксизму-коммунизму. В марксистском описании истории, господствовавшем в советскую эпоху, Ленин рассматривался как своевременное воплощение «личности в истории», действенное звено неотменяемой исторической закономерности: на смену капитализму идет социализм, а Ленин становится вождём прогрессивного класса — пролетариата. В этой системе координат Ленин — светлый гений, пребывавший в гармонии и с законами общественного развития как таковыми, и с особенностями их реализации в России.

Иной, либеральный (и особенно — неолиберальный) взгляд ещё выше, нежели марксизм, оценивает роль экономики как мировоззренческого центра всего бытия, видя в ней не просто «базис», а смысл жизни — вплоть до квазирелигиозного ей поклонения. Ленин в этой системе координат — не просто тормоз на пути подлинного прогресса (т. е. развития капитализма во всей полноте его экономических и социальных отношений), а жуткое чудовище, воплощение зла, поскольку он покусился (и преуспел в этом) на священное: частную собственность.

Есть иная система координат, описывающая ход общественного развития и известная как цивилизационный подход.

Цивилизационный подход не отрицает марксистский и либеральный подходы, но принимает их в качестве дополнительных специфических инструментов анализа, помня об их неполноте и мере неточности.

Цивилизационный подход к историческим процессам отличается необходимостью рассматривать сразу много как бы самостоятельных процессов, анализируя изменения в разных сферах жизни. Этот подход исходит из приоритета системы цивилизационных ценностей, из того, что мотивация человеческой деятельности определяется духовной сферой, трактуя это понятие весьма широко: наука, технологии, культура, образование, этика, религия.

Духовный мир во всей его многомерной полноте формирует систему ценностей человека и общества. Система ценностей определяет человеческую деятельность, формирует цели и пути их достижения. Духовный мир и сложившаяся система ценностей определяют структуру, форму и правила жизнедея-

тельности: представления о должном составе и функции семьи, о безопасности и качестве жизни, социально-политическое и экономическое устройство, применяемые технологии и уровень экологического сознания, формы и правила взаимодействия стран и народов, способность и стремление к прогнозированию и конструированию будущего.

В каждой из сфер деятельности существует собственная динамика, имеет место их взаимовлияние, а также синергетическое влияние на динамику цивилизаций. К мощным процессам, влияющим на цивилизационную динамику, относится развитие науки и техники, появление новых технологий, оказывающих столь значительное влияние, что о них говорят как о промышленных или технологических революциях. Важным фактором являются изменения в религиозной жизни: появление новых религий и новых конфессий, борьба церковью друг с другом и с властью, с теми или иными привычками и традиционными верованиями народа. Как самостоятельное движение рассматривается и описывается развитие культуры: появление новых образов в живописи, литературе, смена стилей в архитектуре и в моде, возникновение новых музыкальных и театральных жанров, — всё это являет собой чрезвычайно важный и влиятельный процесс, характеризующий цивилизационную динамику. Совершенно особым «поток» является изменение морали, формирование новых и отказ от прежних этических норм и систем. К цивилизационно значимым факторам относится и психология: личная и социальная. Психологические реакции и обусловленные ими формы поведения, установки, фобии и пр. — всё, из чего складывается психологический портрет социума, — следует внимательно изучать и принимать во внимание. Разумеется, не остаётся без пристального анализа и сфера экономики: модели хозяйствования, организации трудовой, торговой и финансовой деятельности в рамках цивилизационного подхода остаются весьма важной характеристикой и одним из отличительных признаков цивилизаций. Наконец, формы политического устройства, принципы и цели управления обществом, государством также включены в перечень факторов, которые необходимо учитывать при изучении цивилизационной динамики.

В каждой из этих сфер происходят перемены, иногда настолько значительные, что в движение приходят не только отдельные общества

и государства, но и целые материки, оказываясь порой в состоянии ожесточённой конфронтации, войны и в следующих за этим состояниях либо упадка, либо нового роста и развития. Анализируя изменения, происходящие в истории цивилизаций: их возникновение, трансформации, угасание, — исследователи стремятся не только установить причинно-следственные связи, но и выявить закономерности, которые позволяли бы как описывать прошлое, так и прогнозировать будущее в судьбе цивилизаций.

3.

Начало XX века для России оказалось временем, в котором суммировались, наложились друг на друга экстремальные изменения сразу в нескольких процессах, происходивших в разных сферах.

В экономической области шёл процесс развития капитализма, ход которого требовал кардинальной ломки устоявшейся столетиями социальной структуры, межсословных отношений и формы государственного устройства.

В религиозной сфере усугублялся драматический упадок авторитета господствующей церкви — как в силу повреждений её внутренней жизни, так и в силу набравшего силу стихийного безверия и нигилизма. В сфере культуры протекало несколько конкурировавших процессов: от модернизма, взыскующего будущего, до явлений, довольно точно описываемых термином «декаданс», то есть упадок. Очевиден был отказ от прежних целей, прежней роли и прежнего языка искусства. Научная картина мира переживала один из самых драматических периодов своего развития: на смену классической физике пришла современная, ломавшая представления о мироустройстве в целом. В музыке набрали силу совершенно непредставимые в XIX веке формы и ранее абсолютно немислимое эмоциональное содержание. В живописи, казалось бы, совсем недавно пережившей революционный отказ от «академизма», от продолжавшегося столетиями христианского тоталитаризма, происходили стремительные перемены: совсем ещё юный импрессионизм сменялся постимпрессионизмом, экспрессионизмом,

абстракционизмом. В архитектуре пришло время невиданных прежде форм, обусловленных как новой эстетикой, так и возможностью применения новых конструктивных материалов. В области морали наблюдался массовый отход от прежних норм поведения, от соотнесения своих представлений о должном с религиозными предписаниями и прежними стандартами и привычками. Веками нараставшие этноконфессиональные противоречия также требовали своего разрешения.

В сфере политической мысли возникли весьма глубокие теории, не только описывавшие ход истории, но и вскрывавшие причины социальных недугов. Помимо описания прошлого и настоящего эти теории предлагали и рецепты избавления от социальных пороков, формы более справедливого государственного устройства в будущем. Последователи этих теорий сформировали действенные организации, вовлекшие в свои ряды весьма энер-

гичных и идейно заряженных людей, готовых к решительным действиям по переустройству государства. В то же время возраставшая сложность управления огромным усложнявшимся государством вступила в непримиримые противоречия со сложившейся полуфеодальной системой, к тому же существенно ослабленной агрессией развивавшегося капитализма и войнами. Силу государства подрывала и нараставшая неуверенность подданных в праве «власти на власть», то есть существенная утрата легитимности монархии. Наконец, Россия не являлась изолированной системой, она была, есть и будет звеном, ячейкой в системе международных отношений, направленных — почти всегда — на её ослабление.

Собравшись на одном отрезке истории, эти процессы породили крайне неустойчивое состояние общества и государства, предельно усугубившееся Русско-японской и Первой мировой войнами. Российская империя утратила

способность к адекватной адаптации в быстро и радикально изменявшихся обстоятельствах. Говоря современным языком, Россия вошла в «зону турбулентности», для которой характерна возможность драматически больших изменений при даже незначительном воздействии — извне или изнутри. Такие состояния в динамике сложных систем называют «точками бифуркации», пережив которые, система оказывается в совершенно новом — причём заранее непредсказуемом — состоянии. Факторов, выталкивавших Россию из состояния неустойчивости в историческую неоднозначность, в слом всех форм, было много во всех сферах жизни. И повсюду имелись и личности, и сообщества людей, обеспечивавших воздействие этих факторов.

Одним из таких людей-факторов был Ленин. Разумеется, Ленин не ставил перед собой задачу «цивилизационного выбора». Вернее, он не стал бы описывать свои намерения на таком языке.

Зададим простой вопрос: мог ли цивилизационный подход к истории дать «революционное учение», инструмент захвата власти и радикального изменения общественного устройства? Не описать его постфактум, а дать действенный инструмент политической борьбы? Марксизм такой инструмент давал со всей определённой, указывая и цели, и движущие силы. Ленин, опираясь на теорию марксизма, разработал технологию политической борьбы и реализовал её на практике, как бы и не ставя перед собой «цивилизационные» цели. Но по существу своему цели той революции, к которой он стремился с исключительной настойчивостью и мастерством, несомненно, должны были разрушить многое в сложившейся цивилизационной матрице России и заместить её иной, в которой впоследствии обнаружились бы как вполне традиционные, даже консервативные элементы русской цивилизации, так и совершенно новые, взятые из марксистской и социал-демократической концепции построения справедливого общества.

Революция с точки зрения цивилизационного подхода означает качественный скачок в развитии локальной цивилизации или её существенных элементов, переход в новое состояние. В истории цивилизационной динамики было много революций начиная с неолитической, породивших саму цивилизацию как социальное явление. Причиной революций являются исторические вызовы, с которыми сталкивается

общество, идущее по пути развития. Революция становится толчком для перехода к очередному этапу в развитии цивилизации или к новой цивилизации. Революции, так или иначе, охватывают все элементы цивилизации, всю её шестимерную (по Кузьку — Яковцу) структуру: качественные перемены происходят в демографической, экологической, технологической, экономической, социально-политической сферах и в духовной жизни общества (науке, образовании, культуре, системе этических и религиозных ценностей). В зависимости от масштабов изменений это приводит либо к смене социокультурного строя, либо к формированию нового этапа в его развитии.

4.

Пропагандистский тренд в историографии современной России содержит, в частности, и внедрение мема «Русская революция 1917 года», объединяющего события Февраля и Октября. Цель этой пропаганды состоит в том, чтобы Февральскую революцию считать как бы «главной и правильной», а то, что произошло в октябре и после, именовать не «Октябрьской революцией», а «переворотом», эдаким зигзагом истории, трагическим маршрутом и заблуждением, которое удалось через семь десятилетий вскрыть и вернуться на «правильную дорогу».

«Русская революция 1917 года», несомненно, состояла из двух революций, каждая из которых ставила свои собственные цели. С цивилизационной точки зрения можно утверждать, что Февральская революция заложила основы для цивилизационного поворота. Глубина и масштабы намеченных этой революцией преобразований и их целей могут оцениваться как цивилизационно значимые, но она не смогла этот новый курс удержать. Система Российского государства продолжала оставаться в зоне высокой неустойчивости, точка бифуркации ещё не была пройдена (отметим, что такая точка бифуркации на временной шкале исторического процесса может занимать годы и даже десятилетия). Цивилизационные факторы Февраля, хотя и не реализовались в достаточно длительной практике, тем не менее имели место, воспринимались вполне явственно и, несомненно, влияли на настроения масс, но так, что период «двоевластия» сработал в пользу иных цивилизационных ценностей: народ пошёл «за Советами».

Октябрьская революция, несомненно, была именно революцией, а не переворотом: ре-

волюции делает революциями не формы их проведения, а социально-политические последствия. Не вызывает сомнений также и то, что в октябре 1917 года Россия совершила второй за тот год цивилизационный поворот: от либерально-буржуазной парламентской республики, только что свергнувшей монархию, — к построению абсолютно нового, прежде никогда не бывшего и не до конца ясно видимого социализма. Ясно просматривалось, пожалуй, только это: слом новорождённых либерально-буржуазных порядков, окончание войны и жизнь «по справедливости».

Кстати, последний цивилизационный поворот, совершённый на рубеже 80–90-х годов того же великого XX века, с марксистской точки зрения является «поворотом от социализма к капитализму», регрессом, попятным движением, противоречащим сути и направлению исторического развития. С либеральной точки зрения он означает возвращение от несвободы к свободе, на единственно верный путь — демократии и рыночной экономики. С цивилизационной точки зрения — это попытка подчинить локальную (русскую) цивилизацию иной, западной цивилизационной модели, пытающейся стать единственной в глобальном масштабе. Поскольку русское цивилизационное ядро, духовной основой которого является стремление к справедливости, эмпатия и коллективизм, ещё не разрушено, к тому же народ ещё помнит и ощущает как ключевой элемент своего цивилизационного кода право на развитие по собственным моделям и образам, в соответствии со своими этическими установками, в условиях духовного саморазвития, важной частью которого является наука и самобытная культура, а легитимация власти происходит на основе общности ценностей, а не в виде формальной манипулятивной процедуры, — этот поворот встречает сопротивление среды. Отсюда постоянные сетования нынешних «цивилизаторов» на «не тот народ», с которым провести «правильные» реформы невозможно, и т. д.

5.

Февральская революция 1917 года, несомненно, несла в себе чрезвычайно существенные черты цивилизационной революции. Одного упразднения монархического строя, просуществовавшего много столетий, было более чем достаточно для ожидания нового цивилизационного состояния России. К этому

добавился и ряд иных преобразований, разрушавших прежнюю ценностную матрицу: упразднены сословия, внедрён целый ряд политических свобод и пр. Быть может, самым существенным с цивилизационной точки зрения результатом Февральской революции стала утрата легитимности власти, причём даже не на уровне авторитета и доверия народа, а на уровне религиозном: помазанник Божий отрёкся и был арестован, в церквях перестали провозглашать «многие лета царствующему дому», заменив объект здравницы на «благочестивое Временное правительство».

Февральская революция открыла перед Россией дорогу к продолжению развития капитализма в более благоприятных, с точки зрения капиталистов, условиях, к строительству буржуазно-демократического государства «европейского типа». С цивилизационной точки зрения это означало формирование новой ценностной матрицы, наиболее существенным отличием которой от прежней должны были стать замена общинного, коллективистского мировоззрения большинства населения мировоззрением индивидуалистическим и примат материального над духовным. Но, как показали предшествующие десятилетия развития капитализма в России и реакция на этот процесс со стороны как населения в целом, так и оппозиционных движений и многих деятелей культуры, русский народ в целом, и прежде всего крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения, не принимали ни западных представлений о собственности на землю, ни внедрения рыночных отношений вместо общинного уклада.

Размышляя над этими свойствами русского человека, Николай Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «По своим понятиям о собственности русские крестьяне всегда считали неправдой, что дворяне владеют огромными землями. Западные понятия о собственности были чужды русскому народу. Земля Божья, и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ей пользоваться. Наивный аграрный социализм был присущ русским крестьянам». Ленин в своей статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» подчёркивал, что русская революция выражала «протест против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс».

В этом протесте, который лишь усугубился после реформ Столыпина, разрушавших общинный уклад, вполне очевидны цивилизационные основания.

Конфликт был ценностный, цивилизационный, и для его разрешения Февральская революция ничего, что хотя бы как-то отвечало умонастроениям народа, предложить не смогла. Именно в силу этого Февральская революция завершилась бесславно, породив не цивилизацию, а мстительный выплеск в виде Белого движения, принесшего гибель миллионам, схватившимся в братоубийственной Гражданской войне. Так что февральский цивилизационный поворот был поворотом в никуда, потерей управления, после которой машина неслась к пропасти.

6.

Совершенно иного результата достигла Октябрьская революция. И обусловлено это было в значительной мере именно тем, что Ленин апеллировал к ценностным основаниям русского народа. Его антикапиталистический, антибуржуазный поход «за социализмом» перевёл Россию на новую ценностную матрицу, из которой и на которой успешно выросла новая цивилизационная сущность. И путь этот не был указан одним лишь марксизмом или европейской социал-демократией, в которых, несомненно, Ленин ментально пребывал на протяжении всей своей жизни. Но, пребывая в них, Ленин решал совершенно конкретную политическую задачу, понимая — в отличие от «февралистов» и даже близких ему по мировоззрению разномысленных социалистов, — что крестьянство

может и должно стать революционной силой в России, став союзником передового рабочего класса. А это уже не марксизм, это — ленинизм. И это — цивилизационное движение, а не одна лишь политическая тактика и стратегия, которые, несомненно, имели место и превалировали в среде мотиваций и самого Ленина, и его соратников.

Осуществив Октябрьскую революцию, Ленин сделал цивилизационный выбор, определивший на многие десятилетия вперёд судьбу не только России, но и всей человеческой цивилизации. Именно та фундаментальная ценностная матрица, которая была заложена Лениным сначала в виде политических лозунгов апреля 1917 года, затем в виде первых декретов, потом в виде институтов: Советов, наркоматов, планов развития народного хозяйства, идеологических установок на «союз с крестьянами-бедняками и середняками и разрыв с кулаками», политической технологии тактической борьбы, компромиссов и отступлений, не выходящих за грань отказа от целей и базовых ценностей, — позволила Сталину не дать России свалиться в многочисленные гибельные пропасти первых двух послереволюционных десятилетий.

Именно те ценности, которые отстаивал и внедрял Ленин до, во время и после Октябрьской революции, обрели легитимность и привели к фундаментальному изменению русской цивилизации, вывели её на дорогу, которая вела к новой русской цивилизации — советской.

7.

Цивилизационный поворот несёт в себе не только внедрение и насаждение нового, но и системное разрушение старого. Поскольку перед Лениным стояла задача не столько захвата власти в стране, сколько изменения всех политических и экономических основ государства, он не только созидал, но и сокрушал, действуя и в том, и в другом направлении весьма решительно.

Надо сказать, что и предыдущие цивилизационные повороты, осуществлённые в России, отличались весьма жёсткой борьбой с прежним укладом. Так, киевский князь Владимир не просто «выбрал веру», но и запустил процесс предельно жестокого, бескомпромиссного, тотального уничтожения всех вариантов язычества — в том числе и того, который до этого установил сам.

«Европеизация» России, проводимая Петром Первым, тоже не отличалась умеренностью и кротостью нравов: реформы насаждались силой и страхом.

Октябрьская революция — та её фаза, которая была связана с захватом власти и низложением власти предшествующей, — не потребовала применения существенного насилия и прошла, по сути, бескровно. А вот следующая фаза этой революции потребо-

вала нарастания насильственных действий. Гражданская война и интервенция привели Россию к самым крайним формам политической жестокости. Ленин как лидер революции, как глава возникшего в её ходе государства не отличался сантиментами и всегда был готов к применению насилия, если считал это необходимым: видимо, будучи внутренне уверенным, что цели революции, возможность построения общества справедливости оправдывают в том числе и любые средства их достижения. Под «колесо истории», под карающий меч революции бросалось всё, что ей препятствовало, — как в форме открытой борьбы, так и на уровне фундаментального, ценностного противостояния. К последнему следовало бы отнести негативное отношение марксистов к религии, особенно — к православной, но при этом важно не перепутать, не отождествить данное отношение с борьбой против церкви, которая была продиктована прямым противостоянием церкви новой власти. Социалистическая революция, провозглашавшая безбожие как норму, тем не менее использовала многовековой церковный опыт. Та мифологема, которая была впоследствии утверждена как «марксизм-ленинизм», внедрила квазирелигиозное мировоззрение и квазирелигиозные нормы морали и поведения. В отличие от Владимира Святого Владимир

Ленин и большевики не ставили задачу тотального искоренения церкви, уничтожения религий как таковых, — им достаточно было зажать их политически до такой степени, при которой те не смогли бы препятствовать строительству социализма. Не менее, а порой и более жёсткая борьба велась с «классовыми врагами».

Цивилизационный поворот, начавшийся в 1917 году, продолжался около двух десятилетий. Только в 1936 году Сталин заявил: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе: первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм». С этого момента можно говорить о появлении в истории человечества новой цивилизации — советской. Но во времена Ленина осуществлялись лишь первые шаги на этом пути. Ленин прекрасно понимал, что предстоит достаточно длительный переходный период. Об этом он писал в октябре 1919 года в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата»: «Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом <...> или, иными словами: между побеждённым, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем ещё слабым коммунизмом». Подводя итог двухлетнего правления большевиков, Ленин писал: «Сразу, одним революционным ударом, сделано то, что вообще можно сделать сразу: например, в первый же день диктатуры пролетариата, 26 октября 1917 г., отменена частная собственность на землю, без вознаграждения крупных собственников, экспропрированы крупные собственники земли. В несколько месяцев экспропрированы, тоже без вознаграждения, почти все крупные капиталисты, владельцы фабрик, заводов, акционерных предприятий, банков, железных дорог и т. д. Государственная организация крупного производства в промышленности, переход от «рабочего контроля» к «рабочему управлению» фабриками, заводами, железными дорогами — это, в основных и главнейших чертах, уже осуществлено,

но по отношению к земледелию это только-только начато».

И ещё одна цитата из той же статьи: «Вы — нарушители свободы, равенства, демократии, — кричат нам со всех сторон, указывая на неравенство рабочего и крестьянина в нашей Конституции, на разгон учредилки, на насильственное отобрание излишков хлеба и т. п. Мы отвечаем: не было в мире государства, которое бы так много сделало для устранения того фактического неравенства, той фактической несвободы, от которых веками страдал крестьянин-труженик. Но с крестьянином-спекулянтom мы никогда не признаем равенства, как не признаем «равенства» эксплуататора с эксплуатируемым, сытого с голодным, «свободы» первого грабить второго. И с теми образованными людьми, которые не хотят понять этой разницы, мы будем обращаться как с белогвардейцами, хотя бы эти люди назывались демократами, социалистами, интернационалистами, Каутскими, Черновыми, Мартовыми».

Мы привели эти цитаты, а могли бы привести и множество других, чтобы напомнить о состоянии неистовой, бескомпромиссной борьбы «за идеалы революции» и против «врагов революции», в которой пребывал Ленин в процессе цивилизационного поворота.

8.

Взгляд на русскую революцию как на цивилизационный поворот не нов. Среди авторов, развивавших эту тему, упомянем Вадима Цымбурского, считавшего Октябрьскую революцию аналогом европейской Реформации: «В конечном счёте, если весь прошлый (XIX. — С. Б.) век представляет предреформационную эпоху, то большевизм может рассматриваться как наша реформация, он явился квазирелигиозной доктриной, утверждающей главенство города в лице его передовых плебейских слоёв над отсталой деревней. <...> Большевизм выполнял цивилизационную роль, роль, аналогичную Реформации в Европе. Другое дело, надо постоянно помнить, что речь идёт не о том, чтобы провести в России европейскую Реформацию, чтобы создать в России слой людей, в чём-то подобных протестантской этике. Хотя, например, Николай Бердяев писал, что только большевизм и создал предпосылки для обуржуазивания России. Нет, речь идёт, прежде всего, о том, что большевизм провёл одну из многочисленных городских революций, какие бывали в истории самых разных цивилизаций».

Разумеется, речь не шла о создании слоя людей, стоявших на позициях протестантской этики. А вот о создании слоя людей, стоявших на позициях этики социалистической, — шла! Обратив внимание на то, чего в этической трансформации не было, Цымбурский не обратил внимания на реально происходившую и весьма существенную этическую трансформацию, приведшую к созданию совершенно новой этической системы.

Размышляя о либерализме как альтернативе «большевизму», Цымбурский пишет: «А что же такое тогда либерализм? Либерализм — это чисто западное явление. Он возник в XVII веке, когда в рамках западной системы сложилась ситуация пата между силами Реформации и Контрреформации. Он так и остался бы просто идеологией пата, идеологией разрядки, терпимости и временного перемирия, если бы не был синкретизирован, во-первых, с масонством, заявившим, что в принципе можно попытаться построить царство Божие на земле собственными конструктивно-человеческими средствами, и, во-вторых, если бы не был синкретизирован с бурной промышленной революцией XVIII века, которая сулила осуществление этих чаяний. Либерализм — это чисто западный цивилизационный ход. В цивилизационное развитие России он так и не вписался». Да, не вписался, однако настойчиво продолжает попытки если не вписаться, то внедриться силой.

Мы отмечали квазирелигиозный характер марксизма-ленинизма как идеологии построения социализма в СССР. Можно провести параллели и с организационными, управленческими и психологическими приёмами христианской церкви. После смерти Ленина ВКП (б), а потом и КПСС формировали миф о Ленине как об идеале личности, а также идеале политика, патриота, коммуниста, человека, наделённого гениальностью, огромными знаниями, невероятной прозорливостью, волей, скромностью и т. д. Пропагандистские формы: повсеместное развешивание портретов, бюстов, памятников, проведение «в их присутствии» ритуальных процедур приёма в партию, комсомол и в октябрюта, — всё это и многое другое заимствовало приёмы и технологии религиозных культов. Отрицать действенности этих технологий и достаточно эффективного использования образа Ленина в процессе строительства социализма, особенно в первые десятилетия, нельзя. Разумеется, как и всякий миф, как любой искусственный идеал, он, сталкиваясь с действительностью,

размывался, его эффективность снижалась, и в конце концов — особенно после XX съезда, на котором вроде бы разоблачали Сталина, а Ленина по-прежнему возвеличивали, — миф о Ленине не только перестал работать, но и начал оказывать вполне разрушительный эффект.

9.

Считаем важным указать на распространённую неточность в употреблении понятия «большевики» и «большевизм». Употребление понятия «большевики» без уточнений, о каких именно большевиках идёт речь, — лишь затуманивает картину.

Считать большевиками всех, кто себя сам так называл, конечно, можно, но при этом будет упущено очень существенное обстоятельство. Одни большевики — те, кто так себя называл до революции. Другие — те, кто так себя называл в ходе Октябрьской революции и в последующие годы (до середины 30-х годов или чуть дольше). Большевики никогда не отличались однородностью взглядов. В их среде всегда шла принципиальная борьба мнений. Пока партией руководил Ленин, ему часто удавалось убеждать соратников в своей правоте и формировать общее мнение. После его смерти раскол внутри большевиков стал стремительно нарастать, причём уровень расхождений во взглядах достиг самых принципиальных мировоззренческих вопросов. Тот якобы большевизм, который переоформился в троцкизм и который рассматривал Россию в качестве расходного материала для мировой революции, — с цивилизационной точки зрения совершенно не то, к чему на практике стремился Ленин, и дважды не то, к чему стремился Сталин. Только последовательный разгром троцкистов и всех иных «уклонов» позволил Сталину сформировать то, что стало советской цивилизацией.

Вся сложность той борьбы, переплетение менявшихся точек зрения её участников, возникновение и разрушение временных союзов, жонглирование целями и аргументами позволяют современным пропагандистам записывать деятелей прошлого в какие угодно мировоззренческие и политические группировки, подкреплять это цитатами. В этом отношении цивилизационный подход оказывается более надёжным инструментом анализа подлинных, ценностных установок, помогает очистить его от наслоения тактических лозунгов и реплик, позволяет за словами и терминами видеть суть.

И тогда приписываемая Ленину русофобия оказывается как минимум сомнительной, а адепты этой точки зрения оказываются так или иначе вовлечёнными в современные течения, преследующие свои политические цели (как правило, близкие или троцкистам, или «февралистам», или «белым», или «мировому капиталу»).

Одним из важных инструментов разрушения целостности: и государства, и ментальной органики народа, — является противопоставление Ленина и Сталина. Инструмент этот обладает удивительным свойством: одинаково успешно разрушает сознание как «левых», так и «правых», как «наших», так и «не наших». Первыми, кто вооружился этой метафорой, были те, кому было важно демонизировать Сталина: от Хрущёва и «детей XX съезда» до горбачёвского Политбюро, — и говорить о «возврате ленинских норм», об уничтожении Сталиным «ленинской гвардии» и т. п. Этот же инструмент охотно принимают на вооружение и те, кому важно доказывать, что «Ленин был плохой»: русофоб, западник, немецкий шпион, богоборец и т. д., а вот Сталин — «хороший»:

восстановил империю, победил в войне, создал промышленность, вернул церковь... Если не идти на поводу у вольных и невольных пропагандистов, среди которых и «слева», и «справа» немало весьма ярких, подлинно талантливых людей, искренних патриотов; если не сводить историю России к её политической составляющей, если погружаться вглубь цивилизационного процесса и отслеживать то главное, что делает Россию — Россией, а русский народ — русским народом, то станет очевидной неразрывная связь Ленина и Сталина, их органическая вовлечённость в единую ценностную матрицу. Разрыв этой целостности, внедрение в сознание концепта о сущностном противостоянии Ленина и Сталина означает ни много ни мало смерть всей идеи русского коммунизма. Что и является главной целью тех, кто использует матрицу «Ленин против Сталина». Есть и иные цели: представить русскую историю как лишённую внутренней логики цепь интриг, подлости, коварства, как некий ценностный хаос. А когда этот хаос овладевает сознанием «рядового россиянина», им становится гораздо проще управлять.

/ Владимир ВИННИКОВ /

Путин и Ленин

Между двумя лидерами нашего государства, Владимиром Ильичом Ульяновым, который родился 22 апреля 1870 года в Симбирске, и Владимиром Владимировичем Путиным, который родился 7 октября 1952 года в Ленинграде, казалось бы, не слишком много общего. Да, действующий президент Российской Федерации не только родился в городе, носившем имя вождя Великой Октябрьской социалистической революции, но и возглавляет государство, которое является правопродолжателем созданного Лениным Союза Советских Социалистических Республик. Да, в фамилиях Ленин и Путин — всего по пять букв, и они созвучны между собой. Да, оба стали руководителями государства в одном и том же возрасте: 47 лет.

Но есть еще одна прямая нить, которая напрямую тянется от Ленина к Путину, — это его дед, «ленинский повар», Спиридон Иванович Путин. А ведь родство, особенно ближнее, «до третьего колена», во многом определяет и наследственность, и дальнейшую судьбу любого человека.

Вот что поведал о своей родословной сам российский президент в известной книге «От первого лица...»: «Про родню отца я знаю больше, чем про мамину. Дед родился в Петербурге и работал поваром. Самая простая семья была: ну что, повар и повар. Но, видно, хорошо готовил, потому что после Первой мировой войны его пригласили на работу в подмосковные Горки, где жил Ленин и вся семья Ульяновых. Когда Ленин умер, деда перевели на одну из дач Сталина, и он там долго работал...»

Из этих слов следует, — если исходить из общепризнанного мнения, что Владимир Владимирович Путин всегда предельно корректен и точен в своих словах, — что его деда пригласили в Горки не после Октябрьской революции (октябрь 1917 года) и не после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву (март 1918 года), а «после Первой мировой войны», то есть после ноября 1918 года.

Кто в это время мог его туда пригласить, с какой целью и на каком основании?

Как известно, Ленин впервые побывал в Горках в конце сентября 1918 года, чтобы восстановить здоровье после покушения Фанни Ройдман-Каплан, совершённого на него 30 августа того же года. Незадолго до этого Горки были национализированы Советской властью

у вдовы фабриканта Саввы Морозова Зинаиды Григорьевны Резвой–Морозовой–Рейнбот.

Согласно публикации газеты «Гудок» (19.01.2006): «После первого визита вождя мирового пролетариата временным хозяином поместья стала латышская коммуна. Ленин принимал в её создании горячее участие. Кончился эксперимент тем, что коммунары разворовали мебель, посуду, ковры, занавески, серебро, ножи, вилки и даже огородный инвентарь. Несколько возов увезли в Прибалтику. Управляющий коммуной был арестован, остальных оштрафовали...»

Впрочем, согласно официальному акту от 27 ноября 1918 года, составленному Н.Н. Белоцветовым, усадьба находилась «в руках коммуны имени Ленина, и охрана её вполне удовлетворительная. Имеется управляющий (коммунар Вегенер), у которого ключи от главного дома и опись имущества»¹. Там же утверждается, что коммуна была ликвидирована лишь в 1921 году, в Горках был организован совхоз, но не в самой усадьбе, а за её территорией. Только в 1922 году Горки перешли в ведение ВЦИК, хозуправление которого организовало совхоз «Горки Ленинские». Тем не менее В.И. Ленин часто бывал здесь в дни отдыха и во время отпусков, а с 15 мая 1923 года, в связи с ухудшением здоровья, жил постоянно вплоть до своей кончины.

Понятно, что одного лишь умения «хорошо готовить» деду Владимира Владимировича для подобного поворота судьбы даже в 1918 году, а тем более после 1922 года было явно недостаточно. Получается, что его приглашение в Горки явно пришлось на «коммунарский» период истории усадьбы и в какой-то степени неизбежно связано с «латышской коммуной».

Отсюда почти само собой следует, что Спиридон Иванович Путин был не просто «ну что, повар и повар», а проверенный и доверенный человек — с точки зрения не только охраны Ленина, но и тех сил в партийном и государственном руководстве, которые некоторое время «прятали» вождя Великого Октября после покушения 1918 года. Прятали — не столько от внешних врагов, монархистов или эсеров, сколько от врагов внутри самой большевистской партии, где в то время шла ожесточённая борьба за власть. Настолько ожесточённая, что некоторые авторы (Юрий Фельштинский, Валерий Комбаров) высказывают версию, со-

¹ Мария Кузьмина «Пыль Отечества», цит. по: www.strana-oz.ru/?numid=2&article=153

гласно которой, ранение Ленина 30 августа было организовано его же ближайшими соратниками, «недовольными Брестским миром», а именно Я.М. Свердловым и Ф.Э. Дзержинским.

Для полноты картины стоит добавить следующее. Как раз с 18 июля по 10 ноября 1918 года шло непрерывное контрнаступление Антанты на Западном фронте, так что и убийство немецкого посла Мирбаха 6 июля, и покушение на Ленина 30 августа выглядят, прежде всего, как попытка части высшего руководства Советской России, вероятно, заранее информированного — наряду с доверенными лицами в других политических партиях — посольствами и/или агентами стран Антанты, о необходимости «выйти» из сепаратного Брестского мира и присоединиться к будущим победителям. Это было и в интересах Лондона с Парижем, разжигавших Гражданскую войну на территории России, а затем начавших прямую военную интервенцию против неё...

«В покушении участвовала целая группа лиц, но Каплан, впервые названная только 3 сентября в утреннем выпуске «Известий ВЦИК», почему-то 1 сентября была забрана из одиночной камеры тюрьмы ВЧК в кремлёвскую тюрьму, и 3 сентября в 4 часа дня расстреляна собственноручно комендантом Кремля П.Д. Мальковым (*который подчинялся лично Я.М. Свердлову. — В. В.*)», — отмечает Ю.Г. Фельштинский и далее пишет: «2 сентября 1918 г. следователем ВЧК Кингисеппом был произведён «следственный эксперимент» — инсценировка покушения. Гиль играл себя. Н.Я. Иванов был «Лениным». Кингисепп был «Фанни Каплан», а работник профкома Сидоров — «Поповой». В результате этого эксперимента было выяснено, что «стрелявшая находилась у переднего левого крыла машины, а Ленин — в пределах одного аршина от заднего. Как считает Тополянский, «все четыре пули направлены одинаково: снизу вверх. Нехитрые расчёты с помощью теоремы Пифагора показывают, что стрельба велась с расстояния 4–4,5 метра, под углом 45–50 градусов и, скорее всего, с колеса». Не похоже, чтобы так мог стрелять человек, не имевший опыта стрельбы из пистолета... Сам Ленин, оставшийся не допрошенным и не расспрошенным, тоже видел стрелявшего в него мужчину... После 3 сентября определить нельзя уже было ничего: была ли задержанная Батулиным женщина с зонтиком и портфелем — Каплан; была ли задержанная Батулиным женщина той, что разговаривала с Гилем перед началом собрания, еще до по-

кушения; была ли Каплан покушавшейся, т.е. женщиной, выстрелившей в Ленина; была ли расстрелянная в Кремле женщина — Каплан; была ли расстрелянная в Кремле женщина той, которую задержал Батулин; была ли расстрелянная в Кремле женщина той, которую видел Гиль и какие-то другие свидетели у завода Михельсона; кого именно расстреляли в Кремле 3 сентября 1918 года? Список этих вопросов — бесконечен. Не имея Каплан не только живой, но и мёртвой, ответить на них было невозможно. Именно Свердлов закрыл дело Каплан, уничтожив наиболее важную улику — саму арестованную».

Затем приводится отрывок из воспоминаний коменданта Кремля Малькова: «В эти дни меня вызвал Яков Михайлович (*Свердлов. — В. В.*). Я застал у него председателя Московского губисполкома (*судя по дате и ссылкам в т.50 ПСС В.И. Ленина, это был Тимофей Васильевич Сапронов (1887–1937), впоследствии — один из лидеров троцкистской «левой оппозиции».* — **В. В.**); Яков Михайлович поручил нам вдвоём найти за городом приличный дом, куда можно было бы временно поселить Ильича, чтобы он мог как следует отдохнуть и окончательно окрепнуть.

— Имейте в виду, — напутствовал нас Яков Михайлович, — никто об этом поручении не должен знать. Никому ничего не рассказывайте, действуйте только вдвоём и в курсе дела держите меня...»

«Свердлов велел подготовить Горки к приезду Ильича», — вспоминает Мальков. «Снова подчеркнул, что всё нужно сохранить в строгой тайне. [...] Дзержинский выделил для охраны Горок десять чекистов, подчинив их мне. Я отвёз их на место [...], а на следующий день привёз в Горки Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Было это числа 24–25 сентября 1918 года». «В Горки мало кто ездил: Свердлов, Сталин, Дзержинский и Бонч-Бруевич». Ленин пробыл в Горках почти три недели, «до середины октября», и кто знает, не была ли срочно организованная тогда же «при личном участии» Ленина «коммуна латышей» всего лишь прикрытием для доверенных лиц Дзержинского и Свердлова, входивших в «проантантовское» крыло партии большевиков? С другой стороны, поскольку допуска к Ленину не были лишены представители «пронемецкого» крыла Сталин и Бонч-Бруевич, у них в Горках, согласно законам жанра, тоже должна была быть своя «агентурная сеть» — тем более что именно «красные латышские стрелки» были одной

из главных сил, подавивших «антинемецкий» июльский мятеж 1918 года.

В данном контексте важны, разумеется, не все эти подробности, а сам факт возможной вовлечённости деда Владимира Владимировича Путина во внутрипартийные «разборки» столь высокого уровня — пусть даже на самом простом, чуть ли не бытовом, уровне.

Интересно, что, согласно публикации «Комсомольской правды» (10.11.2000): «Старший научный сотрудник Ленинских Горок Александра Калякина была очень удивлена.

— Я прошерстила весь ленинский архив и могу абсолютно точно утверждать, что в окружении вождя мирового пролетариата никогда не было повара с такой фамилией. Более того, обслуживали его только женщины. Поварихой, а по совместительству и домработницей в семье Ульяновых работала Шура Воробьёва...

Но президент ошибаться не мог. Спиридон Путин действительно кухарил в Горках. Только туда он попал уже после смерти Ленина. Это подтвердили все родственники президента... Тем более что переезжал он в своей жизни не раз и не два. Колесить начал ещё мальчишкой, когда подался из родной деревни Пименово (*ошибка, на самом деле — деревня Поминово на берегу реки Шоша, Тургиновского сельского поселения Калининского района Тверской области.* — Авт.) ... на заработки в город.

— По словам бабушки, у деда были родственники в поварах. Чуть ли не династия. На повара он пошел учиться в 15 лет, для чего специально приехал в Санкт-Петербург, — рассказал двоюродный брат президента Евгений Михайлович Путин.

По его словам, азы кулинарного мастерства дед президента постигал пять лет. Работал в шикарных питерских ресторанах. Одно время жил в Вильнюсе. А уже будучи в Горках, находился там на особом положении. Ему доверяли готовить для ленинской семьи. Жену Ленина Надежду Константиновну Крупскую и его сестру Марью Ильиничну Путин кормил до самой их смерти. Брат Ленина Дмитрий Ильич Ульянов тоже питался у него².

Из этой информации следует, прежде всего, то, что биография у Спиридона Ивановича Путина оказывается в самый раз для профессионального революционера-подпольщика: «колесить» по крупным городам под видом повара экстра-класса — просто идеальная легенда.

Конечно, при желании можно предположить, что никакого спецвызова и спецзадания в конце 1918 года по поводу Горок и его обитателей Спиридон Иванович Путин от партии не получал, прибыл туда только после 1924 года, а его «особое положение» в Горках и — это совсем уж маловероятно — допуск к членам ленинской семьи объяснялись исключительно профессиональным мастерством путинского деда как повара, а вовсе не какими-либо иными обстоятельствами.

Однако разыскания Александры Калякиной касаются только ленинского окружения после 1922 года, когда «вождя мирового пролетариата»

² Цит. по: www.flb.ru/material.phtml?id=4728

перевезли в Горки на постоянное жительство, а вовсе не времён «латышской коммуны», где Спиридон Иванович Путин вполне мог работать поваром, скажем, в 1918–1921 годах, включая самый «горячий» политический период осени 1918 года, а впоследствии, уже после смерти Ленина, вернулся на «знакомое» место.

Как явствует из тех же воспоминаний президента, его дед в любом случае долгое время жил и работал отдельно от своей семьи, которая была, по свидетельству Владимира Владимировича, вынуждена перебраться из Питера «на родину моей бабушки, в деревню Поминово Тверской области».

Какую-то связь с семьёй все эти годы Спиридон Иванович, несомненно, поддерживал —

в противном случае его жене Ольге Ивановне, в девичестве Чурсановой, было бы трудно, почти невозможно прокормить шестерых детей: Михаила (1907 г. р.), Владимира (1911), Алексея (1913), Анну (1915), Александра (1920) и Людмилу (1926). Даты рождения детей путинского деда тоже интересны. Первенцем Спиридон Иванович обзавёлся вроде бы поздновато — только в свои 28 лет, зато разница в возрасте между «крайними» детьми составляет 19 лет, что вполне типично для семей традиционного русского села. Между тем в книге «От первого лица...» находим следующий диалог:

«— А дед-повар? Он не помогал вашим родителям?»

— Нет, тогда вообще, как известно, никто ни за кого не просил. Я думаю, что в тех условиях это было просто невозможно».

Между тем двоюродный брат Владимира Владимировича, Игорь Александрович Путин, свидетельствует: «Отец (*видимо, Александр Спиридонович*. — В. В.) рассказывал, что, когда дедушка работал в первые годы после Октябрьской революции, зарплату давали царскими червонцами. Был такой период. Он приходил, бабушке выкладывал горсть червонцев и приговаривал: «Вот, получил я тебе зарплату!»³. Вряд ли родившийся только в 1920 году Александр лично застал и запомнил эту сцену, но ситуация, согласитесь, весьма показательная: золотом в первые годы Советской власти платили только самым «нужным» и верным людям. Да и работавший в Москве Спиридон Иванович вряд ли мог «приходить» к своей жене в Поминово Тверской губернии — скорее уж тогда «приезжал». Или, если эти слова верны, то вся семья путинского деда по отцу — хотя бы какое-то время — жила вместе в Москве.

В конце концов она воссоединилась окончательно, но относится это событие, похоже, к гораздо более позднему времени, поскольку Мария Ильинична Ульянова скончалась 12 июня 1937 года, а Надежда Константиновна Крупская — 27 февраля 1939 года. Видимо, только после этого, «в конце 30-х годов санаторий в Горках закрыли, а во время войны Спиридон Иванович трудился в Огарёво на даче у председателя Совинформбюро Щербакова. И уж потом оказался в «Ильичёво»⁴... У Путина, кстати, фигурирует вовсе не «Ильичёво», а «Ильинское»: «Дед уцелел. И Сталина, между прочим, тоже

³ Цит. по <http://www.customsunion.ru/info/3205.html>

⁴ www.eg.ru/publication.mhtml?Part=32&PubID=8307

пережил, и в конце жизни, уже на пенсии, жил и готовил в доме отдыха Московского горкома партии в Ильинском». Но на самом деле эта «загадка» разрешается просто: дом отдыха МГК КПСС назывался «Ильичёвский», а располагался он около села Ильинское Красногорского района Московской области.

На приведенном газетой фото могилы Спиридоны Ивановича можно различить даты: «19.12.1879–05.03.1965», то есть «на пенсию» дед Владимира Владимировича Путина вышел не ранее конца Великой Отечественной войны (то есть в 66 лет), а то и смерти Сталина (то есть в 74 года), умер же на 86-м году жизни. Согласитесь, для «просто повара» биография уникальная! Рядом, под тем же камнем похоронена и бабушка Владимира Владимировича, Ольга Ивановна, пережившая своего супруга более чем на десять лет.

Из той же беседы с Игорем Александровичем Путиным: «Наш дед — выходец из Тверской области, деревни Поминово. У Спиридоны Ивановича и бабушки Оли было пятеро детей (на самом деле шестеро, но один ребенок, видимо, умер в раннем детстве. — В. В.). Ещё до революции он уехал в Петербург, где встретил Социалистическую революцию. После — вернулся в Москву. Здесь, в Москве, он всю оставшуюся жизнь честно проработал в качестве шеф-повара в санатории МГК КПСС, в Ильинском Красногорского района. Там же они с бабушкой Олей похоронены. Прожили до глубокой старости, умерли в возрасте 84 и 86 лет» (цит. по <http://www.customsunion.ru/info/3205.html>). Как видим, Ольга Ивановна была моложе своего мужа примерно на десять лет (обычно годом её рождения указывается 1886-й, но в данном случае это не доказательство, поскольку даже если она прожила 86 лет и умерла в 1975 году, то её год рождения — 1889-й, а если 84 года — то вообще 1891-й), а значит, первого своего ребёнка она родила в 18 лет, если не раньше.

Не исключено, что «ленинский повар», при всей своей занятости, всё же не был абсолютно безразличен к судьбе своих детей. Не исключено, что родители российского президента в 1932 году переехали из деревни в Ленинград по совету Спиридоны Ивановича — тем более что там служил старший брат Марии Ивановны Шеломовой, Иван Иванович (1904-1973), — личность неординарная и, судя по всему, оказавшая влияние на формирование личности своего племянника и на его дальнейшую жизненную судьбу.

С октября 1926-го по май 1930 года Иван Шеломов был курсантом Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, по окончании которого был направлен на Каспийский флот. В Ленинград он вернулся только в ноябре 1933 года — для обучения в Военно-Морской академии РККА имени К. Е. Ворошилова. Дальнейшая его карьера достаточно хорошо известна и связана с погранвойсками НКВД СССР. «Пиком» этой карьеры, с формальной точки зрения, стал период с 11 марта по 8 июля 1941 г., когда капитан 3-го ранга Иван Шеломов был назначен временно исполняющим должность (врид) начальника 7-го отделения оперативного отдела 1-го управления Главного управления пограничных войск НКВД СССР, то есть, по сути, ведал в пограничном ведомстве всей военно-морской разведкой.

С началом войны пограничные войска передали все свои морские силы в распоряжение Военно-Морского флота, где Иван Шеломов до 1945 года занимался в основном вопросами охраны водных районов, но побывал и начальником 1-го отделения Отряда особого назначения — воинской части оперативной разведки ВМФ.

Старший брат сыграл особую роль в судьбе Марии Ивановны: в период блокады он вывез её из Старого Петергофа в Ленинград и всячески опекал.

В книге «От первого лица...» Сам Владимир Владимирович Путин об этом рассказал так: «Когда маме стало совсем тяжело, её забрал в Питер мой дядя, морской офицер, он служил в штабе фронта, а штаб располагался в Смольном. Брат приехал и вывез её с ребенком под обстрелом и бомбёжками... Помогал брат, он подкармливал её своим пайком. Был момент, когда брата куда-то на время перевели, и она оказалась на грани смерти...» Здесь небольшая неточность: дядя Путина служил в штабе Балтийского флота, а не фронта, но в данном случае это не так важно. Важно то, что семья Путиных была в близких, по-настоящему родственных отношениях с Иваном Шеломовым. И когда тот, будучи уже капитаном 1-го ранга в отставке, вернулся в качестве военного пенсионера в Ленинград, а произошло это в 1955 году, его контакты с сестрой и племянником вряд ли стали менее тесными.

Так что ответ на «вечный вопрос» наших западных «партнёров»: «Who is Mr. Putin?» («Кто вы, мистер Путин?») — возможно, стоит искать гораздо глубже во времени, чем это обычно делается.

/ Александр СУББОТИН /

Храм святой Голгофы

«Еще задолго до наступления на нашей земле последней воровской смуты услышал я то ли легенду, то ли чей-то досужий вымысел о том, что если кто из православных построит сто храмов, то это зачтётся ему в загробной жизни полным списанием всех земных грехов и дан ему будет едва ли не ангельский чин, и что архитектор Алексей Викторович Шусев возвёл будто бы девяносто девять церквей и обителей, а потом взял да и воздвиг Мавзолей неистового гонителя веры В.И. Ленина, по наущению врага рода человеческого».

Дмитрий ЖУКОВ

ХРАМОЗДАТЕЛЬ

В городе Кишинёве, в семье скромного чиновника Виктора Петровича Щусева и его жены Марьи Корнеевны Зозулиной, было четверо сыновей и одна дочь. Третьим из четырёх братьев 8 октября 1873 года родился сын Алексей, будущий талантливый русский архитектор-храмоздатель.

К моменту завершения учёбы в гимназии у Алексея Щусева созревает и окончательно утверждается решение продолжить своё образование в Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств. В августе 1891 года Щусев, успешно сдав вступительные экзамены, зачисляется на первый курс архитектурного отделения ИАХ.

Непосредственным руководителем Щусева становится профессор Л. Н. Бенуа. Среди педагогов, отмечавших успехи будущего архитектора в занятиях по живописи и рисунку, были И. Е. Репин и А. И. Куинджи. Постигание архитектурного искусства проходило не только в стенах учебного заведения. С целью изучения отечественных памятников архитектуры студент Щусев совершает поездки в Ярославль, Кострому, Ростов, Нижний Новгород, Самарканд. В 1897 году Щусев с золотой медалью заканчивает обучение в ИАХ и за успешный дипломный проект награждается пенсионерской зарубежной поездкой. Щусев изъездил практически всю Италию. Венеция, Верона, Болонья, Флоренция, Рим, Неаполь, Ницца — вот неполный перечень итальянских городов, где молодой специалист изучал и зарисовывал с натуры старинные памятники искусства и архитектуры. Путешествуя по стране, А. В. Щусев смог воочию познакомиться с подлинными образцами искусства времён Византии и Ренессанса. Архитектурное наследие именно этих исторических эпох всегда интересовало Щусева, вызывало его восхищение. Также он побывал в Австрии, Бельгии, Тунисе и Сицилии.

Щусеву была близка родная архитектура и её высшее проявление — русская храмовая архитектура, воплощённая в её наиболее древних и совершенных образцах. Поэтому неудивительно, что с 1901 года он состоит на службе в канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода Русской Православной Церкви, где много и плодотворно работает в области церковного зодчества.

До революции архитектурное творчество Щусева не ограничивается церковной тематикой. Он занимается проектированием

жилых и общественных зданий. Однако ни тогда, ни после, в советское время, когда заказы на гражданские сооружения стали нормой, Щусеву не удаётся достичь в этой области таких творческих успехов, какие он снискал на поприще служения православной архитектуре. Конечно же, все сооружения, построенные по его проектам, несут на себе печать большого мастера. В своём творчестве он всегда стремился к монументальности, основанной на такой же монументальной, глубокой и правдивой идеологии, на истинных и вневременных ценностях. Поэтому неудивительно, что талант зодчего всегда опирался на любовь к русской истории, культуре и архитектуре, которые от века были пропитаны красотой православия. Этой истинной любовью к истокам, глубоким патриотизмом и уважением к народной традиции насыщено всё творчество мастера, включая и советский период его работы. Щусева без колебания можно назвать самым русским из всех советских архитекторов.

Даже в советское время ему удаётся остаться в некотором роде храмостроителем. Станция московского метрополитена «Комсомольская»-кольцевая, построенная в 1949–1952 годах, превращена мастером в светский храм воинской славы, посвящённый святым именам героев и защитников Отечества. Образ метровокзала строится на идее восстановления цельности нашей истории, прерванной было 1917-м годом. Алексей Щусев с помощью выразительных архитектурно-художественных средств связывает историческую нить России. Станция представляет собой монументальную летопись страны протяжённостью в несколько веков. Здесь зримо, в художественных образах в единый ряд выстроены триумфальные события нашей истории — от Ледового побоища 1242 года до Парада Победы на Красной площади 1945 года. Трёхнефное внутреннее пространство станции действительно напоминает храм. Это ощущение усиливают арочные пролёты и сводчатые перекрытия, мозаичные панно и художественные мотивы оформления свода. Интересно, но аналогом для отделки сводов станции послужило декоративное убранство одного из храмов Ростова Великого, а великолепные панно невольно заставляют нас вспомнить об иконографии, выполненной в технике мозаики.

Истоки творческого метода Щусева можно проследить с 1905 года. Выступая в Санкт-Петербургском обществе архитекторов с до-

кладом «Мысли о свободе творчества в религиозной архитектуре», А. В. Щусев делает своё программное заявление: «Религиозное искусство как искусство чистой идеи, чуждое утилитаризма, должно быть свободным в своих проявлениях; оно должно подчиняться только религиозной идее и не терпеть рабского стеснения в формах... В искусстве необходимо правильно выражать идеи и достигать силы впечатления, не раздумывая о средствах...» С этого момента, реализуя свои творческие идеи, Щусев наиболее успешно работает в области храмовой архитектуры. На этот период приходится расцвет профессиональной деятельности мастера и создание наиболее значительных его произведений.

За работы в области церковного зодчества Щусев получает в 1910 году учёное звание академика архитектуры и избирается пожизненным членом Совета Академии художеств.

Поражает работоспособность Щусева. Простое перечисление его церковных проектов удивляет своим объёмом и вызывает глубокое уважение: часовня на кладбище Александровской лавры на могиле Д. П. Шубина-Поздеева, С.-Петербург, 1896 год (не сохр.); часовня на могиле Шабельской, Ницца (Франция), 1907 год; церковь в Новом Афоне, 1908 год. Проект деревянной церкви в имени Мансуровых Глазовка близ Тамбова, проект 1909 года (неосущ.); церковь в городе Ницца (Франция), 1910-е гг.

Реставрация церкви Святого Василия в Овруче на Воляни, окончание работ в 1911 году; колокольня, жилые и хозяйственные постройки женского монастыря в Овруче, 1911 год; Марфо-Мариинская обитель сестёр милосердия с церковью Покрова Пресвятой Богородицы, Москва, 1912 год.

Троицкий собор в Почаевской лавре, иконостас собора, Почаев, 1912 год; храм в Михайловском Златоверхом монастыре, Киев (не сохр.); Спасская церковь с комплексом хозяйственных построек в имени П. И. Харитоненко, Натальевка, Харьковская губерния, 1912 год; храм-памятник Святого преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле, заложен в 1913 году; Храм-подворье Святителя и Чудотворца Николая с комплексом жилых и хозяйственных построек, Бари (Италия), 1913 год; часовня-памятник Дома Романовых в Свяжске на Волге, проект 1913 года, постройкой окончен не был; церковь в имени Ракитная, 1914 год; церковь в имени Кугурешты Сорокского уезда Бессарабской

губернии (Молдавия), 1916 год; Троицкий собор в С.-Петербурге, проект 1916 года (неосуществлён); церковь в память братьев Катковых, погибших в войне 1914–1916 гг., в Москве в Серебряном Бору, 1917 год (не сохр.); церковь в Сан-Ремо (Италия), 1917 год;

К этому списку смело можно добавить обмеры и проект восстановления Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря и Гефсиманского скита в подмосковном городе Истра, выполненные в 1942–1943 годах.

МАВЗОЛЕЙ

Тема православного некрополя, с которой во многом началась архитектурная практика Щусева, занимает значительное место в творчестве зодчего на протяжении всей его жизни. Помимо кладбищенских часовен необходимо упомянуть и малые архитектурные формы погостов. Это выполненные А. В. Щусевым в 1900-е годы кресты-надгробия в Киево-Печерской лавре и на могиле греческого короля Георга. Он проектирует (в соавторстве) надгробие А. И. Куинджи на Смоленском кладбище в С.-Петербурге (1913), надгробие-склеп Терещенко под Киевом (1913), надгробие М. В. Георгиевской (1917), надгробие на могиле М. И. Калинина (1946).

Не все мастера старой дореволюционной школы смогли найти себя в новых условиях советского времени. Щусев, состоявший в прошлом на службе при Святейшем Синоде, уже с 1918 года занимает ряд руководящих должностей в различных государственных, проектных и учебных организациях. С 1922-го по 1929 год он — председатель Московского Архитектурного общества. Работает директором Государственной Третьяковской галереи и руководителем Архитектурно-проектной мастерской Моссовета. В 1948–1949 годах преподаёт в Московском архитектурном институте. Он является доктором архитектуры, заслуженным архитектором СССР, действительным членом Академии архитектуры СССР, действительным членом Академии наук СССР, лауреатом четырёх Сталинских премий. Его заслуги отмечены орденами как царских, так и советских времён.

Щусев много строит по всему Советскому Союзу. Но его главные и лучшие творческие идеи находят своё воплощение в Москве: Казанский вокзал; гостиница «Москва» (с соавторами); Москворецкий мост; административное здание на пл. Дзержинского (Лубянка).

Несомненным шедевром и венцом творчества Алексея Викторовича Щусева является спроектированное им и построенное на Красной площади в Москве здание Мавзолея В. И. Ленина (октябрь 1930). Последовательно было построено три его варианта: два временных деревянных и один каменный, существующий с небольшими изменениями до сих пор.

Первый деревянный Мавзолей был сооружён сразу же после смерти В. И. Ленина и изначально рассматривался как временное сооружение. Как на проектанта выбор падает на А. В. Щусева, и поздним вечером 23 января 1924 года Государственная правительственная комиссия по организации похорон поручает ему сочинение проекта усыпальницы. Основная архитектурная идея была разработана зодчим за одну ночь. В основу композиции усыпальницы был заложен кубический объём, увенчанный тремя уменьшающимися уступами. Впоследствии именно эта идея, видоизменяясь, усложняясь и совершенствуясь, осталась основополагающей при разработке двух последующих проектов Мавзолея. 24 января представленный А. В. Щусевым эскизный проект был рассмотрен и утверждён.

В середине февраля того же года правительственная комиссия поручает Щусеву доработать проект усыпальницы с целью строительства более монументального, хотя всё ещё деревянного и также временного сооружения. Сохраняя первоначальное композиционное

решение, Щусев увеличивает габариты постройки, собирает все элементы в единый объём, располагает главный вход по центральной оси. Мемориальное надгробное сооружение совмещается с двумя боковыми трибунами, на которые ведут две наружные лестницы. Вся постройка венчается стилизованной ротондой. Материалом для строительства опять служит дерево. Такой усыпальница Ленина предстала перед глазами в конце мая 1924 года, и такой она просуществовала до 1929 года.

Учитывая градостроительную, художественную и мемориальную важность Мавзолея, в 1925 году под руководством Луначарского создаётся комиссия для проведения конкурса на новый проект постоянной каменной гробницы. Странно, но Щусев почему-то не участвует в этом творческом соревновании. Его, наряду с такими известными деятелями того времени, как В. А. Шуко, И. В. Жолтовский, А. И. Бенуа, включают в состав конкурсной комиссии. В конкурсе участвовали не менее известные мастера архитектуры, такие как Ф. О. Шехтель, Б. М. Иофан и многие другие. Поражает массовость участников этого художественного состязания. Комиссия принимает и рассматривает 117 проектов. Однако результаты этого конкурса были совершенно неожиданны для его организаторов. Конкурсанты предлагали возведение на Красной площади различных мемориальных сооружений с использованием образов земного шара, пятиконечной звезды, серпа и молота, маховика,

корабля под названием «Октябрь» с фигурой Ленина на капитанском мостике. Был проект, в котором трибуна выступала в форме гигантского винта с гайкой. Существовали, конечно, и более удачные предложения. Но уже первый этап конкурса убедительно показал, что именно Щусеву в образе усыпальницы удалось найти нечто такое, что как нельзя лучше соответствовало скорбной теме смерти, и не только не нарушило издревле сложившийся архитектурный ансамбль Красной площади, но гармонично и смыслово дополнило его. Не называя победителя первой стадии конкурса, комиссия пришла к выводу о ненужности проведения следующих этапов и поручила Щусеву разработку третьего по счёту проекта, но уже каменного, Мавзолея. Эскизный проект каменной усыпальницы был готов к осени 1929 года, после чего началось рабочее проектирование. В октябре 1930 года строительство Мавзолея было закончено.

Отношение Щусева к этой теме было чрезвычайно ответственным. Он самостоятельно выезжает в различные районы СССР и следит

за выбором, добычей и доставкой строительного материала в Москву, он руководит всеми работами. Для облицовки стен зодчий отбирает семь отечественных пород натурального камня различных цветов и оттенков: мрамор, гранит, лабрадор, лабрадорит, порфир, кварцит и габронорит. Каменные блоки привозят с Урала и Украины, из Белоруссии и Карелии. Ими отделяют бетонно-кирпичный каркас сооружения, покоящийся на фундаментной бетонной плите толщиной более метра. Мавзолей защищается от вибраций песчаной засыпкой, устроенной вокруг фундамента. Гранитные работы по облицовке стен проходят с учётом предохранения швов от температурных деформаций.

Высота нового сооружения достигает 12 метров, что равняется примерно 1/3 высоты расположенной за ним Сенатской башни и 1/6 высоты Спасской башни. Весь надземный объём гробницы покоится на небольшом цоколе высотой в три ступени подъёма перед центральным входом. Отсюда, от зоны центрального входа, поднимаются две наружные лестницы, ведущие на боковые трибуны.

Главный восточный фасад асимметричен. Его северо-восточный угол, в уровне первого яруса, обработан заглублённой в тело Мавзолея квадратной полуколонной, увенчанной стилизованной капителью в виде прямоугольной плиты. Все квадраты облицовочных плит очень крупны, они отполированы до глубокого блеска и подобраны в двух основных тонах, которые можно обозначить как условно чёрные и условно красные.

Особый интерес представляет венчающая сооружение квадратная в плане ротонда. Квадратные колонны, на которых покоится плоская крыша ротонды, расположены не только по её периметру, а равномерно и непосредственно по всей её площади. По архитектонике они как бы приготовлены для несения значительной нагрузки. Для изготовления всех 36 колонн ротонды использованы различные породы камня, доставленные из семи республик Советского Союза того времени: РСФСР, Украины, Белоруссии, Закавказской Федерации, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении. Четыре угловые колонны высечены из красного порфира, все остальные — из чёрного габронорита.

Первоначально проект 1929 года предусматривал построение пирамидального объёма Мавзолея за счёт равномерно уменьшающихся ступеней. Однако Щусев, внимательно следя-

щий за возведением стен, в последний момент, несмотря на возникшие технические трудности, ломает эту схему. Он резко увеличивает высоту третьей вниз от ротонды ступени, тем самым усложняя однообразную прежде ритмичность силуэта постройки. Весь надземный объём гробницы выстраивается из девяти различных по высоте и выносу уступов.

Вход в сооружение осуществляется через стилизованный перспективный портал, расположенный по центру восточного фасада. От центрального входа, через холл, вниз к траурному залу можно спуститься по внутренней лестнице, идущей вдоль южной стены. Вход в саму гробницу осуществляется с запада. Траурный зал представляет собой кубический объём, пол которого расположен ниже уровня земли, а потолок помещения устроен уступами. Сторона внутреннего куба составляет 10 метров. Символическое сочетание чёрно-красных тонов камня — основной мотив цветовой отделки интерьера. Подъём из усыпальницы происходит по другой лестнице, расположенной вдоль северной стены. На северном фасаде устроен ещё один портал, через который осуществляется выход на площадь. Не проводя, кроме архитектурно-планировочных, никаких аналогий, можно предположить, что планировка Мавзолея была навеяна зодчему Базиликой святителя Николая Мирликийского, построенной в XI веке в итальянском городе Бари. Здесь Святые мощи святителя покоятся в каменной гробнице, размещённой в подземной крипте. Доступ в крипту осуществляется по двум аналогичным лестницам, идущим вниз вдоль северной и южной стен Базилики.

В 1944 году в архитектурную композицию Мавзолея были внесены изменения, которые, с одной стороны, исказили первоначальный архитектурный замысел Щусева, но с другой — существенно подчеркнули дополнительное назначение сооружения. Две небольшие боковые трибуны были преобразованы в одну, расположенную над главным порталом. Таким образом, усыпальница превратилась в главную государственную трибуну страны, окончательно отобразив это неофициальное звание у расположенного поблизости Лобного места. Практически по всей длине восточного фасада перед трибуной и наружными лестницами поднялись плиты парапета. Это изменение, к сожалению, нарушило строгий ступенчатый силуэт многоярусного сооружения, затруднило восприятие его художественного

облика и частично скрыло первоначальный идейно-образный замысел зодчего. Но, как любое позднее наслоение, сделанное тактично и со смыслом, это дополнение устранило некоторую проектную сухость гробницы, её монументально-символическую строгость и добавило ей живописной неупорядоченности и загадочности, характерной для русской архитектуры допетровского времени.

То, что это сооружение необыкновенно традиционное, русское, отмечено всеми без исключения исследователями. Это монументальное сооружение никого не может оставить равнодушным. Небольшая по объёму постройка вызывает сильнейшее впечатление и рождает одновременно противоречивые чувства. Доведённые до абсолюта формы и объём, цвет и ритм притягивают к себе и страшат, они одновременно восхищают и ужасают. Эмоциональное воздействие гранитного монолита сильно настолько, что оно распространяется на всю Красную площадь до самых дальних её границ. Гробница известна всем, но не понята до конца, потому и вызывает волнение и трепет. Что кроется за этим мистическим сооружением, какая тайна покоится в массе мощной постройки? Нет никакого сомнения в том, что великий зодчий вложил в эту форму и объём некий сокровенный смысл, нечто такое, что невольно вызывает вопрос: а что же, собственно, спроектировал и построил храмоздатель Алексей Викторович Щусев на Красной площади в Москве?

СИМВОЛ ГОЛГОФЫ

Если принять во внимание исторический, градостроительный, символический, религиозный аспект вопроса, если учесть общественно-политическую атмосферу, сложившуюся на тот момент в стране, то можно сделать парадоксальный, как может показаться на первый взгляд, вывод и выдвинуть следующую гипотезу: в 1924–1930 годах А. В. Щусев разработал архитектурно-богословский проект и возвёл на Красной площади в Москве православный Храм-часовню. Его художественный образ, его нахождение в контексте ансамбля Кремля и Красной площади, который, помимо архитектурно-исторического, имеет и глубокое православное идейно-символическое значение, позволяет нам говорить о том, что этот Храм посвящён центральному эпизоду Священной истории — распятию Господа нашего Иисуса Христа. А в облике Храма (так и будем назы-

вать его в дальнейшем) зодчим запечатлён узнаваемый образ Священной горы Голгофы.

Часовня — это небольшой храм, но только без алтарной части, в которой располагается Святой престол и где священнодействует духовенство. Поэтому в ней не служит литургия, а можно служить только часы. Такие сооружения, как правило, возводятся в память значимых событий церковной или государственной жизни, по случаю бедствий, знамений, по обету. Их ставят в святых местах, у родников и источников, на перекрёстках дорог, над Святыми престолами упразднённых церквей. Часовня является неотъемлемой частью погоста, где она может служить надгробным памятником или стоять над входом в склеп, над криптой. В ней отпевают покойников. В России часовни всегда являлись любимой и почитаемой темой храмового зодчества малой формы. Рассмотрим несколько основных доводов, говорящих в пользу выдвинутой выше гипотезы.

Получивший заказ на проект усыпальницы зрелый художник Алексей Викторович Щусев, как человек высочайшей культуры, энциклопедических знаний и христианского воспитания, конечно же, не мог рассматривать территорию Красной площади как обычную стройплощадку. Место строительства и его особенности должны были иметь определяющее значение при выборе типа проектируемого сооружения и его внешнего архитектурного облика. Вполне возможно, что развитие творческого замысла Щусева происходило в русле некоей идеи или концепции, которая сложилась у зодчего на основе осмысления архитектурно-исторического ансамбля Кремля и Красной площади задолго до начала работы над проектом гробницы.

Щусев прекрасно знал, что здесь, на Красной площади, на участке протяжённостью в два прясла Кремлёвской стены от Спасской до Никольской башни, раньше стояли срубы 14 небольших церквей. В основном «это были поминальные храмы, возникшие, по преданию, над могилами жертв казней царя Ивана Грозного. В исторических источниках можно встретить такой страшный адрес этих церквей: «на крови, у голов, что на рву».

Щусев всегда интересовался историей, очень любил и великолепно знал её. Являясь замечательным рассказчиком, он всегда сопровождал свои рассказы каким-нибудь малоизвестным, но ярким и характерным эпизодом, основанным на летописных источниках. Вот что он упоминал, например,

в разговоре о Красной площади: «А в летописи под 1574 годом стоит: «Казнил царь в Москве у Пречистые на площади в Кремле многих бояр, архимандрита Чудовского, протопопа и всяких чинов людей много, а головы метал под двор Мстиславского». Разумеется, что Щусеву хорошо было известно и то, что недалеко от Спасской башни совершались казни, и казнённых хоронили здесь же, на Красной площади у рва.

За всю свою многовековую историю Красная площадь видела много героических и скорбных событий, связанных с гибелью людей. Пожары, стихийные бедствия, казни, сражения, бунты, восстания и междоусобицы внесли свою лепту в название площади. Здесь, наверное, нет клочка земли, который бы не «упитался кровью». Достаточно просмотреть хронологию исторических событий, начиная с разорения в 1237–1238 годах Москвы Батыем (1208–1255) и кончая революционными сражениями 1917 года, что начинаешь понимать, что Кремль, Красная площадь являют собой огромный погост, где до сих пор покоятся останки тысяч людей.

Например, в 1571 году при осаде Москвы Девлет-Гиреем произошёл страшной силы пожар, сопровождавшийся взрывом арсенала. Только по известным именам число погибших превысило 120 000 (!) человек. И это не считая женщин, детей и посадских людей, собравшихся за стенами города с окрестных мест. Все они сгорели, задохнулись, утонули в Москве-реке или были убиты.

Здесь, на Красной площади, в 1917 году, практически на глазах самого Щусева, идут кровопролитные революционные бои, и у Кремлёвской стены организуются братские захоронения погибших.

Щусеву прежде не раз приходилось проектировать надгробия и часовни на кладбищах. Красная площадь является огромной братской могилой, мемориальным некрополем, давно нуждавшимся в строительстве поминального Храма для всех здесь захороненных и для всех оставшихся без узаконенного погребения. И зодчий, естественно, повторяет здесь свой опыт.

Московский Кремль, прилегающие территории, включая и Красную площадь, являются величайшей русской национальной и православной святыней. Москва — это второй Иерусалим — так трактует церковно-богословское и народное сознание столицу Святой Руси. Традиция перенесения на нашу землю образов

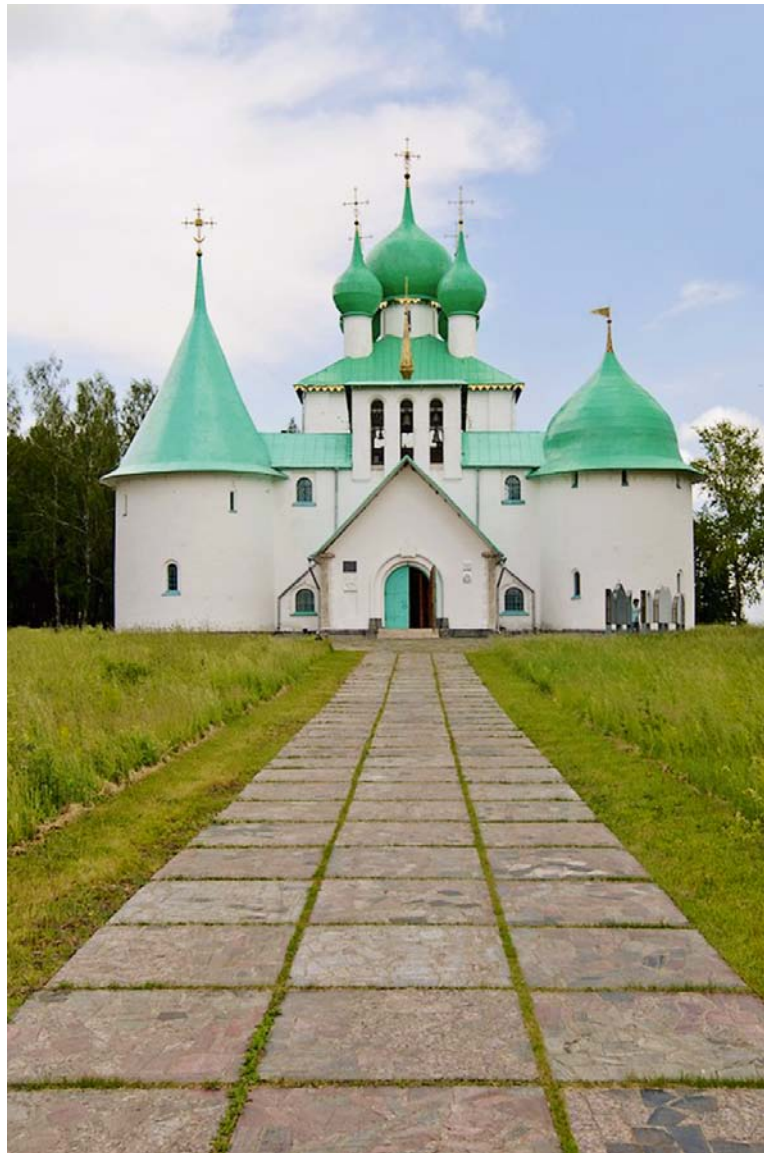
религиозных святынь из Палестины ведёт своё начало с древних времён, буквально от крещения Руси. Города, монастыри, церковные комплексы и даже отдельные храмы в той или иной степени старались соответствовать святому прообразу, расположенному в далёкой Палестине. У нас воспроизводились не только архитектурные объекты Святой земли, но и её топонимика и природно-географические особенности. Древнерусское поселение всегда уподоблялось палестинскому Иерусалиму. Православное вероучение говорит о том, что святость, присутствующая в историческом аналоге, естественно, распространяется и на его воссозданный образ. Следовательно, такой город из жилого и административно-хозяйственного центра превращался в объект почитания и молитвенного поклонения, подобно историческому Иерусалиму.

Всё архитектурно-планировочное и строительное развитие древнего центра Москвы стремилось отвечать этой богословской программе. В соответствии с этим замыслом весь архитектурный ансамбль Московского кремля, со всеми его сооружениями и окружением, рассматривается и почитается как святыня, основанная по образу палестинского города Иерусалима.

За пределами Кремлёвской стены, на Красной площади Борис Годунов перестраивает уже существовавшее здесь с 30-х годов XVI века Лобное место. Оно становится монументальным, сложенным из камня с коваными металлическими дверьми-решётками. О его сакральной сущности говорит само название, которое в переводе звучит как Голгофа. Если Московский кремль символизирует собой палестинский Иерусалим, то Лобное место в кремлёвском комплексе символически обозначает гору, расположенную за стенами Иерусалима, на которой свершилась казнь Спасителя.

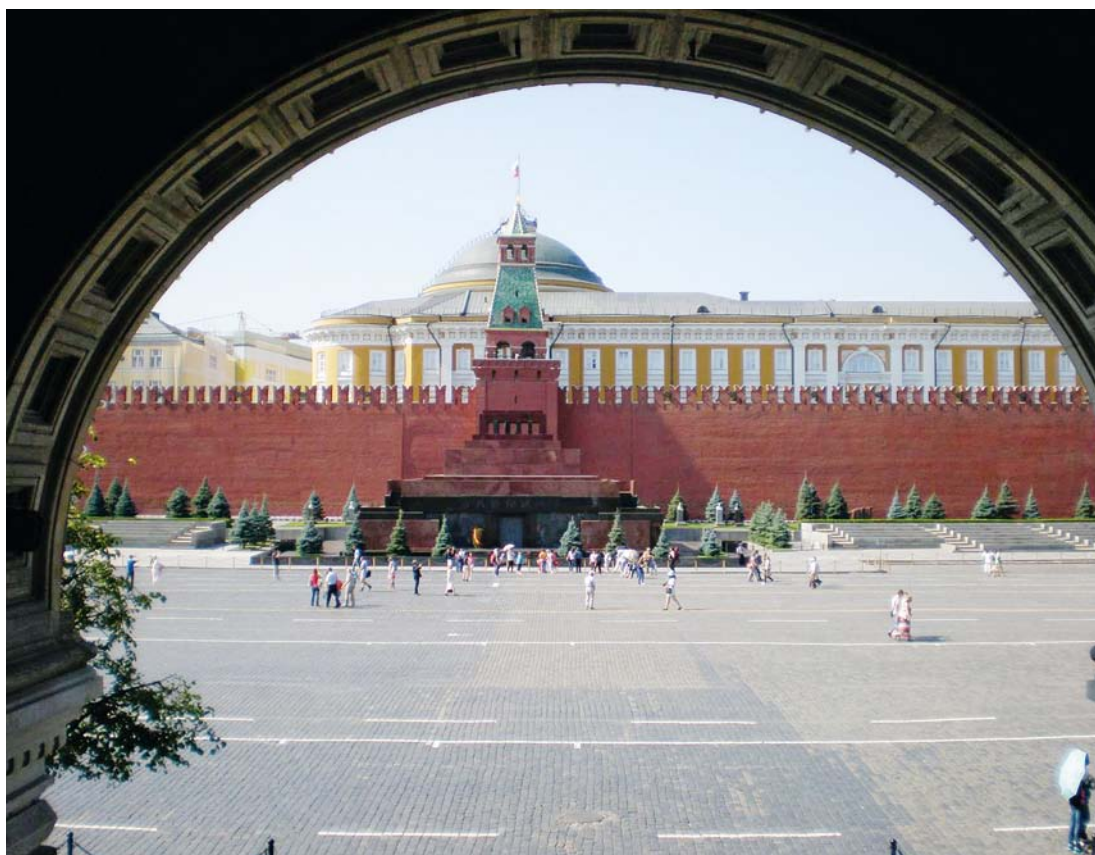
Лобное место в Москве имело и вполне утилитарную функцию: оно служило главной государственной трибуной. На неё с обращениями к народу поднимались русские цари и патриархи, с неё показывали наследника престола по достижении им 16-летнего возраста, отсюда провозглашались царские указы и приговоры преступникам.

Однако православное сознание и впоследствии по-прежнему продолжает сохранять за Лобным местом символическое значение горы Голгофы. В 1805 году возникает идея увенчания русской Голгофы Священными атрибутами, указывающими на её символическую

роль. Проект предусматривал установку здесь резного деревянного креста высотой почти в шесть метров с изображением Страстей Господних, рая, ада и святых мест. Впоследствии предполагалось покрытие всего этого объёма монументальной сенью или часовней. Задуманное не имело реализации. Думается, что истинной причиной этого явилось внутреннее противоречие: плоское и круглое в плане возвышение Лобного места на символическом уровне соответствовало первообразу, однако его внешний архитектурный облик не укладывался в уже сложившийся и ставший привычным пирамидальный и ступенчатый образ Святой Голгофы.

Такое ступенчатое изображение Священной горы можно увидеть на древних византийских крестах, на кресте, известном под именем «Голгофа». Рисунок подобного креста нано-

сится, как правило, на погребальный саван. Крест «Голгофа» (или как его ещё называют — «схимнический») является символом восстания из мёртвых, символом обретения вечной жизни. Помимо изображений орудий Страстей неотъемлемой частью всей композиции голгофского креста является и изображение горы. Голгофа представляет собой возвышение, расположенное в основании восьмиконечного креста и состоящее из трёх уступов. Эти уступы символизируют собой крестный путь Христа, Его восхождение к месту своей казни. С XVI века изображение голгофского креста дополняется надписями, поясняющими все детали композиции. В основании креста, там, где находится ступенчатое изображение горы, располагаются буквы в виде криптограммы МЛРБ (Место лобное распят бысть).

Композиционное соответствие щусевского Храма традиционному символическому изображению горы Голгофы настолько очевидно, что не требует никаких дополнительных комментариев. Таким образом, можно сказать, что Щусев в начале XX века продолжил дело развития и формирования Москвы как Второго Иерусалима возведением на Красной площади нового Лобного места в виде многоступенчатого пирамидального возвышения.

Зодчий, к моменту получения заказа на выполнение проекта усыпальницы В.И. Ленина, уже обладал богатым профессиональным и, что более важно, духовным опытом по разработке темы православного некрополя. Он не нуждался в привлечении какой-либо суррогатной идеи для поиска типа мемориального надгробного сооружения. Как и подобает посвящённому человеку, Щусев помещает тело покойного в соответствующее православному обычаю сооружение — часовню. Именно здесь и сокрыта основа феноменального творческого и, что ещё важнее, мировоззренческого успеха этого проекта. Высокая архитектурно-художественная безупречность сооружения, символичность и сакральная сущность — все эти качества были заложены в него благодаря православной традиции храмостроительного искусства, которым в совершенстве владел Щусев. А доскональное знание мастером основ древнерусского зодчества, умелое использование его законов и методов обусловили органичное сочетание нового Храма со сложившимся историческим ансамблем Красной площади.

Оставаясь верным своему программному заявлению от 1905 года, А.В. Щусев создал принципиально новый образ православного

храма. Но отсутствие сводов, арок и куполов не может быть расценено как недостаток архитектурного решения. Эти элементы символически были осмыслены как небесные сферы в более поздние времена. Первые христиане не имели своих храмов, они собирались для молитвы в обычных помещениях, в заурядных постройках. Храм Святой Голгофы представляет собой наиболее древнее, первобытное представление о христианской святине. Плоские кровли уступов щусевской часовни несут в себе художественный образ Палестины и как бы относят нас в те далёкие евангельские времена. Но это не только художественный приём. Устройство плоских крыш и перил (вспомним установку трибунных парапетов в 1944 году) имеет и глубокое религиозное обоснование. И такой приём уже был использован в России патриархом Никоном в его упоминавшемся ранее творении — Воскресенском соборе Нового Иерусалима, где также были сделаны плоские кровли.

ВОСКРЕШЕНИЕ ЗАМЫСЛА

Появление Голгофского Храма на Красной площади совершенно неожиданно приведёт к различным взаимодействиям внутри Кремлёвского комплекса и к новым взаимосвязям между его отдельными элементами.

Известно, что древние христиане отмечали не только Светлую седмицу и Светлое Христово воскресение, но и предваряющую их Страстную неделю. Такое единство двух недель, единение страдания и воскресения, восходит ко II веку. А некоторые исследователи относят совместное чествование этих дней, наполненных главными событиями жизни Христа и Его Церкви, к временам апостольским. И это единение материально и зримо возникнет на Красной площади при взаимодействии двух храмов — Храма Святой Голгофы и Покровского собора. Голгофский Храм — это храм довоскресный, храм позорной и мучительной смерти, храм Пасхи распятия, храм, принявший образ Христа Распятого и Униженного. Второй храм — радостный храм Пасхи Воскресения Господня, храм Христа Воскресшего, храм праздничного православия и вечной жизни.

В 2005 году мы отметили 60-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Война напрямую, самым трагическим и страшным образом задела без исключения каждую советскую семью, отразилась на судьбе каждого человека. Понесённые материальные

потери не преодолены, пожалуй, и по сей день. Людские утраты из-за своего масштаба вряд ли вообще могут быть разумно осознаны. Цифра погибших, приближающаяся к тридцати миллионам, выходит за пределы человеческого измерения и с трудом поддаётся осмыслению. Война, развязанная в очередной раз пришедшим к нам с Запада неуёмным врагом, стала для России очередной ступенью испытания Голгофой.

24 июня 1945 года на Красной площади состоялся Парад Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Не случайно двести фашистских знамён и штандартов были брошены к основанию Голгофского Храма. Этот жест указал на Алтарь Победы, подчеркнул высоту и святость народного подвига, христианский смысл народной жертвы. Неслучайно определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви установлено ежегодное поминовение 9 мая усопших воинов, за веру, Отечество и народ жизнь свою положивших, и всех страдальчески погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Таким образом, Святая Голгофа Щусева станет лучшим памятником всем героям войны и самым достойным Храмом для молитвенного поминовения тех, кто смог «положить душу свою за други своя».

В основе настоящей работы лежит не желание скорейшего переноса могилы В. И. Ленина в другое место, а стремление к логическому завершению творческой идеи Щусева. Авторская позиция состоит в полной уверенности в необходимости воздвижения креста над великим сооружением Алексея Викторовича Щусева — поминальным Храмом всей России.

Конечно же, предложенный проект нуждается в дополнительном осмыслении и, прежде всего, осмыслении религиозном. Поэтому необходимо, преодолев все предрассудки и суеверия, наполнить проект Алексея Викторовича Щусева благоразумным духовным и вероучительным содержанием.

Нет никакого сомнения в том, что, как только победное знамя страстей Христовых — Святой Крест — поднимется над Красной площадью, все преграды, которые мешают нашему движению вперёд, будут устранены чудесным образом. Господь, непостижимый в путях Своего Промысла, даёт нам возможность обретения дивного Храма — Храма красной Пасхи, и с нашей стороны остаётся с духовной рассудительностью, благоговением и благодарностью принять этот дар.

/ Андрей ФЕФЕЛОВ /

Иллюстрация: Михаил ХМЕЛЬКО

Церковное пророчество о Мавзолее

Писатель Пётр Алёшкин опубликовал в сетях несколько уникальных документов, относящихся к истории нашей церкви. Вот, например: после смерти Ленина к патриарху Тихону обратилось множество приходов и мирян с вопросом: могут ли они служить панихиду по Владимиру Ильичу? Тихон на это ответил: «По канонам Православной церкви возбраняется служить панихиду и поминать в церковном служении умершего, который был при жизни отлучён от церкви... Но Владимир Ильич Ленин не отлучён от православной церкви высшей церковной властью, и потому всякий верующий имеет право и возможность поминать его. Идеино мы с Владимиром Ильичём Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения о нём как о человеке добрейшей и поистине христианской души». («Вечерняя Москва» 25 января 1924 года).

А вот официальное заявление РПЦ по поводу кончины В.И. Ленина: «Священный Синод Русской православной церкви выражает искреннее сожаление по случаю смерти великого освободителя нашего народа из царства великого насилия и гнёта на пути полной свободы и самоустроения. Да живёт же непрерывно в сердцах оставшихся светлый образ великого борца и страдальца за свободу

угнетённых, за идеи всеобщего подлинного братства и ярко светит всем в борьбе за достижение полного счастья людей на земле. Мы знаем, что его крепко любил народ... Грядущие века да не заглядят в памяти народной дорогу к его могиле, колыбели свободы всего человечества. Великие покойники часто в течение веков говорят уму и сердцу оставшихся больше живых. Да будет же и эта отныне безмолвная могила неумолкаемой трибуной из рода в род для тех, кто желает себе счастья. Вечная память и вечный покой твоей многострадальной, доброй и христианской душе». («Известия», № 20 от 25 января 1924 года)...

Тут меня поражает лишь одно: первый временный деревянный мавзолей Ленина был сооружён по проекту Алексея Щусева 27 января 1924 года. И никакой трибуны на нём не было. Трибуна появилась на новом деревянном мавзолее лишь в августе 1924 года. Но в обращении Синода, между тем чёрным по белому написано: «Будет же и эта отныне безмолвная могила неумолкаемой трибуной». Могила как трибуна – это как раз про Мавзолей Ленина. Другого подобного я не припомню.

Мавзолей Ленина – шедевр мировой архитектуры, сооружённый по проекту русского архитектурного гения, храмоздателя Алексея Викторовича Щусева.

/ Владимир ЛИЧУТИН /

Мавзолей и Ленин

Показывали хронику: настуженная январская Москва провожает своего вождя. Окутанная волнами морозного пара течёт бесконечная народная река. У гроба понуро стоят не только верные сподвижники, но и ловцы человеческих душ, хриstopродавцы, тайные ростовщики и интриганы, кто готовил заговор на вождя и после обрѣк на медленную, мучительную смерть. Пути их разошлись ещё в Гражданскую: Ленин положил жизнь свою на алтарь, чтобы дать русскому мужику землю и волю, а неистовые революционеры

мечтали втолкнуть крестьян в казармы и лагеря, чтобы гонять их на работы под ружьём, как рабов.

С такой вселенской жалостью ещё никого не провожала Россия, пришедшая ко гробу. Вроде бы радоваться надо, что смерть вдруг прибрала сурового смутителя, а они вот рыдают по усопшему, кто заварил весь неустрой, кто призвал Русь к топору, кто покусился на непреложные государевы устои, на самую матушку православную церковь, на всю католическую Европу, падшую во грехе насилия,

пересилил мирового ростовщика, понудил властителей сжалиться над малой тварью и жить по новому закону человеколюбия и почитания ближнего. Это же Ленин, внук приволжского крепостного Николая Ульянова, схватился с самой мамоной, и пусть не сокрушил дьявола вовсе, но заставил попятиться, попритушил его злую силу.

Нет, не слепое очарование нашло на крестьянскую Русь, всегда мечтавшую о Беловоде, о своей земле и воле. Сыскался всё же на свете такой острый умом человек, кто исполнил обещанное, и грядущее по-за гробом теперь казалось гнетущим и туманным. Потому в печальном и строгом молчании проходили центурионы непокорливых мужиков мимо своего мужика-фараона.

...Ленину поставили на Красной площади ступенчатый зиккурат, храм-храмиле, куда и положили мощи сеятеля духа. И русский вождь-фараон, махатма и пророк стал новым чудом света, и со всего мира поспешил благочестный люд на его рассмотрение, а само пространство возле Кремлёвской стены стало храмом под открытым небом. Мавзолей Ленина решительно связал древнюю историю русов с настоящим временем, и в истории великого этноса не стало ложных пробелов. Воистину Красной (красивой, светлой, хорошей, святой) площадь стала с того момента, когда мощи Ленина положили на рассмотрение.

С этого дня площадь получила сакральное подтверждение.

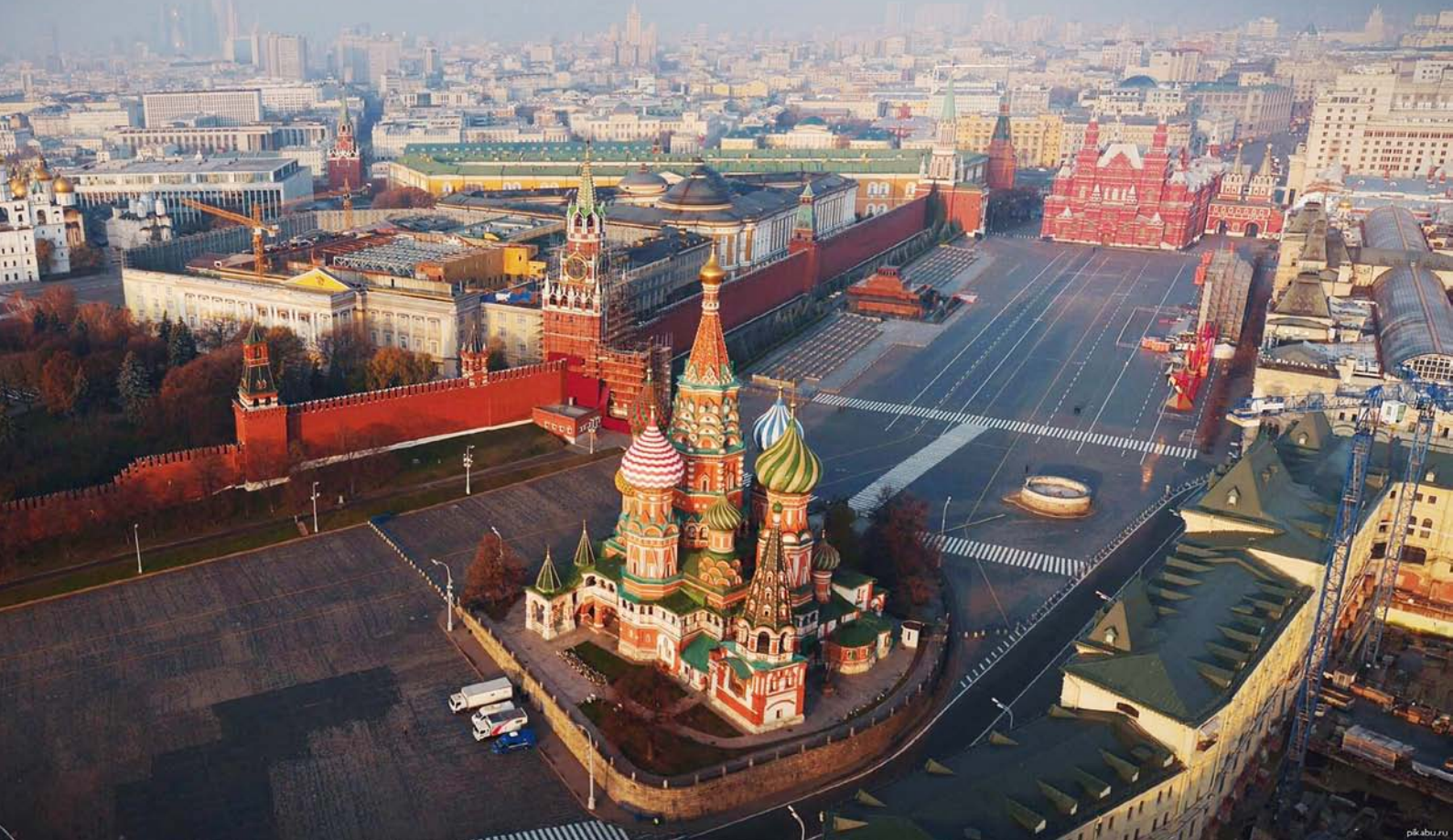
Со времени возникновения Москвы её называли и Торгом, и Троицкой, и Пожаром. И в семнадцатом веке ничего прекрасного в ней не было; зимой — сугробы по пояс, в снежной хляби утопали торговый люд, крестьянские сани, кибитки и боярские каптаны; весной грязища несусветная по колена, студёный ветер с реки, мокредь с неба; в жаркие дни — пыль, мухи, колготня тысяч людей, крики лотошников, спящих со снедью и питьём, вопли пьяных ярыжек, гужующихся у кабака, протяжные песнопения калек переходящих и нищих милостынщиков, вымаливающих грошика... И, может, в редкие дни, когда патриарх выходил на Лобное место, чтобы воссесть на ослати, или когда царь шёл походом по монастырям и тюрьмам, — так вот в эти часы она, наверное, принимала вдруг особый праздничный вид. И Алексей Михайлович, однажды осенённый этим мгновением, как бы разглядел историю русов на многие тысячелетия вспять и назвал площадь Красной,

значит Святой. Государь, велича Русь, понял истинное назначение этого лоскутка родимой земли. Кремль — это православный алтарь для Руси: там главный храм, там усыпальница, там под спудом лежат русские князья и цари, святые отцы и монахи-черноризцы... Но Красная площадь, обильно политая кровью дикой татарвы и русских воинов, посадских мужиков и стрельцов, — это древнейший храм под открытым небом, это Красная святая комната со всеми неприменными приметами: лобное возвышение, как место жертвоприношения, собор Василия Блаженного, Кремлёвская стена. И когда поставили памятник мужику Минину и князю Пожарскому, и положили в Мавзолей махатму Ленина (так его величают в Индии), с той минуты Красная площадь стала воистину Святой, сакральной, ибо Ленин оказался в Красной комнате ариев России той «адамовой головой», тем «добрым домовым», «оберегом» для страны, предстателем на небесах перед Всевышним, которого так недоставало русскому народу. Тут же на Святой площади оказался и верный воин Ленина, мужик-полководец Георгий Жуков.

И потому у крестьян всегда поклончивое, благоговейное отношение к Ленину, они не помыслят и не скажут о нём никогда худого слова, в деревне его и поныне величают — Владимир Ильич Ленин, ибо даже мёртвый, он не утратил своей магнетической необычной силы, которую не выразить словами. В крестьянстве наиболее плотно и несокрушимо живёт родовая память, и в каких-то внешне незаметных знаках, символах, оберегах она не умирает и по сей день, хранит неиссекаемую связующую нить древней цивилизации русов Сирии, Египта и Инда с Россией. Отсюда и поклон Ленину, мировому учителю... Именно Ленин и Сталин спасали, оберегали мужицкую Русь, угадывая её предназначение; либералы начиная с Хрущева, как подпазушные клещи, впилась в деревню, чтобы источить до конца. И вот либеральный город окончательно покорил мужика, готовый похоронить его, навсегда согнать с земли. Ведь только на земле, в глубине народа и живёт древняя память по себе... Теперь последний акт мщения готовят правнуки неистовых ревнителей мирового пожара, когда-то завистливо теснившихся у гроба Ильича: вынести мощи из Мавзолея, закопать поглубже, убрать из Красной Горницы русов «добраго домового охранителя» Владимира Ильича Ленина, а Святую площадь превратить в шутовской балаганчик.

/ Вильям ПОХЛЁБКИН¹ /

Инсигния, или Что нам делать с Мавзолеем?

В последнее время в прессе довольно активно обсуждается вопрос, что делать с Мавзолеем В.И. Ленина. Мнения на этот счёт высказываются весьма различные, но всегда субъективные, то есть кому какие придут в голову, без всякой объективной мотивировки. Вот, например, некоторые типичные:

1. «Мавзолей надо уничтожить, срыть, чтобы и духу коммунистического не было».

2. «Нет, уничтожать не надо, но так как у нас напряжёнка с деньгами, сделать его самокупаемым, брать плату за вход, а с иностранных туристов — долларами: зачем добру пропадать?»

3. «Тело Ленина — захоронить, а здание Мавзолея — оставить. Оно хорошо гармонирует с ансамблем площади. Сделать в нём кафе, и оно принесёт прибыль. Можно и разные сувениры там продавать».

¹ Эту полемическую статью Вильям-Август Васильевич Похлёбкин (1923-2000) написал и опубликовал в 1999 году, однако и сегодня она представляет собой не только документ ельцинской эпохи, но и образец фундаментального ценностного подхода к сохранению единства отечественной истории и культуры.

Иными словами, во всех этих мелколабочных мнениях нет ни малейшего представления о самой сути проблемы, нет ясности, что такое Мавзолей, о чём недавно с большим удивлением заявили даже многие иностранцы, которых уж никак нельзя заподозрить в симпатиях к красным, к большевизму. Они удивлялись, что в России люди не знают, что Мавзолей — не просто «домик» и не «могила», а Красная площадь — не часть «кладбища», но государственная и национальная инсигния.

Что же означает это слово, это понятие?

Инсигния — один из древнейших видов символов народа и государства — вещественные символы. Они напоминают о крупных вехах в истории страны. И их бывает несколько. Так, на Красной площади имеется ещё Лобное место и собор Василия Блаженного, а также Кремлёвская стена с прахом выдающихся людей. Все это, вместе с Мавзолеем, и составляет неразрывное целое — национальную инсигнию.

В Древнем Риме инсигниями были стражники-ликторы, числом 12, носящие за императором ликторские «пучки» — секиру и фасции (розги), которые были как бы живыми, наглядными символами государственной силы и кары за нарушение законов.

У древних евреев инсигниями были два ковчега, сосуд с 7 кг «манны небесной» и каменные скрижали с законами Моисея — предметы, важные для понимания ранней истории еврейских государств.

В средневековой Венеции инсигниями были корабль «Буценторо», баретта и перстень дожа — реквизит, необходимый для «обручения» каждого нового дожа с морем, когда он бросал перстень в морские пучины, что означало морское могущество Венеции.

В современной Японии инсигнией служит целый парк, в центре которого находится храм богини Аматерасу. Он существует более 2000 лет и постоянно закрыт для всех смертных. Лишь один раз в жизни в него входит император Японии — после смерти своего предшественника, отца. И это посещение храма узаконивает его власть. Только тогда он становится законным главой государства.

Таким образом, инсигнии, являясь вещественными символами всего государства, всего народа, коренным образом отличаются от регалий — личных знаков монархов, глав государств. Регалии у всех царей, королей, императоров, султанов и т. п. по сути дела одни и те же: короны, скипетры, державы, мечи, мантии, золотые цепи. Инсигнии же

уникальны и неповторимы. Во-первых, они говорят о своеобразии исторического пути страны, чем он не похож на другие прочие. Во-вторых, инсигнии не восстанавливаемы при утрате, их потеря невосполнима, она рассматривается как историческое несчастье, как бедствие. В-третьих, инсигнии могут существовать в любой стране, независимо от того, древняя ли она, современная, монархическая или республиканская, тоталитарная или демократическая, капиталистическая или социалистическая. Они — наследие культуры и истории всего народа, наследие, к которому неприменим принцип классового антагонизма.

Вот почему инсигнии следует определять как символы верховной власти, священные и памятные в целом для истории той или иной страны и народа и неповторимые, невозможные для появления у государства с иной историей. Отсюда и редкость инсигний, и тот факт, что далеко не все государства способны обладать инсигниями, а лишь те страны, которые имеют особую, неповторимую, нестандартную историю.

Мавзолей В.И. Ленина был всегда, с момента своего возникновения, фактической, а после 1945 г. — и формальной инсигнией Советского государства. И именно на этом основании — как перед инсигнией — данному вещественному символу отдавались государственные почести и перед ним совершались государственные военные и внешнеполитические церемонии. К нему были брошены все трофейные знамёна гитлеровской армии 24 июня 1945 г., к нему возлагали венки президенты иностранных государств при посещении Москвы. Он был признан государственной инсигнией со стороны международного сообщества. То, что он не был записан как инсигния в Конституции, говорит лишь о нашей общей «расейской» юридической и геральдической неграмотности, особенно в 20–70-х годах XX в., со стороны советских законодателей, которые считали, что значение Мавзолея и так было ясно для всех — тем более что на практике ни в ООН, ни в МИДах капиталистических стран этот факт не подвергался сомнению.

Конечно, теперь, когда социалистического государства в России не существует, Мавзолей Ленина не может уже выполнить роль государственной инсигнии. Её функции выполняет ныне Вечный огонь в Александровском саду, что, конечно, неадекватно настоящим инсигниям и несопоставимо по историческому значению с Пискаревским кладбищем

или Сталинградским мемориалом — подлинными историческими инсигниями.

Но, утратив статус государственной инсигнии, Мавзолей Ленина вместе со всей Красной площадью ещё более утвердил своё значение как историческая инсигния, которой он по праву остаётся де-факто. И для этого нет никаких юридических, правовых препятствий. Кроме того, даже формально, до тех пор, пока палаты Федерального собрания и референдум граждан не приняли закон о ликвидации прежней государственной инсигнии страны, Мавзолей фактически остаётся неприкосновенным по всем законам цивилизованного общества.

Наконец, история знает немало случаев, когда прежняя инсигния сохраняется и при изменении формации государства как историческая реликвия. Таково, например, сохранение японских феодальных инсигний в современной капиталистической Японии, а также феодальной британской инсигнии (мешка с шерстью в качестве места спикера в парламенте) в нынешнем английском буржуазном обществе.

Таким образом, даже утратив статус государственной инсигнии, Мавзолей Ленина может оставаться исторической инсигнией и реликвией России, музеем, подобно тому, как все 75 лет Советской власти оставался реликвией и музеем на той же Красной площади Покровский собор — храм Василия Блаженного, утративший после Октября 1917 года статус соборной действующей церкви, но не уничтоженный, а, наоборот, хорошо отреставрированный как музей и получавший государственную субсидию от советского атеистического государства.

Что же касается планов уничтожения Мавзолея, то они с самого начала возбуждались политическими ничтожествами, бессовестными людьми, способными на уголовные деяния, вроде Собчака, и поэтому служат наглядным доказательством того, что в нынешнем обществе ещё имеются реакционные экстремисты, жаждущие «политической расправы» с теми, кто придерживается иных взглядов, и стремящиеся к обострению конфронтационных тенденций в обществе. Эти люди не вызывают симпатии у значительной части электората именно в силу своей «ястребиной» позиции. В принципе, они рассматривают акт ликвидации Мавзолея Ленина как демонстрацию своей силы в стране. То, что это зачеркнёт часть истории страны, этих господ не беспокоит. Однако надо не забывать, что разрушить что-либо легче всего. А вот создать исторически

уникальный, редчайший в мировой истории объект, важный не только для нашей страны, но и для мировой истории в целом, заново уже будет невозможно. Такие памятники создаются не строительными фирмами, а рождаются в ходе истории. Уничтожить Мавзолей — это попытка вычеркнуть из мировой истории факт существования Советского государства, оказавшего решающее влияние на развитие всего мирового исторического процесса в XX веке.

Следует особо подчеркнуть, что, помимо чисто российского, отечественного государственно-правового и историко-символического аспекта, вопрос о сохранении Мавзолея Ленина имеет ещё и международный культурно-исторический аспект.

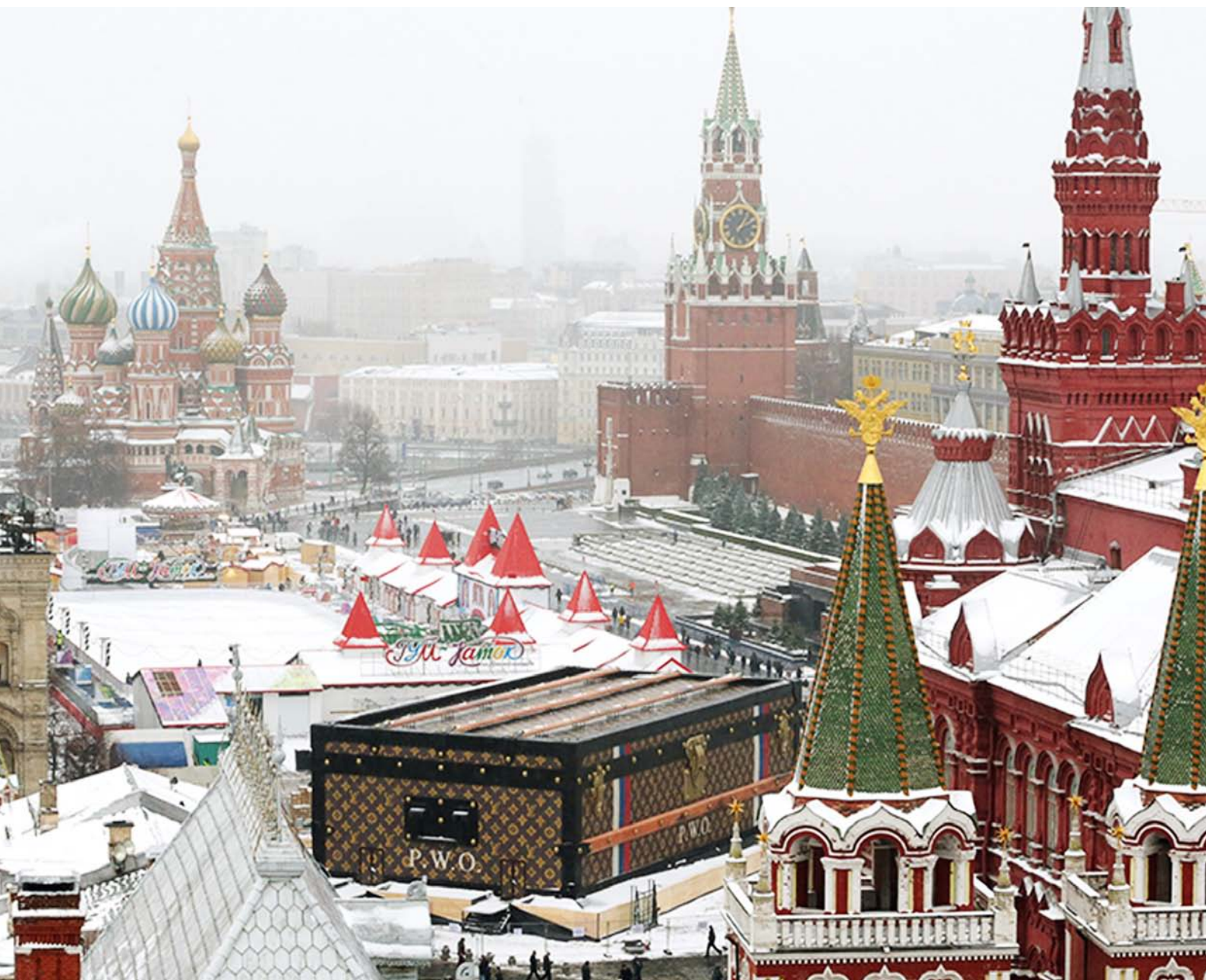
Можно по-разному относиться к философским воззрениям и политике Коммунистической партии, к идеям и практике коммунизма, но нельзя отрицать того неопровержимого факта, что Ленин был величайшим государственным деятелем мирового масштаба, выдающимся философом-марксистом, воззрения которого изменили мир, оказали решающее влияние на формирование идейно-культурных понятий XX века и на всё культурно-политическое развитие в XX столетии.

Как известно, все политические противники Ленина не только в России, но и в остальном мире бесспорно признавали гений Ленина. На этот счёт известны высказывания таких его современников, как Дэвид Ллойд Джордж, Жорж Бенджамен Клемансо, Густав Штрэземан, Карл Каутский, Уинстон Черчилль и другие.

В решении национального вопроса в ряде стран и в ликвидации колониализма во всём мире идеи и авторитет Ленина сыграли чрезвычайно положительную роль и сделали имя Ленина известным десяткам и сотням миллионов людей во всём мире.

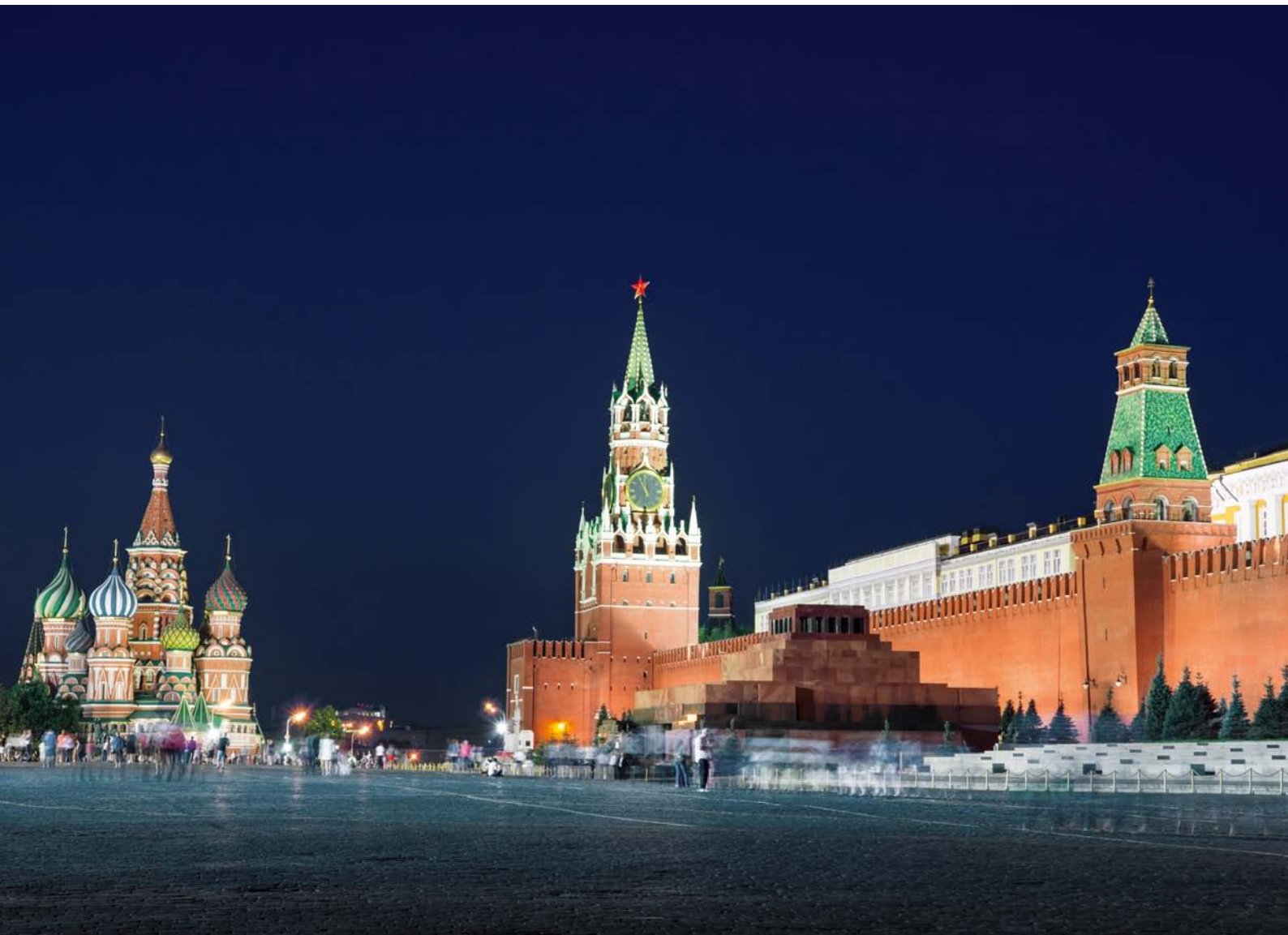
В.И. Ленин, как политический деятель, принадлежит не только русской, но и мировой истории и культуре. В истории России было не так уж много личностей, значение и влияние которых распространялось бы на мировые события. Ленин почти единственный среди них, ибо до Ленина существовал лишь один руководитель русского государства — Пётр Великий, имя которого и дела стали известны во всей Европе. Ленин же был известен во всех уголках мира: и в Азии, и в обеих Америках, и в Африке, т.е. подлинно во всём мире.

Значительную часть своей политической деятельности Ленин провёл в странах Европы: в Германии, Франции, Англии, Швейца-

рии, Австро-Венгрии. Мемориальные места пребывания Ленина находятся в Лондоне, Париже, Мюнхене, Копенгагене, Стокгольме, Праге, Хельсинки, Тампере, Бёрне, Цюрихе, Базеле, Вене и др. Его имя связано не только с международным рабочим движением и социал-демократией, на конгрессах которой он неоднократно представлял Россию, но и с национальным и национально-освободительным движением в ряде стран. Ленин внёс решающий вклад в создание независимого Финляндского государства после 1917 г., содействовал раскрепощению Турции и Ирана от иностранной зависимости и ликвидации этими странами неравноправных договоров

со странами Антанты, дал теоретическое и политическое обоснование ликвидации системы колониальной зависимости африканских стран, что было признано ООН после Второй мировой войны. Таким образом, международно-историческое значение Ленина несомненно. И поэтому любой акт вандализма в отношении памяти Ленина, а особенно разрушение его Мавзолея, будет воспринят во всём мире как доказательство одичания России и станет неизбежно способствовать дальнейшему падению международного престижа Российского государства, его низведению до уровня третьестепенной державы в мировом общественном мнении.

В связи с проблемой сохранения Мавзолея Ленина нельзя не сказать и ещё об одном специфическом аспекте, имеющем также большое научное значение.

Дело в том, что Мавзолей стал за годы своего существования выдающимся научным учреждением мирового значения по вопросам биохимии, физико-химической медицины и патологической анатомии, где были решены крупнейшие теоретические и практические научные проблемы.

Во-первых, найдены пути устранения гидролиза жира, что долгое время считалось невозможным.

Во-вторых, решена проблема устранения декальцирования костной ткани, что имеет гигантское практическое значение в современной восстановительной медицине, а также доказана возможность восстановления цвета

кожных покровов, связанная с изменениями меланина под влиянием света, что приобрело и теоретическое, и практическое значение в современной косметике. Об этом подробно пишет в своей книге в защиту Мавзолея В.И. Ленина, изданной в 1997 г., академик Ю.М. Лопухин, директор НИИ физико-химической медицины. Ликвидировать Мавзолей, по мнению профессора Ю.М. Лопухина, означает нанести непоправимый удар по важнейшим направлениям современной медицины, где наша страна имела до сих пор неоспоримый приоритет.

По мнению другого мирового медицинского авторитета, академика Н.Н. Бурденко, работа учёных в течение 75 лет по сохранению тела В.И. Ленина — «величайший эксперимент в анатомии и биохимии». Ликвидировать результаты этого эксперимента, прервать

его на пороге ещё более детальных, новых исследований (ещё не разработана методика исследования мозга!) — беспримерное варварство, нанесение ущерба всей российской науке, равноценное уничтожению нашего космического комплекса.

Весьма симптоматично, что попытка форсировать уничтожение Мавзолея Ленина предпринимается в нынешнем, 1999 г., когда подходят последние месяцы legislatury нынешнего режима. В СМИ, особенно в бульварной и правоантинациональной прессе, появляются советы «либеральных» интеллигентов или даже «долларовых проституток» покончить с Мавзолеем! Они с головой выдают страх и нечистую совесть современных политических пигмеев, которые хотят намеренно оскорбительными мерами, а затем и незаконным, явочным уничтожением Мавзолея спровоцировать «под занавес» своего ухода с исторической арены стихийное народное возмущение, чтобы иметь повод для запрета КИПРФ и, возможно, продления в условиях чрезвычайного положения своего мандата. С подобными «финтами» «непредсказуемого» нельзя не считаться как с весьма возможной реальностью, и надо поставить им подлинно демократический (без кавычек!) и решительный заслон.

Ведь, не надеясь сами остаться в истории страны, эти люди, подобно Герострату, хотят прославиться уничтожением величайших и важнейших исторических реликвий государства, подлинных ценностей страны.

Симпатично, что нынешний режим вообще имеет склонность к разрушению исторических памятников. Как известно, Ипатьевский дом в Свердловске стоял неприкосновенным все годы Советской власти — с 1918-го по 1978-й, пока его не стёр с лица земли целиком по собственной инициативе тогдашний «крутой» секретарь обкома партии — наш нынешний президент.

Теперь же руки чешутся на совершение всемирно-исторического акта вандализма, ибо уничтожение Мавзолея, как говорят в президентском окружении, «должно оставить неизгладимую память в истории России о нынешнем «хозяине» Кремля. А он может это сделать вначале тайно, тайком, чтобы затем поставить народ перед свершившимся фактом, как это не раз им делалось в десятках иных случаев.

Вот почему все прогрессивные люди во всём мире, и в первую очередь в России, должны поднять свой голос против подобных варвар-

ских планов со стороны, в сущности, горстки безграмотных, некультурных, озлобленных на свой народ людей, деградировавших уже давно под влиянием алкоголя и фактически порвавших целиком с интересами страны.

Таким образом, уничтожить Мавзолей Ленина, закрыть его было бы столь же нелепо, как попытка щедринского градоначальника «закрыть Америку», ибо это не что иное, как незаконное, оскорбительное для большинства народа самодурство.

Люди, развалившие Советский Союз и составившие ныне элиту правящего режима, потеряли одно за другим величайшие территориальные, стратегически важные исторические приобретения России — Украину, Прибалтику, Среднюю Азию, Закавказье, а ныне стоят перед утратой всего Северного Кавказа.

Таковы результаты их политики за 10 лет, когда потеряно то, что накапливалось тысячелетием.

Ясно, что подобным «государственным деятелям» ничто не дорого, ничто для них не свято. Им всё равно, что уничтожить: собственный народ, исторически унаследованные территории, Ипатьевский дом или Мавзолей Ленина.

Пьяному, как известно, море по колено.

Тем более когда всё, что ни делается, совершается абсолютно безнаказанно, ибо этих дикарей поддерживает продажная, коррумпированная, готовая на любое прислужничество буржуазно-бульварная пресса и политически растленная так называемая «интеллигенция».

Вот почему мы обращаемся ко всем учёным мира, ко всем деятелям науки и культуры в европейских странах с призывом выразить свой протест против варварства нынешнего российского режима. Мы обращаемся также ко всем дворянам Европы, наследникам многих культурных и исторических традиций, к словию, к которому принадлежал гуманист Ленин, с призывом осудить планы уничтожения Мавзолея.

Мы обращаемся, наконец, к трудящимся нашей страны и стран СНГ, ко всем бывшим гражданам великого СССР с призывом не допустить, чтобы прогнивший режим, от которого уже отшатываются его прежние попутчики, попытался бы накануне своего ухода в Лету совершить историческое злодеяние — разрушить один из самых всемирно известных культурно-исторических памятников — Мавзолей Ленина — национально-историческую инсигнию СССР и России.

Русский интеграл имени Ленина

В 2017 году, в год столетия Великой Октябрьской революции, в издательстве «Молодая гвардия» вышла монументальная работа Льва ДАНИЛКИНА «Ленин»

Александр ПРОХАНОВ: У меня перед Лениным есть чувство вины, и я бы хотел, Лёва, поговорить с вами о Ленине. Вы написали большой труд.

Лев ДАНИЛКИН: Отчасти инспирированный вами, Александр Андреевич, можно сказать, что всё началось с той странной обложки вашего романа «Господин Гексоген». Там приключения тела Ленина были фоном, деталью эпохи, но художник его вытащил на обложку — и она мне впечаталась в память.

А. П.: Сейчас, когда я смотрю на ту обложку, даже не знаю, где Ленин: тот, хрестоматийный, либо изображённый череп? Потому что и то и другое — Ленин. Что может быть выразительнее, глубиннее, чем пустые глазницы? Поскольку моё зрение падает, и мои глазницы наполняются тьмой, я понимаю величие черепа с пустыми глазницами. Поэтому не надо роптать на ту обложку, тем более что она породила у вас интерес к Владимиру Ильичу Ленину.

Л. Д.: Это было ощущение, что Ленин не кончился, что с ним что-то продолжает происходить, и вот эта карикатура грангиньольная — она внешнее отражение каких-то процессов, которые происходят в коллективном сознании. Ленин был пустотой, на которую просто не обращают внимания, настолько она надоела. Но «Гексоген», я много лет это твержу, где только могу, — переломная книга, на ней сломалась эпоха, и очень по многим параметрам этот роман сломал мою картину мира — и задним числом, среди прочего, спровоцировал интерес к Ленину.

А. П.: А как потом этот интерес разрастался?

Л. Д.: Станным образом был ещё второй знак: меня чуть не укусила змея, которая выползла из памятника Ленину на Капри.

А. П.: То есть из черепа?

Л. Д.: Если считать, что Капри — это подлинный Мавзолей Ленина, а думаю, это так, потому что именно там был создан первый большевистский анклав, символическое протобольшевистское государство Горького и Богданова, то да — из черепа.

А. П.: Змея какой породы? Это был уж, кобра, гадюка?

Л. Д.: Я не успел её классифицировать, но эта змея — в центре города практически — произвела на меня впечатление. В ней было что-то зловещее, хтоническое, сулящее крупные неприятности. Не просто какая-то там змея. Как сказал Тургенев Чернышевскому: «Вы — простая змея, а Добролюбов — очковая».

А. П.: Это была, скорее всего, очковая. Это, кстати, действительно соединяет вас с Лениным мистической или даже магической связью — созвездие Змеи.

Л. Д.: Это примерно как связь Маугли и Каа, змея у Киплинга. Собственно, что-то подобное я испытывал десять лет назад, когда писал про вас книгу.

А. П.: Я ведь тоже змея. Вы это знаете. Она выползла, и вы стали после этого сразу писать?

Л. Д.: То был символический укус, но яд — нет, я не сразу почувствовал, он медленно действовал. Я принялся читать 55-томник, у меня — после вас — хороший опыт чтения больших собраний сочинений, я закалён, и поначалу это была такая длившаяся года три битва книжного червя с этой змейей. Затем я оторвался от текстов Ленина — и стал гоняться за ним, как вы за бабочками, с сачком, ездить по следам.

А. П.: По ленинским местам?

Л. Д.: Да, их тьма, от Шушенского — и до бесконечности.

А. П.: А по мере того, как читали, вы менялись?

Л. Д.: Чтение Ленина, собственно тексты — нет, не запускают процесс превращения. Меняет изучение поступков, когда ты начинаешь понимать логику этой странной жизни его, как он из библиотечного завсегдатая вдруг в 46 лет залез туда, где отродясь себя не представлял — на броневик, — и стал распоряжаться континентами. Вот это — да, начинается мутация.

А. П.: Мне кажется, что вы — тот исследователь, который по мере изучения объекта меняется. А потом, может быть, объект и исследователь меняются местами. Я не исключаю, что в процессе работы и Ленин менялся, и вы менялись. А вы не можете вспомнить, какие были фазы этих открытий? Я убеждён, что были открытия.

Л. Д.: Были моменты, когда он вызывал у меня отвращение — и я думал, какого чёрта я трачу жизнь на изучение этого неприятного существа. Потом, когда начинаешь понимать логику, общую картину — очень трагическую на самом деле, — это переросло в гипертрофированное уважение, и я понимал, что если бы увидел его в 1923-м в Горках (а я уже понимал, что он к этому моменту перенёс, сколько раз был взорван, расстрелян, распят — и буквально, и символически) — я бы просто, не знаю... обнял его. Естественно, это всё начиналось со стандартного — скептического, ёрнического, интеллигентского отношения: а, Ильич, шпион-гриб. А теперь меня тошнит от этой фамильярности, когда его Ильичом сейчас называют. Какой он вам Ильич? Он вам не Ильич.

А. П.: Меня интересует миф о Ленине. Вот миф о Сталине создан и живёт, развивается. Это работающий миф. А миф о Ленине создавался сразу после его смерти, как мне кажется, где-то до середины 30-х годов, а потом каким-то образом он прекратился, замер, и началась другая мифология. Почему сегодня нет мифа о Ленине?

Л. Д.: Миф был, он моментально возник в 20-х годах, но был подменён — сначала в 30-х, а затем в перестройку. Теперь миф о Ленине — это приехал немецкий шпион и развалил Россию, вот это матрица, которая всем вшита в голову. Даже в 1917-м, когда он был живой и по-настоящему опасный, не удалось это навязать, потравили в июле — а уже через несколько месяцев у большевиков было большинство в Советах, и потом про эту чушь с немцами забыли. Но в 89-м — навесили-таки, приклеили, удалось. На самом деле, в 20-х годах, после смерти, Ленин был героем солярного культа. Эта метафора Маяковского про Ленина-солнце, — она была общей, общепринятой. И смерть Ленина воспринималась как закат. Возьмите письма крестьян, которые относятся к Ленину, как к отцу, батюшке. Революция была не только социальной революцией, но ещё и отчасти религиозной реформацией в России. Как пролетариат в марксизме воспринимался как мессия, который выведет людей из капиталистического апокалипсиса, так и сам Ленин в какой-то момент, сам того не желая, стал восприниматься как кто-то вроде Христа, который умер в процессе революции. Его жизнь — как этакое второе пришествие.

А. П.: Но это не могло помешать рождению мифа. Потому что как раз после смерти человека начинается мифотворчество.

Л. Д.: Этот миф и этот культ работали в течение лет десяти — а затем сталинская киномашина стала изображать Ленина в виде странного чудака, при котором нужна некая нянька, каким был Сталин. Солнце оказалось высушено, мумифицировано, окаменело в этих истуканах, которые понаставили повсюду. Ленин сложный, его сложно понять, и массам стали показывать его «демоверсию» — такого странного чудака, учёного, при котором должен быть такой практик, как Сталин. Вряд ли Сталин сам хотел окарикатурить Ленина, но он создал условия для того, чтобы Ленина из разряда опасных оказалось можно перевести в разряд комичных. Сам Сталин, безусловно, понимал, что Ленин — недостижимая для него величина. У меня в книге говорится про то, что не существовало никакого антагонизма между Лениным и Сталиным. Это навязанная Хрущёвым, Троцким история о том, что Ленин якобы выбрал Троцкого. Это, скорее всего, искажённая версия...

А. П.: Может быть, с этим и был связан этот обрыв. Во-первых, мне кажется, потому что умерли все жрецы. Ведь мифы создают в основном жрецы, оставшиеся после смерти своего божества.

Л. Д.: Нет, в случае с Лениным, на мой взгляд, это был абсолютно народный культ, культ Ленина-солнца. Ведь в конце жизни Ленин превратился из пролетарского вождя в крестьянского.

А. П.: Значит, умерли носители этого мифа и в среде крестьян. Хотя вам виднее. Но мне кажется, что миф Сталина, который стал создаваться самим Сталиным, а потом опровергался Хрущёвым и ещё усиливался в среде подпольщиков — выразителей этого культа, — этим культом Сталина был оборван ленинский миф.

Л. Д.: Я не думаю, что Ленин и Сталин создавали сами мифы о себе. Но ни тот, ни другой не препятствовали этому. Когда у Ленина просили назвать его именем завод или колхоз, ему это не нравилось, раздражало, но он соглашался, потому что ему нравилось, что мир меняется и что появится больше знаков того, что мир изменился. Со Сталиным, думаю, было то же самое — он знал, что так надо, и не противился.

А. П.: Со Сталиным было несколько иначе. Сталин понимал красоту персонификации истории, он считал себя персонификатором истории.

Л. Д.: Это, скорее, навязанное ему троцкистскими, хрущёвскими толкованиями задним числом. По крайней мере, ранний Сталин, Сталин образца середины 20-х годов и конца 20-х, не фокусировался на культе своей личности. Он три раза подавал заявление, чтобы его освободили от должности генсека. Это интересная история. По крайней мере, формально он никак не украл этот пост и не занял его через подлог или преступление. Мы можем приписывать ему всё что угодно, любую психологию, но мы не знаем — может быть, в действительности он не больно-то этого и хотел.

А. П.: Но потом, по-моему, довольно жёстко расправился с теми, кто хотел снять его с этой должности.

Л. Д.: Я не специалист по Сталину, но, думаю, дело не в личности. Они — Ленин, Сталин — были поставлены в такие условия, что им пришлось не разрушать государственную машину, как они планировали, а создать новую — и эта машина работала по своей логике, она молола целые сословия в пыль. Они часто не справлялись с управлением ею, но сама она не была абсурдным, нелепым механизмом. Я не верю, что все эти жертвы советской модернизации — жертвы безумия какого-то одного человека, это неуважение к этим жертвам, обесмысливание их жизней. Вместо того чтобы демонизировать Сталина, правильнее искать историческую логику, которая приводила его к таким или иным решениям.

А. П.: Наконец-то я увидел настоящего сталиниста. Я постоянно мечтал об этой встрече...

Л. Д.: Смешно, что я дожил до того, чтобы услышать это, хотя бы и в насмешку. Нет-нет, не всякий, кого не устраивает хрущёвская и солженицынская версия истории, сталинист. Хотя Ленин бы, наверное, да, назвал такую позицию — «а вот с одной стороны, а вот с другой» — соглашательской и оппортунистской. Нельзя быть немножко сталинистом или, там, сталинистом с девяти до шести. Когда-то придётся сделать окончательный выбор: принимаешь ты это ужасное наследство или делаешь вид, что оно не твоё и ты к этому не имеешь отношения. Поэтому да, мне проще говорить не об истории, а о ленинском образе будущего, о его утопии в «Государстве и революции»...

А. П.: А как вы считаете, эта мечта проявлялась через политологию, политику, пу-

блицистику, экономику, политэкономии? Или она была уже настолько зашифрована революционной практикой, что в конце концов как бы погасла?

Л. Д.: На мой взгляд, самая важная работа Ленина — это «Государство и революция». И в этом тексте даже слово «партия» не употребляется ни разу. Это история про мир, в котором нет государства, в котором государство отмирает, поставлено в такие условия, что оно больше не нужно людям. И удивительным образом вся послеоктябрьская практика Ленина вступила в противоречие с его теоретическими представлениями. Но всё равно правильно думать о том, что в голове он держал не диктатуру пролетариата, а общество, в котором никакой класс, даже пролетариат, не будет навязывать посредством

насилия свою власть другим классам. Поэтому ему и не нравились лозунги «Царству рабочих и крестьян не будет конца». Не будет ни тех, ни других, ни буржуазии, в этом смысле. И рай Ленина выглядит скорее как...

А. П.: Община.

Л. Д.: Скорее, как общество образованных самоорганизующихся людей, им не нужен аппарат насилия, чтобы одна часть общества подавляла другую.

А. П.: Это была социальная или всё-таки отчасти религиозно-философская теория?

Л. Д.: В его случае скорее социальная — хотя человек должен был преобразиться, обновиться не эволюционно, а — скачком, и, по сути, это род чуда, так что, конечно, коммунизм — это ещё и род религии, странное сочетание религии и бизнеса, как говорил экономист Кейнс. РСДРП, особенно ранняя, кстати, не воевала с религией как таковой. В 1904 году Ленин с Бонч-Бруевичем и Плехановым даже выпускали сектантскую

газету, Ленин знал этот аспект революции — революция как род Реформации.

А. П.: Мне казалось, что человек, который соприкасается с такими массивами явлений, не может не чувствовать, что эти явления до конца не объяснимы. И в его представлении о мире остаются такие зоны, которые заполняются сказкой, верой, религией — абсолютной художественной утопией.

Л. Д.: Ленин не был рациональной машиной, он умел находить лучшее решение для конкретных обстоятельств, лучшее, чем у всех других аналитиков, но о том, как на самом деле выглядит его утопия, только догадывался. Его утопия описана очень осторожно, он знает только одно — что там нет аппарата насилия, нет классов, это такой странный рай — рациональный, основанный на «разумном эгоизме» из Чернышевского, вроде снов Веры Павловны.

А. П.: Вы по своему складу человек весьма рациональный. Я помню нашу поездку в Псков, и с каким иногда ужасом и даже

содроганием вы смотрели на катакомбы православные...

Л. Д.: Вряд ли я стал бы биографом, тем более вашим, если бы я был рациональным человеком.

А. П.: Вы же не знали, к чему приступаете. Это потом выяснилась вся пагуба этого увлечения.

Л. Д.: Быков написал рецензию на мою книгу «Ленин», очень прохладную, у него другие совсем представления о Ленине, и заканчивается она так: вообще я не понимаю, зачем этот человек написал биографию Проханова. Я — вот десять лет прошло, и я прекрасно понимаю, что я искал и нашёл: и с вами, и с Лениным. Есть существа, которые позволяют материи измениться, не эволюционно, а скачкообразно, перейти в свою противоположность. Это такая революция в голове, которая отменяет известную формальную логику; обычный понятный рационализм после встречи с этими существами кажется пошлостью.

А. П.: Так вот, если бы в Ленине был чистый рационализм, хотя и сложный рационализм, как можно бы было его превратить в мифологию? Как он мог бы стать крестьянским солнцем? Ведь крестьяне были, с одной стороны, людьми озимого клина и всяких погодных примет, а с другой стороны, конечно, они были абсолютные сказочники. Это была культура волшебных сказок. Это была мечта о рае небесном.

Л. Д.: Я думаю, Ленин воспринимался крестьянами как тот, кто избавил их от капитализма, которого они инстинктивно боялись, и кто узаконил стихийно совершившийся передел земли. Поэтому, собственно, красные и выиграли Гражданскую — на круг. Но для Ленина крестьянство всё равно было — исторический материал, с которым надо дальше работать, нельзя было оставлять его в покое. Он пытался, но не успел навязать им культ Машины, техники, которая преобразит их землю. Даже не навязать — соблазнить их этим культом. Ему не хватило времени, а вот Сталин просто сделал крестьян придатком этой машины, индустрии.

А. П.: А в какой степени Ленин — это русский интеграл? Я тоже пережил, а может, и продолжаю переживать обожание Ленина, какой-то ужас и восхищение, связанные с этим сверхчеловеком. Потому что после того, как его идеи победили, он, конечно, стал

сверхчеловеком. Если бы эти идеи победили, а он сам погиб перед началом их реализации, он бы не стал сверхчеловеком. Но мне всегда казалось чем-то ужасным и прекрасным влияние Ленина в русской жизни, в русской действительности.

Л. Д.: То есть насколько он был генерирован, насколько сам был продуктом русской истории и географии?

А. П.: Насколько в нём эти русские силы, стихии от самых ранних древних воплотились и превратились в него, отдельно взятого. Потому что сама по себе русская революция, как мне кажется, это огромный интеграл. Интеграл огромных тенденций и энергий, заложенных в русскую жизнь. В этой русской жизни было всё: и безумство аристократии, и скрытники, и тайные беглецы, и пугачёвщина, и философы насилия, и какой-то великий русский садизм, и великая русская мечта, и обожание, и Ленин каким-то образом, как мне кажется, проинтегрировал в себе все стихии. Все!

Л. Д.: Ленин, я считаю, начинал как «немец», как все почти марксисты — как экономист-вестернизатор; ему казалось, что Россия такая отсталая страна, и смысл революции в её случае — это быстрая модернизация, поскольку Россия отставала от того капитализма, который развивался в Европе и Америке во второй половине XIX века. Но в тот момент, когда, уже после 1917 года, он из руководителя заговорщической партии превратился в равнодействующую миллионов волю, в мембрану, которая настроена была на стихийные движения масс, и именно поэтому мог ими дирижировать — не каким-то ближним кругом своим, а именно крестьянскими массами, миллионами людей — думаю, что у него радикально изменилось представление об истории, и он перестал воспринимать историю России как недозападную историю, которую можно просто пустить в топку ради мировой революции.

Все или, по крайней мере, многие рано или поздно приходят к тому, что представления о России как о «догоняющей» стране не соответствуют действительности, навязаны. Россия — идеальная центральная точка для выстраивания нового центра, отменяющего «обычный». И после революции Ленин и был русским политиком, и, собственно, с этим связана история Коминтерна, намерение построить в Москве второй центр. Есть Запад, первый, и в Москве — второй. И нынешняя

биполярная модель мира, по сути, построена Лениным, он первый увидел «третий мир», он открыл его в XX веке. Марксисты же не обращали внимания на Китай, на Индию, на Иран, поскольку там не было пролетариата. А Ленин высчитал: вы можете перейти в социализм, минуя капиталистическую стадию. И поэтому гораздо перспективнее, чем Англия, оказываются Китай, Индия, Афганистан. Что и произошло в XX веке: половина земного шара становится красным — красным, как Россия. Он не был таким русификатором, как русские цари, но он умел сделать Россию привлекательной ролевой моделью, дать им долю в этой российской славе. В этом смысле он вёл себя — в данных конкретных обстоятельствах — как русский государь, хотя и держал в голове утопию отказа от идеи государства.

А. П.: Он был помазанник. Он был помазанник революции.

Л. Д.: Можно иронизировать над этим...

А. П.: Я не иронизирую.

Л. Д.: Да. Это вполне рабочая метафора. Он вынужден был делать совсем не то, к чему готовился, — но он осознал, что его миссия — не просто «менять мир» по книгам, но делать то, что должно на этом месте.

А. П.: Ленин у нас был как бы изъят из истории. Он был помещён в Мавзолей. Он был помещён в Мавзолей уже при Сталине. Помещён в Мавзолей и после Сталина. И даже Хрущёв не сумел его вытащить из Мавзолея, хотя натравил на это дело всех ярчайших молодых писателей и художников: они собирались его опять превратить в реального политического лидера. А сейчас Ленина можно вернуть в русскую историю, в русскую актуальность?

Л. Д.: Думаю, что любой серьёзный кризис быстро делает эту фигуру актуальной. Ленин был тот, кто знал, как рационально использовать иррациональную энергию, стихийную силу, он умел вычислять элементы, на которые никто не обращает сейчас внимания, — но они вдруг превращаются в политических субъектов. Он называл это «искусство восстания». Может, сейчас это кажется никому не нужным, но это ведь иллюзия. Кризисы повторяются — и да, Ленина презирают и демонизируют, либеральная интеллигенция и националисты мало на чём сходятся, а Ленина они ненавидят с одинаковой силой...

А. П.: Националисты и православная церковь.

Л. Д.: Да. Конечно, это третья сила, антиленинская, ненавидит Ленина. И понятно почему. Это прямой конкурент — Ленин был тот, кто осуществил не только социальную революцию, но и религиозную реформацию, большевики были прямыми конкурентами духовенства, их антагонизм абсолютно объективен. И если они вытащат его из Мавзолея, то, уж конечно, не ограничатся «перезахоронением». Это будет как с Кромвелем — голова на пике, тело на поругание.

А. П.: Так можно его вернуть в современный контекст? Мне кажется, есть уровни исторического сознания, метаисторического сознания, где всё подлежит примирению, где исчезает конфликтность.

Л. Д.: Общество, мне кажется, может заключить «мирный договор о Ленине», избавиться от этой дикой идеи про «немецкого шпиона». Но Ленин, конечно, плохой символ примирения, он не про то. Что, собственно, воплощает Ленин? Если в двух словах: идею актуальности революции. А разве есть вообще какие-то времена и положения, когда революция не актуальна? Все эти разговоры про «дайте нам двадцать лет спокойствия, и мы...». Так не бывает, никто никогда их не даст.

А. П.: Та революция, о которой вы говорите, она, конечно, не примирит Ленина ни с националистами, ни с православными христианами.

Л. Д.: Невозможно преодолеть, да, этот объективный антагонизм. Но народ — разный, он состоит не только из националистов и даже не только из христиан, ненавидящих коммунизм. В целом Ленин изменил мир — по запросу, можно сказать, истории и географии — сильнее, чем любой другой деятель русской истории. XX век не был безумным наваждением, Ленин не был чёртиком из табакерки, Ленин был порождением русской истории и географии. Если бы он воплотился не во Владимира Ильича Ульянова, то в кого-то ещё, эта сила — «ленин» — всё равно была бы генерирована пространством и историей. Если понять это — то о нём можно договориться.

А. П.: Я тоже так считаю. Сегодняшняя историософия к этому, в общем, готовится. Потому что есть попытка всю русскую исто-

рию представить как нечто драгоценное, нечто абсолютно закономерное, как среда, в которой существовал, существует и будет существовать русский народ. И в этой среде важен любой камень, любой стебель. И в этом смысле такое гигантское явление, как Ленин, выбрасывать бессмысленно. Если мы выбрасываем Ленина, образуется чудовищный котлован, чудовищный кратер.

Л. Д.: Он делал то же, чем последнее тысячелетие занималась русская история: он выстраивал

из России центр мира — то же, что делали Иван Грозный, Пётр Первый... По-видимому, существует какая-то функция, которая реализуется в каждом веке по-своему, и он прекрасно вписывается в константу русской истории.

А. П.: Это и есть, по существу, способ примирения с русской историей.

Л. Д.: Да. В том числе.

А. П.: Спасибо за интересный разговор.

/ Группа экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО /

Иллюстрации: Александр ДЕЙНЕКА

Ленин: феноменология

Доклад Изборскому клубу

*Коротка и до последних мгновений
Нам известна жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь товарища Ленина
надо писать и описывать заново...*

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Данный доклад как часть исследовательского проекта Изборского клуба «Ленин и ленинизм» носит не столько итоговый, сколько дополняющий характер, поскольку посвящён не обобщению материалов других работ, осуществлённых в рамках данного проекта, а тем аспектам ленинской феноменологии, которые по разным причинам оказались вне фокуса внимания наших коллег.

ВЕК ЛЕНИНА

Хронологически «короткий», длившийся всего 77 лет (1914–1991: от начала Первой мировой войны до уничтожения Советского Союза), исторический XX век, век войн и революций, дал России чрезвычайно длинный, почти бесконечный список выдающихся людей буквально по всем направлениям развития человеческой цивилизации. И более того, такая тенденция нашла отражение практически во всех странах мира, когда под зонтиком ленинизма появлялись и творили выдающиеся деятели многих стран мира. Но если попытаться «персонализировать» этот отрезок времени, присвоить ему какое-то одно, главное имя, то несомненно, что это будет имя Ленина.

XX век был веком Ленина хотя бы потому, что все достижения и катастрофы этой невероятно динамичной, «взрывной» эпохи развития человечества происходили в рамках, идейно, политически и даже экономически заданных через ту «точку бифуркации», куда её направила деятельность Ленина.

И здесь надо понимать, пожалуй, главное для характеристики ленинского феномена: эта цивилизационная «точка бифуркации» была далеко не единственной, далеко не самой вероятной и, более того, — невидимой для всех, находящейся за пределами «динамического коридора», в котором двигалась до того вся человеческая цивилизация.

Следовательно, от Ленина требовалось не только, опираясь на теорию

марксизма, установить существование этой «точки бифуркации», «вычислить» её параметры, сопоставить их с исторической траекторией человечества и в точке максимально-го сближения точно рассчитанным по времени и силе воздействием «втолкнуть» человечество в эту «точку бифуркации», тем самым создав для него новую реальность. Такова была задача, воплощённая в осмысление мирового развития в рамках империализма как высшей стадии капитализма и в теорию «пролетарской революции». От Ленина требовалось, прежде всего, поставить перед собой такую задачу, во многом аналогичную сказочной — «пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Задачу, по большому счёту, «безумную», иррациональную, а потому невозможную ни в одной цивилизации мира, кроме «троичной» русской. Один из ведущих идеологов цивилизации «коллективного Запада» Герберт Уэллс, известный нам в большей степени как выдающийся писатель-фантаст, чем представитель элит «коллективного Запада», не случайно назвал Ленина «кремлёвским мечтателем», а восточные махатмы — «великой душой» из своего числа. В последнем случае мы можем опираться не только на свидетельства Н.К. Рериха, который в 1926 году передал руководителям СССР известное «письмо махатм», вызывающее определённые сомнения в его подлинности, но и на безусловно достоверные слова вполне реального Махатмы Ганди: «Идеал, которому посвятили себя такие титаны духа, как Ленин, не может быть бесплодным. Благородный пример его самоотверженности, который будет прославлен в веках, делает этот идеал ещё более возвышенным и прекрасным». Уэллс не видел материально-технической, вещной основы для реализации «фантазий» Ленина, махатм же якобы впечатлила как раз чрезвычайно ответственность созвучных им ленинских идей. Уэллс (как и весь Запад) считал ленинский прорыв спонтанной «флуктуацией», которая неизбежно

будет погашена и всё в конце концов вернётся «на круги своя». Махатмы (как и весь Восток) созерцали этот прорыв как один из «поворотов Колеса Судьбы».

Но всё оказалось несколько иначе, гораздо сложнее и интереснее.

Первая мировая война 1914–1918 годов, несомненно, была шоком для всего человечества, поставив крест на прогрессистских иллюзиях «длинного» (начатого Великой французской революцией 1789 года) исторического XIX века. Лозунг «Свобода, равенство, братство», как выяснилось ещё раньше, оказался всего лишь каллиграфической надписью на «железной пяте» крупного мирового капитала, от захвата всей планеты приступившего к её переделу, в том числе — через «фабрику смерти» мировой войны. И если бы не «ленинский» выход России из этой «матрицы» путём Октябрьской революции и созданием советского государства, последующая история человечества, наверное, выглядела бы совсем иначе.

Согласно закономерностям взаимодействия «больших систем» применительно к политической ситуации после Первой мировой войны, в дальнейший передел мира странами Антанты (Англия, Франция, США, Япония) были бы полностью включены — на правах колоний — не только Германия и Китай, но и Россия, а к числу территориальных потерь нашего государства, помимо Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Бессарабии и республик Прибалтики, обязательно добавились бы Украина, Крым, Белоруссия, Закавказье и Северный Кавказ, включая земли Донского и Кубанского казачества, Среднюю Азию, Сибирь и Дальний Восток, возможно — Русский Север, включая Северную столицу, Поволжье и Урал. Иными словами, единое российское государство и единая русская цивилизация просто исчезли бы с лица Земли — как исчезла в своё время Наворимская (Византийская) империя. Россия под руководством Николая II или компрадорского Временного

правительства противодействовать этим планам не имела ни возможности, ни желания. Тем более что значительная часть «элиты» Российской империи: финансово-экономической, военно-политической и духовной, — не только не имела ничего против подобной перспективы, что наглядно показывает развитие ситуации между Февралём и Октябрём 1917 года, а также история интервенции и Гражданской войны 1918–1922 годов, — но зачастую выступала в качестве прямой «агентуры влияния» иностранных государств и парapolитических международных структур. Разумеется, данный процесс по определению не мог быть мгновенным, но и затягивать бы его не стали. Чем бы это грозило и без того в целом нищему и малограмотному русскому народу, а также другим народам нашей страны, достаточно ясно. «Хруст французской булки» и вкус баварского пива для мизерного меньшинства был бы хрустом костей и вкусом слёз, пота и крови для подавляющего большинства наших соотечественников «от Бреста до Владивостока», разделённых на множество псевдонациональных и, может быть, даже псевдodemократических квазигосударственных концлагерей по типу нынешней «евромайданной» Украины.

Да, Вторая мировая война в таком случае, скорее всего, началась бы несколько позже, чем в 1931 году, когда состоялось вторжение Японии в Северо-Восточный Китай с образованием там марионеточного «государства» Маньчжоу-го, и носила бы несколько иной характер (например, японо-итальяно-германо-французского союза против англо-американского, что, кстати, частично даже было реальностью в период «республики Виши» 1940–1944 годов). Но в таком случае она не выпадала бы из общей «матрицы» тотальной войны за передел собственности и власти. Матрицы, в которой разделённая на куски Россия участвовала бы уже не как субъект, а как несколько разных объектов.

Благодаря же «советскому проекту», созданному и в основном реализованному усилиями Ленина, данный вариант развития событий был переведён в разряд «альтернативной истории». Возникла иная система ценностей, появились иные приоритеты развития, иная информационная и энергетическая «матрица» человеческого сообщества, оказавшая мощное влияние на весь остальной мир, который под её воздействием уже не мог оставаться системно прежним — он трансформировался, «мутировал», преображался в тот мир, где мы находимся сегодня. Именно поэтому «веком Ленина» можно считать не только XX век, но и всю нынешнюю «постсоветскую» эпоху, хотя, казалось бы, прямое воздействие «ленинской радиации» давно сошло на нет не только во всём мире, но и в России. Мир после Ленина стал фундаментально иным и «уже никогда не будет прежним». Как бы ни пытались доказать обратное многочисленные и многообразные противники «вечно живого» вождя Великого Октября.

ЛЕНИН И РОССИЯ

Одним из важнейших направлений диффамации Владимира Ильича Ульянова–Ленина является «национальное» направление, согласно которому он был не только ненавистником всего русского, но и не русским вообще. Вариантов здесь: либеральных, монархических, националистических, антисемитских и т.д., — множество, буквально на любой вкус. Особенно широко распространена версия о том, что ленинский революционный атеизм якобы является следствием его еврейских этнических и иудейских религиозных «корней».

Не вдаваясь в подобного рода генеалогические изыски и споры, наверное, всё-таки стоит применить к Ленину известный евангельский принцип «по плодам их узнаете их». Приведём эту цитату полностью: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград,

или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. И так, по плодам их, узнаете их» (Мф. 7:16-20).

Так вот, добрые или худые плоды принесло для России ленинское «дерево»? Этот кардинальный вопрос и сейчас стоит в центре идеологической борьбы в Российской Федерации. И во многом судьба нашей страны будет зависеть от ответа на него. Отвечая на этот вопрос, авторы нашего проекта в целом сошлись в своих анализах, что альтернативы ему не было, поскольку все другие варианты предусматривали тотальное уничтожение России как державы и как цивилизации. И базовый вывод сводится к тому, что приходится признать, что плоды не были абсолютно негативными, поскольку всё остальное предопределяло смерть нашей страны. Благодаря ленинскому «советскому проекту» наша страна уже через сорок лет после революции, несмотря на гигантские потери в Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах, смогла не только сохраниться как единое целое, но и выйти на передовые рубежи в развитии всего человечества. Причём — не только технологические и социальные, кратно улучшив показатели продолжительности жизни, образования и средних доходов населения, достигая максимальных в истории темпов количественного и качественного социально-экономического роста, но и нравственные. Результатом этого роста оказалось и небывалое в истории усиление позиций российского государства в форме Советского Союза на международной арене — до уровня «сверхдержавы», одного из полюсов «двухполярного мира».

Ленин, разумеется, не был «русским националистом» в привычном смысле этого слова, который подразу-

мевают превосходство или даже господство «своей» нации над другими нациями и прочими этнокультурными общностями, — он видел русский народ (народ, а не нацию!) авангардом, который пролагает всему миру путь в будущее. Причём — не «вязанкой хвороста в костёр мировой революции», которую, согласно троцкистам, не только не жалко, но и необходимо сжечь дотла, а центром, ядром будущей «земшарной республики Советов», к которой впоследствии будут равноправно присоединяться другие страны и народы. «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира», — написал он в статье «О лозунге Соединённых Штатов Европы», опубликованной в августе 1915 года.

«Чуждо ли нам, великоросским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы её трудящиеся массы (т.е. 9/10 её населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнёту и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великоросский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великоросский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свержать попа и помещика» — это из ленинской статьи «О национальной

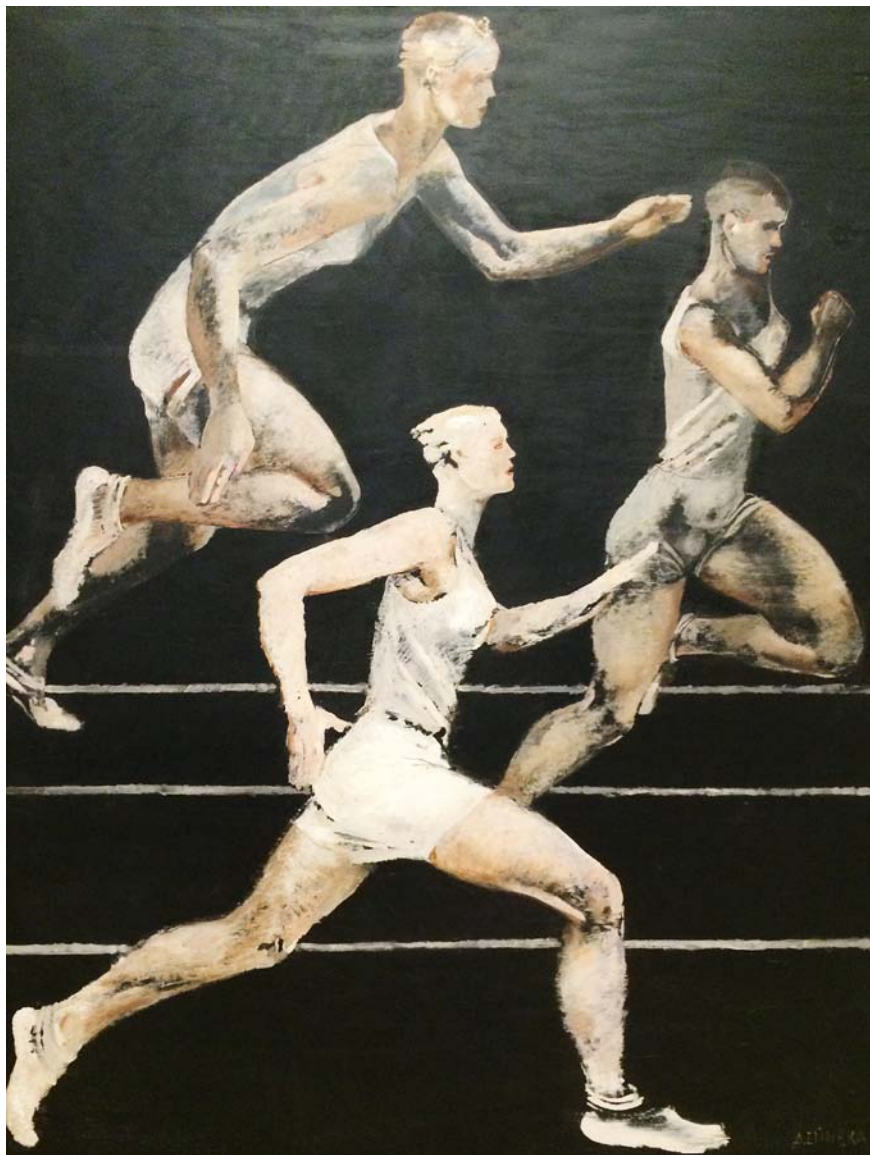
гордости великороссов», увидевшей свет ещё раньше, в декабре 1914 года, практически в самом начале Первой мировой войны.

Бойня Гражданской войны 1918–1922 годов была развязана не большевиками, а фактическими наёмниками и агентурой иностранных держав, причём таковых хватало как среди белых, так и среди красных (по факту, а не по сути). Да по-другому и быть не могло, с учётом предшествующей истории нашего Отечества.

Тем более всё это очевидно на фоне ситуации 1985–2000 годов, когда уничтожение советского проекта привело к катастрофическому снижению базовых социально-экономических показателей нашей страны, которая потеряла половину населения и почти четверть своей территории, экономика (в границах Российской Федерации) «провалилась» почти на 40%, а средний уровень жизни населения снизился более чем в 2,5 раза (с учётом социального неравенства).

В рамках ленинского советского проекта (1922–1989) общая численность русского народа увеличилась бы с 75 до 145 млн человек, за 1990–2010 годы она снизилась до 133 млн человек.

Критики Ленина в данной связи нередко ссылаются на «прогноз Менделеева», который автор Периодической системы химических элементов сделал в работе «К познанию России», написанной в 1906 году по итогам Всероссийской переписи населения 1897 года. Согласно этому прогнозу, в 1950 году на территории Российской империи должно было проживать 280 млн человек, а к 2000 году — 590 млн человек. Мол, всё могло быть иначе, русских — гораздо больше, а поскольку это не так — во всём виноваты Ленин и его большевики. Но Менделеев в этой работе исходил из весьма абстрактного допущения — что прирост наличного (125,64 млн человек) населения все последующие годы будет происходить непрерывно, с показателем 1,5% в год, то есть

в геометрической прогрессии. В данной модели Менделеева не предусматривалось никаких кризисов, войн, интервенций, «демографических переходов» и прочих изменений репродуктивного поведения населения вследствие изменений социально-экономических условий жизни.

Однако Менделеев, прекрасно понимая, что ни одна «большая система» не может развиваться линейно и равномерно, делал не столько объективный демографический прогноз, сколько обоснование политической программы аграрной реформы в России в условиях революционной ситуации 1905–1907 годов. Эта реформа, начавшаяся как раз со второй половины 1906 года и получившая

название «стольпинской», встречала достаточно жёсткое противодействие как со стороны крупных землевладельцев, так и со стороны крестьянства, что привело к роспуску II Государственной думы 3 июня 1907 года. Работа Менделеева была по «стольпинской» реформе не «справа», а «слева», демонстрируя, что без принципиального изменения и преобразования самих принципов работы на земле она даже в ближайшей — не говоря уже о более отдалённом будущем — перспективе обречена на провал. Так и произошло: «стольпинская» реформа была оставлена на полпути «сопротивлением материала» с обеих сторон конфликта, а преобразование отечественного

сельского хозяйства удалось начать и в основном осуществить (путём коллективизации и индустриализации) только в рамках ленинского, советского, «красного» проекта.

Разумеется, не мог Менделеев предвидеть ни Первой мировой войны, в ходе которой Российская империя потеряла убитыми и умершими от ран, по разным данным, от 700 тысяч до 1,7 миллиона человек, ни Гражданской войны, унесшей жизни более 10 миллионов человек, ни Великой Отечественной войны, где прямой демографический урон нашей стране оценивается сегодня в диапазоне 23–27 миллионов человек. К этим цифрам при желании можно «прибавить» и «жертвы сталинских репрессий», от «раскулачиваний» и голода времён коллективизации до «большого террора» 1937–1939 годов.

Тезисы о том, что, если бы Россия не стала «коммунистической», всех этих потерь можно было бы избежать; что, «не будь Ленина, не появился бы и Гитлер», — стоят, по сути, в том же ряду, что и отмеченный выше тезис «не будь Сталина с его победой — сейчас бы баварское пиво пили». История движется своим путём, и альтернативные «фэнтези» любого рода, противоречащие закономерностям взаимодействия «больших систем», как правило, не столько раскрывают некие нереализованные потенциалы прошлого, сколько пытаются закрыть для реализации определённые потенциалы будущего. И для всего человечества, и особенно — для российского государства, а также для русского народа, о судьбе и благополучии которых якобы так пекутся «националисты», «монархисты» и прочие «антиленинисты».

В данной связи стоит отметить тот бесспорный факт, что подавляющее большинство населения России, в том числе — русского крестьянства, в конце концов приняло Ленина как «своего», как едва ли не былинного героя, давшего им не только «землю и волю», но и указавшего дорогу дальнейшего преобразования жизни в соответ-

ствии с традиционными ценностями и надеждами русского народа.

Ленин — такой же феномен русской истории, как и Креститель Руси равноапостольный князь Владимир Святославич, как и святой князь Александр Ярославич Невский, как Иван Калита и Иван Грозный, как Петр Великий, наконец. А начатая им в «советском проекте» новая «опережающая модернизация» России привела нашу страну на новые цивилизационные вершины и создала плацдарм для нового прорыва в будущее.

ЛЕНИНСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

У Ленина в позднесоветскую эпоху существовало всего два хрестоматийных, то есть общеизвестных и общепризнанных, образа.

Первый — маленький мальчик Володя Ульянов с кудрявой головой, «живший» в октябрятских «звёздочках» и книжках для детей.

Второй — бородатый и лысый «дедушка Ленин», который сразу по выходе из «октябрятского» возраста появлялся на значках пионеров, и далее — иногда в кепке — был уже везде: на комсомольских и партийных билетах, плакатах, денежных купюрах, в книгах, фильмах, памятниках, спектаклях etc.

Каким образом из первого получился, сформировался, вырос второй — постоянно оставалось где-то «за кадром», вне фокуса внимания, как будто все события четырёх десятилетий ленинской жизни между 1877 и 1917 годами: казнь старшего брата Александра, исключение из Казанского университета, начало публицистической и революционной деятельности, ссылки и эмиграции, — были не более чем «промежуточными ступенями» внутри единого и цельного ленинского мифа; как будто юный Владимир Ульянов уже заранее знал, каким «другим путём» нужно ему пойти, чтобы стать в конце концов вождём величайшей в мировой истории революции, затем героем бесчисленных «улиц Ленина» в каждом советском городе, да ещё вы-

звать к жизни столь распространённый ныне зеркальный «ленинский антимиф»: «сифилитик», «мутант», «параноик», «преступник», «кровавый палач», «германский шпион», «британский агент», «брал деньги у немцев, японцев и евреев», «продал Россию и русских», «продал душу дьяволу», «антихрист» и так далее...

Конечно, никто ничего заранее не знал, а значит — всё было совсем иначе.

Если внимательно прочитать ранние ленинские работы и письма, то сразу можно увидеть за ними человека, чрезвычайно остро, до абсолюта, чувствующего в себе то, что можно назвать «свободой воли». Остальные способности: прекрасная память как основа эрудиции, «железная» логика мышления и полемический дар, потрясающая работоспособность и, как следствие всего этого, невероятная эффективность деятельности Ленина, — всё это вторично, всё это «потом». Главное — именно свобода воли, для которой весь окружающий мир суть прежде всего объект творческого преобразования. Не случайно Ленин называл своим любимым романом «Что делать?» Николая Чернышевского: «Он меня всего глубоко перепахал... это вещь, которая даёт заряд на всю жизнь». И одна из первых этапных ленинских работ тоже называлась «Что делать?» (1902). Такая жажда дела, жажда творчества определяет практически всё в ленинской судьбе, являясь главным приоритетом его деятельности.

«Достоевский» вопрос: «Тварь я дрожащая или право имею?» — перед Лениным, похоже, не стоял никогда. Своё право быть человеком и творцом Владимир, второй, средний сын действительного статского советника Ильи Николаевича Ульянова (IV класса табели о рангах), — сомнению не подвергал. Вопрос для него стоял только в том, каким образом это право реализовать — с максимальной пользой для себя и для остальных людей, то есть для всего человечества.

Наверное, Владимир Ильич мог избрать обычный путь обществен-

ного, государственного или даже церковного служения, но те возможности, которые открывались при этом, его, судя по всему, не вдохновляли. Там всё было известно и предсказуемо. Создать новую машину, найти новое лекарство от смертельных болезней, посадить дерево, построить дом, вырастить детей, стать генералом или епископом — всё это прекрасно, необходимо, но существует «внутри истории», не выходя за её рамки, из века в век... Есть ли возможность изменить саму историю, преобразовать общество таким образом, чтобы голод, нищета, болезни, несправедливость были сведены к минимуму или уничтожены вообще? В человеческих ли силах, личных и совместных, совершить подобное чудо, или же необходимо смириться с тем, что есть, и уповать только на помощь свыше или стихийный ход вещей?

Молодой Владимир Ульянов нашёл для себя ответ на эти вопросы — и ответ положительный. «Нет ничего практичнее хорошей теории» — тоже одна из любимых ленинских фраз. А марксизм в конце XIX века был очень хорошей теорией. И если Маркс прав — а он, как считал Ленин и множество его единомышленников-марксистов, прав, поскольку весь ход истории подтверждает его выводы, — значит, России нужна революция. Сначала буржуазная, а потом и социалистическая. Скорее всего, для этого не хватит его жизни, но по сравнению с этой целью всё остальное — пыль, труха, не стоящая ни сил, ни времени. А значит — долуй всё, что мешает достижению этой цели: государство и церковь, партии и классы, права и свободы, иллюзии и надежды!

Кому-то тяжело сделать выбор, кому-то — следовать однажды избранным путём до конца несмотря ни на что. Владимир Ульянов, судя по всему, относился к первой категории людей. И найденную в молодости путём своего личного свободного выбора «жизненную программу» он реализовал по максимуму, абсолютно.

Для Ленина Маркс вовсе не являлся кумиром, а марксизм — объектом квазирелигиозного поклонения, он относился к ним в полном соответствии с русской поговоркой: «Годится — молиться, не годится — горшки покрывать». «Марксизм — не догма, а руководство к действию...» Руководство?! В ленинских руках это было даже не руководство к действию, а сам инструмент действия: простой, удобный, надёжный и эффективный.

Образно говоря, Ленин, как левский Левша, так подковал западную марксистскую блоху, что она действительно сплясала русскую — да, русскую, русскую! не еврейскую, «нацменскую» или чью-то ещё, а именно русскую — революцию. При этом идеология у Ленина всегда стояла выше политики, а политика — выше экономики, в отличие от «классического» марксизма, согласно которому идеология «вырастает» из политики, а политика — из экономики. Поэтому он мог передавать любые политические властные полномочия хоть Сталину, хоть Троцкому, хоть Свердлову, мог идти совершать самые неожиданные внутри- и внешнеполитические повороты (например, НЭП и Брестский мир), но вот в области идеологии никаких компромиссов не признавал и не принимал.

«Почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путём предпосылок для этого определённого уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?» — эта ленинская фраза («О нашей революции», 1923) лишней раз подчёркивает, что взгляд вождя Великого Октября на мироустройство был даже не бинарно-синергическим, как у Маркса и Энгельса, а троично-иерархическим, то есть вполне и безусловно русским, принадлежащим не «западной», а именно русской цивилизации. Мир, по Ленину, вовсе не «развивается от простого к сложному» путём линейной эволюции, поскольку «электрон так же неисчерпаем, как и атом».

ЛЕНИН: ДИАЛЕКТИКА И МЕТАФИЗИКА

Несомненно, что в качестве идеолога и философа Ленин был, как он сам себя позиционировал и называл, воинствующим материалистом, не верящим ни в Бога, ни в чёрта как особые сверхъестественные, но действующие в физическом мире субъектные сущности. Он считал движение и развитие имплицитными свойствами самой материи как «объективной реальности, данной нам в ощущениях», а сами эти ощущения и сознание — как особый тип взаимодействия сложных материальных систем. Именно в этом плане он критикует концепции, которые исходят из косной, ограниченной, чисто вещественной природы материи, отдельной от природы законов и принципов, ею управляющих, противопоставляя такому «метафизическому материализму» «материализм диалектический», переносящий мыслимое противоречие между понятиями «идеи» и «материи» внутрь самого понятия «материи». В этом своём идейном атеизме/пантеизме («Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии») (1908) ленинская мысль постоянно движется «по спирали», что при определённом (и весьма распространённом) ракурсе может показаться хождением по кругу, «*circulus in demonstrando*» («круг в доказательстве»). Ленин безусловно и принципиально «материализует» любую реальность, которая прямо или косвенно может воздействовать на человеческие ощущения. «Материя» в любом случае не «исчезает», исчезнуть может только прежнее, ограниченное понятие о «материи» как объективной реальности.

Непримиримо критикуя «метафизику» как принцип познания мира и взаимодействия с миром, «диалектик» Ленин сам оказывается в высшей степени метафизичен, разрушая прежнее системы — в высшей степени системны и даже сверхсистемы. Это не диалектика («тезис-

антитезис- синтез») и не метафизика («или — или»), а ещё более высокая ступень гносеологии, идущая через метафизический анализ и диалектический синтез к прогнозу, который можно назвать «триалектическим» и который на уровне реального взаимодействия описывается категориями «объект-субъект-проект».

В письме Максиму Горькому (ноябрь 1913 года) Ленин писал: «Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это — богдановский идеализм, затушёвывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порождённых тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнётом, — идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу... Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда связывала угнетённые классы верой в божественность угнетателей».

Даже постоянно называя «боженьку» «примысленной мерзостью», отдавая после революции приказы о конфискации церковного имущества, арестах и, не исключено, даже о расстрелах «контрреволюционных» священников, Ленин ничуть не препятствовал ни восстановлению института патриаршества в Русской православной церкви, ни деятельности религиозных общин, пока те не выходили в политическую сферу, оспаривая в ней идейное господство. То же самое касается известного весьма терпимого ленинского отношения к другим религиям, особенно — к мусульманской. Впрочем, благословлять проклинающих и гонящих — в том числе торговцев из храма — сегодня так же не принято, как и в конце XIX — начале XX веков.

То, о чём на протяжении веков только говорили, на что уповали как на чудо свыше, оказалось сделано при Ленине и через Ленина. И это сделанное в Советской России «при Ленине» стало не только фундаментом сделанного в Совет-

ском Союзе «при Сталине» — оно проросло по всему миру: от Китая до Кубы, от Соединённых Штатов до Южной Африки. Ещё раз стоит отметить, что Ленин — явление глубоко русское, но при этой своей корневой русскости — всемирное. Не только для линейной истории, но и для истории символической.

Если символическим прообразом Мавзолея на Красной площади действительно была Голгофа, то это «по умолчанию» подразумевает, что символический прообраз Владимира Ильича Ульянова–Ленина — сам праотец человечества Адам, изгнанный за грехопадение из рая, где он давал имена всему сущему, то есть заново пересотворял мир «под себя». И «богоборец» Иаков. И пророк Моисей, который, согласно Ветхому Завету, не только получил от Бога на горе Синай скрижали, но и уничтожил треть своего «богоизбранного» народа за поклонение «золотому тельцу».

Подобных аналогий в ленинской биографии можно провести немало, но все они, разумеется, говорят только о том, что закономерности бытия человеческого общества на различных исторических этапах его развития — в том числе отражённые в священных книгах и религиозных преданиях — реализуются через определённые и в чём-то неизбежно сходные (но не идентичные) между собой модели поведения отдельных людей и их сообществ.

Нынешние попытки ряда властных российских структур и «элитных» кругов российского общества «осудить» Ленина и «выбросить» его — вместе со Сталиным и всей советской эпохой — из отечественной истории чрезвычайно сильно «завязаны» на текущие проблемы власти и собственности, которые сегодня не столько способствуют, сколько препятствуют дальнейшему развитию общества и государства. В конечном итоге даже нынешнее путинское «возрождение России» оказывается связанным с более адекватным использованием стратегического советского потенциала, чем это было в эпоху

ельцинских «реформ», но практически не привело к усилению и модернизации данного потенциала.

Вопрос о том, возможны ли такие усиление и модернизация в рамках действующей системы социально-экономических и политических отношений, ещё остаётся открытым, но ясно, что с течением времени подобное «окно возможностей» не расширяется, а сужается. Цели и ориентиры дальнейшего движения для общества и государства остаются неопределёнными (возможно — скрытыми), что значительно повышает внутреннее напряжение всей системы. Нынешние кремлёвские «прагматики» публично дистанцируются от всякой идеологии, но, как отмечал Ленин в работе «Отношение к буржуазным партиям» (1907), «кто берётся за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы.

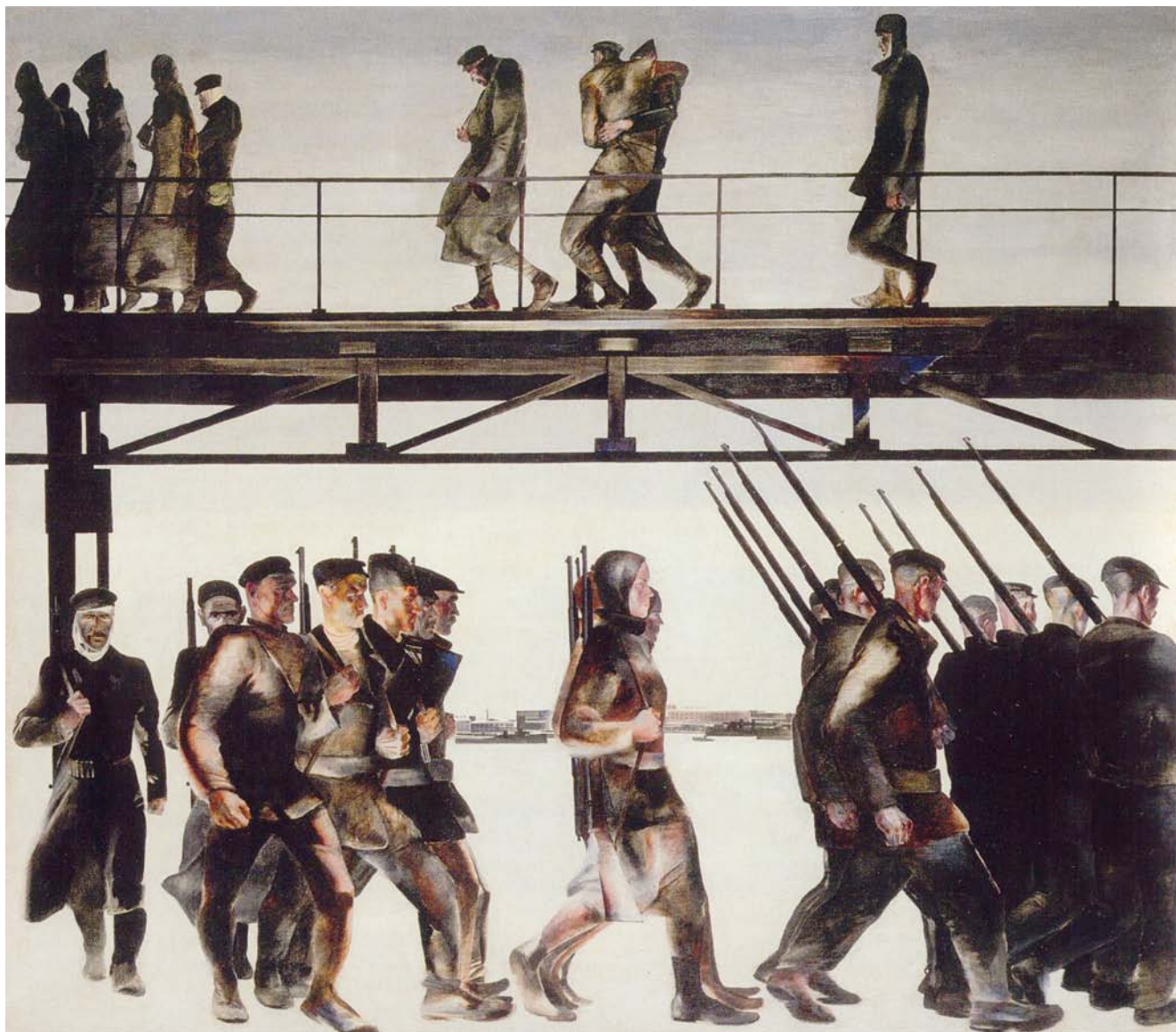
А наткаться слепо на них в каждом частном случае — значит обречь свою политику на худшие шатания и беспринципность».

ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ

Феномен Ленина до сих пор не является политически или идеологически нейтральным, вокруг него продолжают разворачиваться многомерные конфликты и внутри отдельных стран, и на мировой арене в целом. А это значит, что ленинская программа не завершена, не остановлена и не стала достоянием прошлого — она продолжает оставаться актуальной сегодня, и, более того, она «растворена» в будущем.

Эта программа — программа социалистической революции.

Господствующий сегодня в человеческой цивилизации способ производства, ориентированный на получение прибыли, генерирует несколько фундаментальных противоречий,

которые невозможно разрешить в рамках его собственной системы.

Главное из этих противоречий — внутренняя дифференциация продуктивной деятельности человеческих сообществ. Безработица из неизбежного спутника господствующего способа производства стала или вот-вот станет его определяющей чертой. Весь объём потребляемых восьмимиллиардным человечеством товаров и услуг может быть произведён — на основе современных технологий — примерно пятьюстами миллионами человек. Остальные — это «лишние люди», «прекариат», «биомасса», существование которой экономически неоправданно, поскольку «платёжеспособность»

их спроса для обеспечения прибыльности производства формируется искусственно, через специальные финансовые механизмы, реально «заработать себе на жизнь» и тем самым оправдать своё существование они уже не способны и не могут быть способны в дальнейшем.

Второе противоречие, неразрывно связанное с первым, — нарастающие экологические проблемы. Стремление к прибыли и сверхприбыли на практике приводит к тому, что продуктом труда признаётся, скажем, выплавленный из руды металл, а отвал пустой породы, возникший в результате того же трудового процесса и проржавевший, сделанный из того же металла корпус автомо-

биля продуктами труда не признаются и как бы не существуют. В итоге вся цивилизация работает на свалку и пустыню — фальсифицированная аксиология деятельности человечества приносит чудовищные плоды.

Наконец, третье противоречие, столь же неразрывно связанное с первыми двумя, — всё более явное торможение социально-экономического и технологического развития человечества. Начиная со второй половины 60-х годов XX века многие направления такого развития: например, исследования в области точных естественных наук и энергетики, освоения космоса и т.п., — оказались не только «закрытыми», но и всячески фальсифицируются; движение

концентрируется в сужающемся фронте информационно-коммуникативных и медико-биологических технологий, уже названных «трансгуманистическими» и направленных на трансформацию/разделение самого вида Homo sapiens, создание «сверхлюдей» и «недолюдей». Только первые из них должны обладать полнотой прав на власть и собственность, вторых же — предполагается лишить и власти, и собственности даже в отношении их физического тела («или иного материального носителя») ...

Такова единственная внятная альтернатива ленинской программе социалистической революции — альтернатива, которая прослеживается от действительно героических экспериментов на себе «богостроителя» Александра Богданова (Малиновского), через фашизм Бенито Муссолини и «национал-социалистскую» доктрину Адольфа Гитлера — к современным концепциям «постчеловечества».

Ленин же считал и доказывал, что изменение отношений власти и собственности в рамках человеческого сообщества, освобождение труда и производства от растущего паразитизма капитала, прежде всего — финансового, позволит высвободить и полноценно развить творческий потенциал человечества, не изменяя его биологическую природу, поскольку в противном случае социальные противоречия будут не сняты, а только транслированы, перенесены на иной биологический субстрат. «Освободить» таким биологическим путём, «снизу», человеческое (или постчеловеческое) сообщество от социальных противоречий невозможно в принципе. Напротив, снятие существующих социальных противоречий путём социалистической революции позволит целым классам общества и широким трудящимся, производящим массам подняться на новую, более высокую ступень развития своих человеческих возможностей. В этом отношении Ленин действительно был «самым человечным человеком» — на мировоззренческом уровне.

Поэтому он и смог выдвинуть абсолютно «еретическую» для «ортодоксальных» марксистов идею: осуществить в условиях России начала XX века социалистическую революцию через союз рабочего класса с «реакционным» крестьянством, а не буржуазно-демократическую — в союзе с «передовыми» капиталистами за счёт обнищания и разорения десятков и сотен миллионов российских крестьян. И эта идея была им не только выдвинута, но и полностью, с триумфальным успехом осуществлена — через последовательный выбор буквально единственных и порой абсолютно неочевидных, а потому — непопулярных, идущих вразрез с текущими настроениями большинства решений.

Разумеется, тогда и марксисты-меньшевики, и народники-эсеры, не говоря уже о более правых политических силах, выступали в большинстве своём против этих ленинских теоретических и практических «новелл». Уже в конце 80-х — начале 90-х годов XX века, когда Советский Союз был уничтожен и на его месте началась реставрация «рыночных» обществ и государств «досоветского» типа, с деиндустриализацией и деградацией, могло показаться, что в историческом смысле победил не Ленин, а его «ортодоксальные» социал-демократические оппоненты, упрекавшие вождя партии большевиков в стремлении подменить марксизм «бланкизмом», бежать впереди паровоза истории, размахивая красным знаменем революции, в то время как «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм».

Однако уже сегодня мы видим, что «умножить на ноль» ленинское наследие не удалось ни в общемировом (Китай, Вьетнам, Куба), ни даже в «постсоветском» масштабе — особенно если брать ситуацию в России. Несмотря на четверть века антикоммунистической, антисоциалистической и антиленинской официальной пропаганды, система ценностей российского общества так и не трансфор-

мировалась в полностью «рыночную», более того — даже на Украине, где удалось максимально активизировать «матрицу национализма», приверженцы последней, уничтожившие памятники Ленину везде, где это было возможно, сталкиваются с сопротивлением не столько «русских националистов» (большинство представителей которых словом и делом выступают на стороне киевской хунты), сколько носителей социалистического мировоззрения. И в этом отношении опыт народных республик Донбасса, не вполне точно названный «русской весной», на самом деле носит вполне интернациональный и «красный» характер. И это вовсе не какие-то «арьергардные бои» — напротив, растущая кризисная конфронтация на мировой арене требует максимальной мобилизации и модернизации российского общества, невозможной без нового обращения России к ленинскому революционному «красному» проекту.

ЛЕНИН И КОНТРЕВОЛЮЦИЯ

Утверждая тезис об актуальности феномена Ленина и неизбежности продолжения «ленинской программы», несомненно, нельзя обойти молчанием и оставить без рассмотрения вопросы о том, почему в конце XX века неразрывно связанный с фигурой Ленина «советский проект» был закрыт в России, а «красный проект» — практически во всём мире, почему мировая система социализма: идейная, военно-политическая и финансово-экономическая, — оказалась разрушена до основания и, похоже, не подлежит восстановлению ни в своём прежнем, ни в каком-либо ином виде.

Спектр вероятных и уже предлагаемых ответов на эти вопросы чрезвычайно широк, так что данная тема требует отдельного объёмного исследования, которое Изборский клуб также планирует провести в связи со 100-летием Великой Октябрьской Социалистической Революции. Здесь же мы, оставаясь в рамках ленинской феноменологии, намерены

обозначить только основные методологические принципы и вытекающие из них как следствие наиболее перспективные «секторы поиска».

Прежде всего это касается самой природы человеческих сообществ как «сложных систем» и исторического процесса их развития. Сам Ленин часто цитировал слова Чернышевского о том, что «исторический путь — не тротуар Невского проспекта», на нём возможны самые невероятные повороты, зигзаги и отступления. Когда колесо катится «вперёд», ровно половина его составляющих движется «назад», — колесо истории в этом случае не является исключением, важна равнодействующая векторов сил, которая создаёт это движение и определяет его направление. Не менее важна также избранная система координат, относительно которой описывается и определяется данное движение.

Можно ли говорить о том, что ленинский «советский проект» был загублен и уничтожен весьма заурядными Горбачёвым, Яковлевым, Ельциным и Ко как представителями враждебных «мировой системе социализма» сил, разрушавших данную систему извне и изнутри?

Можно ли говорить о том, что социализм (или госкапитализм?) советского типа не выдержал конкуренции с постиндустриализмом западного типа, прежде всего — в сфере передовых производственных и гуманитарных технологий, а потому закономерно оказался на «обочине истории» или даже на «свалке истории»?

Можно ли говорить о том, что «красный» Китай, «красный» Вьетнам, «красная» Куба и другие страны мира, сохранившие социалистическое устройство общества и государства даже после уничтожения СССР, являются не «последними динозаврами» советского проекта, а «точками роста» для его возрождения в будущем?

Можно ли говорить о том, что потерпел крах не сам ленинский проект, а его псевдоортодоксальная

(не слишком добросовестная, а порой и прямо фальсифицированная) версия, которая следовала не столько «духу», сколько «букве» этого проекта, создатель которого, разумеется, не мог заглядывать на шестьдесят лет вперёд и заранее прописать рецепты на все случаи жизни даже в совершенно неизвестных ему коллизиях будущего?

Можно ли говорить о том, что победа США и их союзников над ленинским проектом в России оказалась пирровой; что, утратив безусловного и экзистенциального врага, бывший «свободный мир» очень быстро перестал быть свободным, а возникшие в его рамках под воздействием ленинского проекта «социальные государства» — социальными; что эти процессы исторической деградации усилились и ускорились многократно? И можно ли говорить о том, что подобный процесс не являлся стихийным, что его спроектировали и реализовали, перенесли центр глобального конфликта внутрь «коллективного Запада», те же силы, которые играли решающую роль в реализации собственно ленинского проекта?

Все эти и многие другие аспекты подлежат тщательному изучению, поскольку от их понимания и интерпретации во многом зависит дальнейшая судьба не только России, но и всего мира. Исходя из вышеизложенного, нельзя считать, что ленинский проект окончательно проиграл и сходит с мировой арены; его содержание и даже его формы по-прежнему востребованы настоящим и в ещё большей степени будут востребованы будущим.

ЛЕНИН И БУДУЩЕЕ

Грядущее «возвращение» Ленина в этом смысле неминуче и неизбежно, прежде всего — как теоретика и революционера-практика «опережающей», а не «догоняющей» модели развития человеческого общества. Современный мир, который переживает глубочайший системный кризис способа производства по своим

масштабам и глубине сравнимый разве что с кризисом времён «неолитической революции» почти десятилетиями давности, и современная Россия, как часть этого мира, встроенная в «глобальный рынок», в любом случае обратятся — и уже обращаются! — к опыту Октябрьской революции 1917 года в России, к идеям и практическим действиям её вдохновителя и вождя Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

Разумеется, этот опыт, эти идеи и действия в нынешних условиях не будут идентичными копиями образцов более чем столетней давности. Но фундаментальные принципы, на которых будут основаны современные и предстоящие «реплики» ленинизма, несомненно, будут теми же самыми.

Возможно, «классовый» марксистский подход, который применял Ленин к анализу современных ему политических и социально-экономических процессов, активно обогащая методиками «цивилизационного» подхода, будет поднят на одну методологическую ступеньку выше, будучи обобщён как частное проявление взаимодействия «больших систем».

Возможно, на мировую арену вышли новые движущие силы развития общества, которые давно покинули пределы понятий «буржуазия», «пролетариат», «крестьянство» и т.д., связанные с производством-потреблением не столько материального, сколько идеального продукта (указание на то, что идеальное, «духовное» производство является отдельной сферой человеческой деятельности, а следовательно — его законы могут отличаться от законов материального производства, содержится еще в «Манифесте Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, написанном ещё в 1848 году: «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счёт продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг

от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству»).

Возможно, политическими формами организации и действия этих сил окажутся уже не коммунистические партии и не Советы трудящихся.

Но в любом случае эти силы найдут возможности для своей самоидентификации и оптимального взаимодействия и на суверенном государственном, и на международном уровне. И в любом случае «большевизм» ленинского образца останется первым в мировой истории образцом идеологии подобного типа и основанной на нём социально-экономической и политической модели развития человеческих сообществ.

Подводя итоги исследования семи обозначенных выше аспектов феноменологии Ленина, можно сделать следующие выводы:

- идеи Ленина, воплощённые им в социально-политических реалиях 1917–1923 годов, привели к необратимой трансформации всей человеческой цивилизации;
- центром такой трансформации стала русская цивилизация, русский народ и российское государство, деятельность Владимира Ильича Ульянова–Ленина стала проявлением их фундаментальных интенций, отсутствующих у других цивилизаций, народов и государств мира, то есть Ленин — явление глубинно русское, но при этой своей корневой русскости — всемирное;
- система ценностей, из которых исходил в своей теоретической и практической деятельности Ленин, в целом имела троично-иерархическую природу;
- ленинская программа социалистической революции была

- и остаётся единственной реальной гуманистической альтернативой «постгуманистическим» и «трансгуманистическим» концепциям развития человечества, что определяет её актуальность и востребованность не только в настоящем, но и в будущем;
- историческое поражение ленинизма как социально-политической программы развития общества в России и других странах мира носит не абсолютный, а относительный и временный характер, растущая кризисная конфронтация на мировой арене требует максимальной мобилизации и модернизации российского общества, невозможной без нового обращения России к ленинскому революционному «красному» проекту.

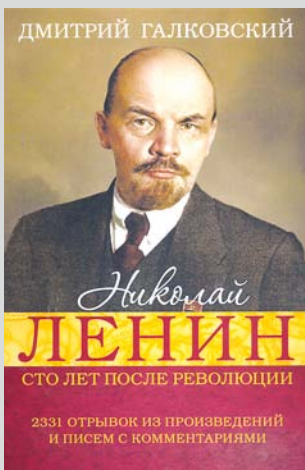

Лев ДАНИЛКИН. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. —
 М.: Молодая гвардия, 2017. — 784 с.

Автор презентует своё исследование ленинской жизни как метафизическую «битву червя со змеёй», в ходе которой сам червь мутирует, обретая внутренний скелет и ядовитые зубы. По мнению Льва Данилкина, Ленин «из библиотечного завсегдатая вдруг в 46 лет залез туда, где отродясь себя не представлял — на броневик, — и стал распоряжаться континентами». Это фактически развёрнутое на конкретном историческом и биографическом материале доказательство знаменитой пушкинской цитаты о том, что «люди

верят только славе и не понимают, что между ними может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в «Московском телеграфе». При этом подчёркиваются «хтонические» корни ленинской «мутации», обусловленные пространством и временем большого русского пространства, пронизанного материальными, энергетическими и информационными потоками Волги, Енисея и Лены.

Дмитрий ГАЛКОВСКИЙ. Николай ЛЕНИН. Сто лет после революции. 2331 отрывок из произведений и писем с комментариями. —
 М.: Книжный мир, 2017. — 812 с.

Еще один «блокбастер» постсоветской «ленинианы», в котором автор «бесконечного тупика» выстраивает реконструкцию/деконструкцию «ленинского мифа», созданную ещё в начале 2000-х годов, но только сейчас обретшую полноценное «бумажное» воплощение. Дмитрий Галковский исследует «Николая Ленина» через его собрание сочинений и разного рода записанные свидетельства современников — прежде всего в качестве квазилитературного персонажа, своеобразного аналога «носа» (Н.В. Гоголь) или «капитана Лебядкина» (Ф.М. Достоевский) отечественной политики и истории. Воплощение «светлой личности», почти точно «запрограммированной» тем же Достоевским/«капитаном Лебядкиным»:

*Он незнатной был породы,
 Он возрос среди народа,
 Но, гонимый местью царской,
 Злобной завистью боярской,
 Он обрёл себя страданью,*

*Казням, пыткам, истязанью,
 И пошел вещать народу
 Братство, равенство, свободу.*

*И, восстанье начиная,
 Он бежал в чужие края
 Из царёва каземата,
 От кнута, щипцов и ката.
 А народ, восстать готовый
 Из-под участи суровой,
 От Смоленска до Ташкента
 С нетерпеньем ждал студента.*

*Ждал его он поголовно,
 Чтоб идти беспрекословно
 Порешить вконец боярство,
 Порешить совсем и царство,
 Сделать общими именья
 И предать навеки мщенью
 Церкви, браки и семейство —
 Мира старого злодейство!*

Юрий ТАВРОВСКИЙ. Новый Шёлковый путь. —
 М.: Эксмо, 2017. — 368 с.

Постоянный член Изборского клуба, профессор РУДН Юрий Вадимович Тавровский совершил путешествие длиной почти в три тысячи километров: от порта Ляньюньган на берегу Жёлтого моря до Инина (Кульджи) на границе с Казахстаном, сто пятьдесят авторских фотографий, — с экскурсами в далёкое и

близкое прошлое, картинами современности и прогнозами на будущее. Эта книга — первое в мире описание китайской части маршрута Нового Шёлкового пути — уже вышла (в переводе на китайский язык) в КНР и, несомненно, заслуживает внимания со стороны российских читателей.

Хронология мероприятий клуба

2 апреля 2017 года

Ночью с 1 на 2 апреля в социальной сети Facebook была взломана личная страница председателя Изборского клуба Александра Проханова, началось размещение от его имени ряда «фейковых» публикаций, написанных в псевдопрохановской стилистике и призывающих к смене власти в Российской Федерации. На неоднократные обращения Александра Проханова к администрации Facebook адекватной реакции не последовало. По информации телеканала РЕН ТВ, ответственность за атаку взяла на себя хакерская организация под названием «Украинский Киберальянс», анонимные представители которой якобы заявили: «Это, Александр Андреевич, только начало. P.S. Сюрпризов для вас будет много». Ответом писателя, назвавшего данный инцидент составной частью информационно-политической войны против России и Русского мира, стал новый цикл памфлетов под условным названием «Покайтесь, ехидны!»

3 апреля 2017 года

Брянское отделение Изборского клуба провело заседание, посвященное событиям Февральской революции 1917 года, их истокам, последствиям и урокам для современной России. Вёл заседание председатель Брянского отделения, постоянный член Изборского клуба Сергей Ушкалов, основной доклад представил доктор исторических наук, профессор БГТУ Юрий Трифанков.

8 апреля 2017 года

В московском магазине «Библио-глобус» состоялась презентация новой книги председателя Изборского клуба Александра Проханова «Русский камень».

12 апреля 2017 года

В конференц-зале «Изборского клуба» была организована пресс-конференция оргбюро президиума МСОО Всеславянский союз «Россия готовит Юбилейный всеславянский съезд». В рамках данного мероприятия постоянный член Изборского клуба, председатель президиума Всеславянского союза Олег Платонов провёл презентацию переиздания книги «Этнографическая выставка и Славянский съезд 1867 года».

13 апреля 2017 года

В представительстве Ханты-Мансийского автономного округа — Югры при правительстве РФ состоялась рабочая встреча руководства Изборского клуба с губернатором ХМАО Натальей Комаровой. В мероприятии приняли участие председатель Изборского клуба Александр Проханов, первый заместитель председателя Олег Розанов, пресс-секретарь клуба Екатерина Глушик, а также первый заместитель губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Алексей Шипилов и вице-президент Российского общества дружбы с Кубой Руслан Захаров.

15 апреля 2017 года

Представители Уральского отделения Изборского клуба Андрей Болдырев и Сергей Магнитов приняли участие в работе форума «Культура и экология — основы устойчивого развития России», проходившего в Челябинске на базе Уральского федерального университета/Уральского политехнического института.

26 апреля 2017 года

В офисе региональных представительств Изборского клуба на Ильинке прошла презентация изданной в Риге на русском языке книги руководителя

Фото: редакция «ИК»

Презентация книги Александра ГАПОНЕНКО «Люди греха и удерживающие».

Прибалтийского отделения Изборского клуба Александра Гапоненко «Люди греха и удерживающие».

На Патриаршем подворье храма Рождества Иоанна Предтечи в Сокольниках при участии Международного византийского клуба состоялась международная видеоконференция на тему: «Патриарх Никон и глобальное евразийство», которая связала экспертов Москвы, Санкт-Петербурга и Молдавии. В работе конференции принял участие исполнительный директор Изборского клуба Молдавии, глава Ассоциации православных экспертов Молдавии Владимир Букарский, который в своём выступлении отметил: «Идея духовно-нравственного единения братских православных народов, высказанная в XVII веке патриархом Никоном, воспроизводилась в умах всех православных императоров романовской России. Россия приняла деятельное участие в освобождении православных народов Балкан — и сегодня столицы этих стран, даже проявляющих временное недружелюбие к России, украшают памятники русским царям и полководцам. Творческое подвижничество патриарха Никона воплощает универсальный характер кириллической цивилизации, вселенскость православия... Духовно-просветительские и миссионерские стратегии Русской церкви во многом оказались определяющими для универсализма Российского цивилизационного строительства, сложения целостного Евразийского цивилизационного пространства».

«Живее всех живых...»

Из поэтической «ленинианы»

Ленинская тема в отечественной литературе не менее противоречива и сложна, чем в отечественной культуре и в отечественной истории. Но, если выделить из литературной «ленинианы» поэтическую составляющую, то неожиданно для многих окажется, что она почти полностью лишена каких-то «антиленинских» мотивов, а те произведения, где подобные мотивы присутствуют, по своим эстетическим, художественным качествам «недоотягивают» даже до среднестатистического уровня. В то время как на противоположной «чаше весов» — «мене, текел, упарсин!» — находятся несомненные шедевры, написанные выдающимися русскими поэтами начиная уже с 1918 года. Уже один этот факт сам по себе мог бы поставить точку в непрекращающихся горячих спорах вокруг фигуры Ленина. Но поскольку эти споры, кто бы их ни вёл, касаются не истины, а вопросов власти и собственности, то поэтические свидетельства в качестве аргументов спорящими, как правило, не принимаются и даже не рассматриваются. Хотя лжесвидетельствами они являться не могут по определению. Поэтому приведём здесь тексты, в хронологическом порядке их написания, всего девяти авторов, так или иначе причастных к Русскому Слову с большой буквы.

Георгий СУДОВЦЕВ

Николай КЛЮЕВ

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕНИН»

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».

Мужицкая ныне земля,
И церковь — не наймит казённый,
Народный испод шевеля,
Несётся глагол краснозвонный.

Нам красная мольвь по уму:
В ней пламя, цветенье сафьяна, —
То Черной Неволи басму
Попрала стопа Иоанна.

Борис, златоордный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным — вихрь и гроза
Причислены к ангельским ликам...

1918

Борис ПАСТЕРНАК

«ВЫСОКАЯ БОЛЕЗНЬ»

(отрывки из поэмы)

Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял течением мыслей
И только потому — страной.

1923

Владимир МАЯКОВСКИЙ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

(отрывки из поэмы)

Время —
 начинаю
 про Ленина рассказ.
Но не потому,
 что горя
 нету более,
время
 потому,
 что резкая тоска
стала ясною
 осознанною болью.
Время,
 снова
 ленинские лозунги развихрь.

Нам ли
 растекаться
 слёзной лужею, —
 Ленин
 и теперь
 живее всех живых.
 Наше знание —
 сила
 и оружие...
 Я
 себя
 под Лениным чищу,
 чтобы плыть
 в революцию дальше.
 Я боюсь
 этих строчек тыщи,
 как мальчишкой
 боишься фальши.
 Рассияют головою венчик,
 я тревожусь,
 не закрыли чтоб
 настоящий,
 мудрый,
 человечий
 ленинский
 огромный лоб.
 Я боюсь,
 чтоб шествия
 и мавзолеи,
 поклонений
 установленный статут
 не залили б
 приторным елеем
 ленинскую
 простоту.
 За него дрожу,
 как за зеницу глаза,
 чтоб конфетной
 не был
 красотой оболган.
 Голосует сердце —
 я писать обязан
 по мандату долга...
 Я знал рабочего.
 Он был безграмотный.
 Не разжевал
 даже азбуки соль.
 Но он слышал,
 как говорил Ленин,
 и он
 знал — всё.
 Я слышал
 рассказ
 крестьянина-сибирца.

Отобрали,
 отстояли винтовками
 и раем
 разделали селеньице.
 Они не читали
 и не слышали Ленина,
 но это
 были ленинцы...
 Он
 в черепе
 сотней губерний ворочал,
 людей
 носил
 до миллиардов полутора,
 Он
 взвешивал
 мир
 в течение ночи,
 а утром:
 — Всем!
 Всем!
 Всем это —
 фронтам,
 кровью пьяным,
 рабам
 всякого рода,
 в рабство
 богатым отданным.
 Власть Советам!
 Земля крестьянам!
 Мир народам!
 Хлеб голодным!

1924

Николай УШАКОВ

16 ЧАСОВ 21 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

В тот скорбный час
 единой волей,
 что от ремня текла к ремню,
 вдруг захлестнуло
 на контроле
 стеснённых стрелок беготню.
 И лязг,
 и грохоты,
 и свисты,
 и стон колёс,
 и звон зубил
 какой-то вихрь
 на целых триста
 больших секунд
 остановил.

Турбины,
доменные печи
и паровозы,
как в строю,
смахнули
лапой человеческой
слезу
гремучую свою.
По этим швам,
по этим скрепам,
как бы над вольтовой дугой,
дышали ветры,
но не крепом,
а чёрной
угольной
пургой.
И, громыхая,
как по жести,
по воздуху
и проводам,
отстукивали
пульс известий
и станции
и города.
И всё,
что стало,
всё,
что стыло
среди станков,
среди снегов,
свой голос присоединило
к миллионам
скорбных голосов.

1924

Демьян БЕДНЫЙ**СНЕЖИНКИ**

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают и падают снежинки
На тихую задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзённый день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок,
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,

И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

21 января 1925

Сергей ЕСЕНИН**КАПИТАН ЗЕМЛИ**

Ещё никто
Не управлял планетой,
И никому
Не пелась песнь моя.
Лишь только он,
С рукой своей воздетой,
Сказал, что мир —
Единая семья.

Не обольщён я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил.

Не то что мы,
Которым всё так
Близко, —
Впадают в диво
И слоны...
Как скромный мальчик
Из Симбирска
Стал рулевым
Своей страны.

Средь рёва волн
В своей расчистке,
Слегка суров
И нежно мил,
Он много мыслил
По-марксистски,
Совсем по-ленински
Творил.

Нет!
Это не разгулье Стеньки!
Не пугачёвский
Бунт и трон!
Он никого не ставил

К стенке.
Всё делал
Лишь людской закон.

Он в разуме,
Отваги полный,
Лишь только прилегал
К рулю,
Чтобы об мыс
Дробились волны,
Простор давая
Кораблю.

Он — рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия его —
Матросы.

Не трусь,
Кто к морю не привык:
Они за лучшие
Обеты
Зажгут,
Сойдя на материк,
Путеводительные светы.

Тогда поэт
Другой судьбы,
И уж не я,
А он меж вами
Споёт вам песню
В честь борьбы
Другими,
Новыми словами.

Он скажет:
«Только тот пловец,
Кто, закалив
В бореньях душу,
Открыл для мира наконец
Никем не виданную
Сушу».

17 января 1925, Батум

ИЗ ПОЭМЫ «АННА СНЕГИНА»

«Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком.
Но всё ж мы тебя не порочим.
Ты — свойский, мужицкий, наш,

Бахвалишься славой не очень
И сердце своё не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Ещё не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»
И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягчённый думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

1925, Батум

Степан ЩИПАЧЁВ

* * *

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины сожжённого квартала.
Враги в советский городок вошли
И статую низвергли с пьедестала.

Полковник-щёголь был заметно рад,
Что с памятником справился так скоро,
И щёлкал долго фотоаппарат
Услужливого фоторепортёра.

Полковник крепко этой ночью спал,
А на рассвете задрожал от страха:
Как прежде памятник в саду стоял,
Незримой силой поднятый из праха.

Засуетились гитлеровцы вдруг.
В развалинах мелькали чьи-то тени:
То партизаны, замыкая круг,
Шли на врага. И вёл их Ленин.

8 октября 1942

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ**ЛОНЖЮМО***(отрывки из поэмы)*

Врут, что Ленин был в эмиграции
(Кто вне родины — эмигрант.)
Всю Россию, речную, горячую,
он носил в себе, как талант!

Настоящие эмигранты
пили в Питере под охраной,
воровали казну галантно,
жрали устрицы и гранаты —
эмигранты!

Эмигрировали в клозеты
с инкрустированными розетками,
отгораживались газетами
от осенней страны раздетой,
в куртизанок с цветными гривами
эмигрировали!..

Эмигранты селились в Зимнем.
А России сердце само —
билось в городе с дальним именем
Лонжюмо...

Ленин прост — как материя,
как материя — сложен.
Наш народ — не тетеря,
чтоб кормить его с ложечки!
Не какие-то «винтики»,
а мыслители,
он любил ваши митинги,
Глебы, Вани и Митьки.

Заряжая ораторски
философией вас,
сам, как аккумулятор,
заряжался от масс.
Вызревавшие мысли
превращались потом
в «Философские письма»,
в 18-й том...

Его скульптор лепил. Вернее,
умолял попозировать он,
перед этим, сваяв Верлена,
их похожестью потрясён,
бормотал он оцепенело:
«Символическая черта!
У поэтов и революционеров
одинаковые черепа!»

Поэтично кроить вселенную!
И за то, что он был поэт,
как когда-то в Пушкина — в Ленина
бил отравленный пистолет!

1962–1963

Леонид МАРТЫНОВ

* * *

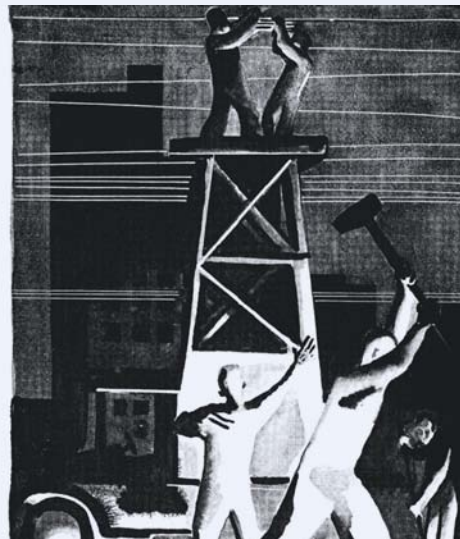
Где Ленин?
Ленин в Мавзолее.
И на медали. И в звезде.
Где Ленин?
Даты, юбилеи...
Но где же Ленин? Ленин где?

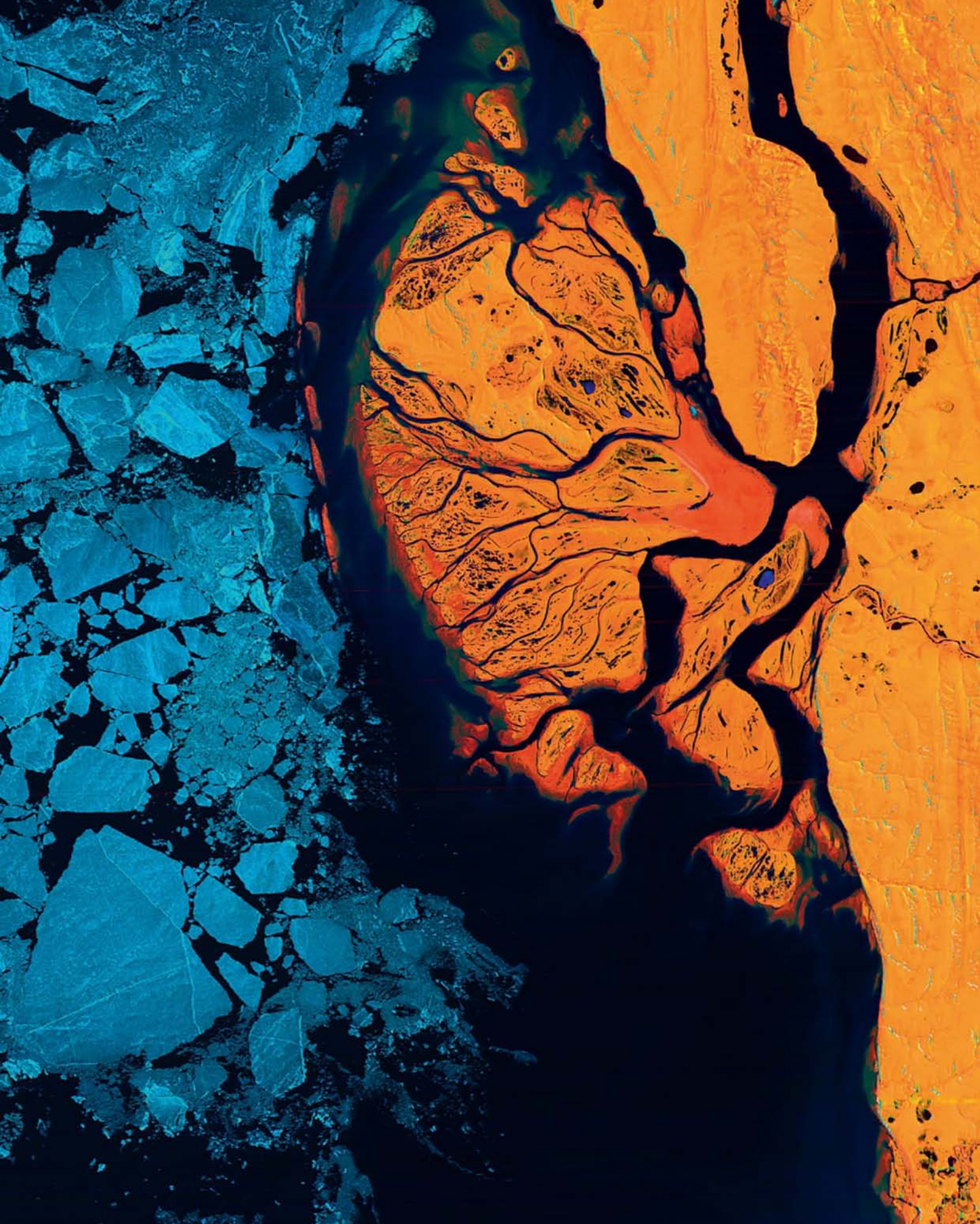
Где Ленин?
Он на полках книжных.
Но не стоять же целый век
На постаментах неподвижных
Ему во мгле библиотек!

Где Ленин?
Поздний вечер манит
Спокойно погрузиться в сны,
Но Ленин вдруг в окно заглянет:
— А все вопросы решены?

Где Ленин?
Вот его квартира,
Вот кабинет его в Кремле.
Где Ленин?
Там, где судьбы мира
Вершат народы на земле!

1965

Ленин — русская бесконечность

Ленин — скорость света